

Поль Клодель
Атласный баимачок

PAUL CLAUDEL

Le soulier de satin

GALLIMARD

Paris

Поль Клодель

Атласный башмачок

Перевод с французского
Екатерины Богопольской

Научный редактор
Татьяна Понятина

Составитель
Екатерина Богопольская

ALMA MATER

Москва

Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции
и посольства Франции в России

Художественное оформление и макет А. Бондаренко
Научный редактор Т. Поняткина
Составитель Е. Богопольская
Верстка А. Тубольцева, М. Гришиной

Перевод с французского Е. Богопольской

Клодель Поль

Атласный башмачок: Пьеса \ Пер с фр.: — М.: Альма Матер, 2010. — 520 с.

Настоящая книга – первое издание на русском языке мистерии великого поэта и драматурга Поля Клоделя (1868–1955) “Атласный башмачок”, по общему признанию самой прекрасной и самой загадочной пьесы из всего французского репертуара XX века. В основе этого длинного “испанского действия в четырех днях”, — попытка ответить на вопрос о тайнстве любви. Если все в мире от Бога, любовь–страсть тоже должна входить в замысел божественного Провидения? Чтобы ответить на этот вопрос, Клоделю нужен весь тварной мир, вся вселенная, и весь долгий опыт мирового театра — от японского “Но” и испанской драмы “Золотого века” до опытов Макса Рейнхардта и Жака Далькроза. Если мистерия о запретной любви конкистадора Родриго де Манакора и прекрасной доньи Пруэз разыгрывается на море, на суше и в небесах в течение четверти века, автор в “Атласном башмачке” смешивает не только страны и эпохи, но и жанры: высокую расиновскую трагедию и грубый мольеровский фарс, как если бы трагедию играли посреди веселой, разнузданной карнавальной толпы. Ибо, как говорится в предисловии к пьесе, “Порядок — удовольствие разума, но беспорядок — наслаждение воображения”. Написанная в 1924 году, пьеса по-настоящему открывается только сегодня: Клодель на самом деле писал для сцены будущего, то есть для нас с вами.

ISBN 978-5-900997-10-0

© Editions Gallimard, 1965

© Богопольская Е. Перевод на русский язык, 2006

© Богопольская Е. Составление, 2006

© Отран М. Предисловие, 2006

© Богопольская Е. Послесловие, 2006

© Мийе-Жерар Д. Послесловие, 2006

© Нанте, М.-В. Послесловие, 2006

© Издательство “Альма Матер”, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От переводчика</i>	7
МИШЕЛЬ ОТРАН	
“Атласный башмачок” — пьеса века	9
Сверхъестественный персонаж в “Атласном башмачке”	15

АТЛАСНЫЙ БАШМАЧОК

Испанское действие в Четырех Днях

День Первый	33
День Второй	133
День Третий	227
День Четвертый	355

ЕКАТЕРИНА БОГОПОЛЬСКАЯ

Послесловие переводчика. Театр мира Поля Клоделя

ДОМИНИК МИЙЕ-ЖЕРАР

Etiam peccata

МАРИ-ВИКТУАР НАНТЕ

Похвальное слово луне из “Атласного башмачка”

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Я никогда не смогу сполна выразить всю свою благодарность дочери писателя, Рене Нанте, которая многие годы была для меня проводником в мир Клоделя, лучшей и самой надежной наставницей. Именно благодаря ее настойчивости этот проект смог наконец осуществиться. Я приношу благодарность также за бесценную помощь и поддержку всей семье писателя, а к ней я отношу не только ближний круг, его детей и внуков, но и дальний — всю ту большую семью “клоделеvedов”, для кого Клодель стал абсолютной частью их жизни. Мое особое признание — отцу-иезуиту Рене Маришало, который в течение нескольких лет работы над переводом “Атласного башмачка” был моим безотказным советчиком. И еще. Я благодарю главу издательства “Alta Mater” Татьяну Александрову за подаренную нам всем возможность увидеть наконец текст “Атласного башмачка” на русском языке.

*Благодарим за безвозмездный дар в помощь издания книги
Marie-Victoire Nantet
Muriel Claudel
Michel et Françoise Autrand
Pierre Huttner
Michèle Claudel
Georges Details
Catherine Brémeau
Jean-François Caylar
Catherine Fantou-Gournay*

“АТЛАСНЫЙ БАШМАЧОК” —
ПЬЕСА ВЕКА

“Атласный башмачок”! Ничего себе название! В самый раз подходит для сказки! Почему не “Хрустальный башмачок”, подобно второму заголовку “Золушки”? Хрустальный ли, атласный ли, в этом чудится дыхание детства, чудесного, и именно оно вводит нас в мир театральной пьесы, общепризнанной как самое великое произведение и самого автора и XX века. Женская туфелька, этот изящный и легкий аксессуар, неожиданно становится волшебным ключиком, открывающим мир, полный препятствий, которые в конечном счете победительно преодолевает Пруэз, героиня Клоделя, как и Золушка, героиня Перро!

“Атласный башмачок, или Нет худа без добра”: пословица, которой Ведущий открывает драму, пришла сюда прямо от Кальдерона и испанского театра Золотого века. И вот уже наша сказка внезапно облекается в комедию плаща и шпаги и драму чести, такой, как представлялась она три века назад в Западной Европе. Вновь оживает эпоха Сиды! Как после этого удивляться, что нового героя, подобно легендарному Сиду, зовут Родриго!

1 Имя главного героя “Атласного башмачка”, Родриго, отсылает одновременно к пьесе испанского драматурга Гильена де Кастро “Юность Сиды” (1618), к знаменитой трагикомедии Пьера Корнеля “Сид” (1637) и к реальному прототипу героя, легендарному испанскому полководцу времен Реконквисты (XI в.) Родриго Диасу де Бивар, прозванному Сидом.

Поль Клодель работал над этой пьесой долгие четыре года и закончил ее в 1924 году в Токио, где он был в это время послом Франции. Он вложил в “Атласный башмачок” весь свой театральный опыт. Но не только. Ни один из французских писателей, его современников, не прожил столько времени за границей. Клодель — профессиональный дипломат, он подолгу жил в Китае, в Японии, в Дании, в Германии, в Италии, в Америке, в Бразилии, в Чехии и Бельгии. И в “Атласном башмачке” автор воскрешает опыт каждой из познанных им стран, потому что сам Клодель и есть по-настоящему главный герой драмы, Родриго. Его встреча, или, скорее, его невозможные встречи с Женщиной (она носит странное имя — Пруэз), и будут путеводной нитью, постоянно прерываемой и постоянно вновь возникающей, по этой пьесе-мистерии, не укладывающейся ни в какие нормы. Ничего иного в самом деле, кроме терзаний и размышлений самого автора, который таким образом отдается гигантской травестированной автобиографии, — отсюда страстность, с которой трактуется даже самый незначительный эпизод. Но, в сущности, зрителю мало дела до этой подоплеку событий, настолько завораживает мощь и неожиданность представленного действия.

По своему сюжету — неосуществленная любовь мужчины и женщины — пьеса в определенном смысле могла бы показаться банальной. Но с веселой раскрепощенностью начатая Ведущим в парадном облачении, она тотчас уклоняется от сравнения со всеми известными образцами. 52 не связанные между собой сцены чередуются в ней в течение Четырех Дней² с величайшим разнообразием, в то время как нашим пылким влюбленным удастся встретиться всего лишь один раз, и то прилюдно: блистательная и горестная развязка, но и она между тем не означает конца

2 Следуя традиции испанской драмы Золотого века, Клодель разбивает свою пьесу на Дни: День соответствует театральному акту.

драмы, так как Четвертый День, может быть самый удивительный из всех, полностью посвящен живому воспоминанию о потерянной возлюбленной, в то время как главный герой, приобщаясь морю и звездам, получает долгожданное освобождение.

И в течение всей драмы сколько живописных персонажей: китаец и японец; негритянка, два короля, монахини и монахи, старикашки, клоуны, военные, дети и буффонные профессора! А ведь еще существуют и персонажи нереальные или чересчур реальные, такие как Двойная Тень или Неустрашимый, или просто сверхъестественные, как Святые, Луна и Ангел Хранитель. Позволив с успехом существовать на сцене вместе столь разнородным персонажам, Клодель открывает нам свое понимание сценичности.

И, конечно, пространство тоже расколото. Европа, Африка, Америка, Дальний Восток — весь земной шар задействован. В пух и прах разбиты старые предписания французского классицизма. Но как все-таки подобное безумие могло успешно осуществиться?

Во-первых, потому, что за всей этой фантазмагорией скрывается реальный человек, судьба самого автора, разворачивающаяся вокруг главной драмы его жизни. Таким образом, при всей раздробленности действия, сохраняется единство. Во-вторых, потому что произведение это явилось вовремя: в “Атласном башмачке” Клодель сполна использует момент, когда традиционная модель театра выдохлась, а явившийся на рубеже веков символизм открыл новые, необычайные сценические возможности. Символизм, который с “Атласным башмачком” находит свое завершение и блестящую реализацию в театре, точно так же, как в этот же период в литературе — в романе Пруста “В поисках утраченного времени”.

Все это было бы несущественно, если бы везде и во всем не явлена была высокая поэзия слова. Идет ли речь

о стиле или о языке, о стихах или о ритмической прозе, театр Клоделя — это слово, речь – напряженная, красочная, скандированная, богатая паузами и ассоциациями, речь, в которой во всякий момент задействовано все тело актера целиком. Как если бы тело актера следовало вибрациям внутреннего ритма особого клоделевского стиха, близко-го дыхательному ритму человека.

Это был театр, новаторский для своего времени, но его новизна не исчерпана и по сей день. Новые поколения молодых актеров снова обращаются к этому тексту, чтобы с радостью открыть через него возможности своего тела и голоса, и сегодня их не может не притягивать смелость Клоделя в выборе сценических средств. С веселой непринужденностью и в ситуациях самых контрастных Клодель пробегает все регистры, от трагического к буффонному, от возвышенного к обыденному, не забывая при этом неслезанной нежности. “Театр в театре”, рисованный задник или персонажи, подобные фигурам Таро, нелепые цирковые или танцевальные интермедии — все эти приемы чередуются на протяжении “Атласного башмачка”, а через них, как бы случайно, легкими мазками развивается центральная интрига, ярко поддержанная причудливыми двойниками. Эта пьеса — своего рода завещание драматурга, хорошо знающего все возможности своего искусства: вдохновленный Шекспиром и Эсхилом, но также театром “Но” и “Кабуки”, Клодель на самом деле писал для сцены будущего, то есть для нас с вами, для нас открыто им это свободное море театра.

“Искусство умирает, — говорил Леон Шансерель³, — когда средства выражения, которыми располагает артист, превосходят то, что он хотел бы выразить”. У Клоделя средства выражения всегда были результатом необходимого вну-

тренного импульса, веры, которой он жил. Этот пыл, этот энтузиазм, который находим мы у истоков любого деяния, являются для автора “Атласного башмачка” составляющей частью его христианской веры. Но в пьесе можно расслышать также отзвуки дальневосточных религий, и даже, через персонаж донна Камильо, ислама. Из такого источника каждому дано будет напиться. Из этого океана страсти и порыва “все выступает, все проявляется с тайной улыбкой великого пробела, сокрытого золотой дымкой”⁴.

МИШЕЛЬ ОТРАН,
профессор Сорбонны,
Университет Париж-IV

3 Ученик Жака Копо, известный актер, режиссер, создатель первого во Франции театра для детей и юношества.

4 День Четвертый, сцена II.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ ПЕРСОНАЖ В “АТЛАСНОМ БАШМАЧКЕ”

Театр — искусство условное, поэтому показать в театре сверхъестественных персонажей кажется не так уж сложно. Опасность заключается в том, что они могут показаться слишком, то есть чересчур, уж условными, в особенности для французских интеллектуалов, уже давно откровенно отмежевавшихся от всякого рода сверхъестественного. В самом деле, персонажи ангелов не появлялись в классическом французском театре уже в XVII и XVIII веках, тогда как призраки все еще восхищали англичан, а немцы наслаждались метафизикой. Сыновьям Рабле, Мольера и Вольтера претило видеть, во всяком случае в театре, посланников потустороннего мира. В этом контексте перед Клоделем стояла очень нелегкая задача: как использовать театральную условность, чтобы ее преодолеть и, наоборот, сделать из нее привилегированное средство для передачи высшей реальности? Средства, которыми он пользуется для достижения этой цели, очень разнообразны. Поэт руководствуется двумя принципами. Во-первых, никогда не выводить прямо на сцену ни Деву Марию, ни самого Бога, но посредников. Во-вторых, не вкладывать божественное послание в уста единственного персонажа или реальности, специализирующейся в таковой роли, или единой группы персона-

жей и реалий. Напротив, Клодель на протяжении 52 сцен пьесы развертывает целый веер оригинальных сценических созданий, да так ловко, что Бог постоянно присутствует, но через аксессуары, декорации, образы, космические явления и т. д., через фигуры Святых или священнослужителей, и в особенности через Ангела Хранителя, который сопровождает героиню, когда она остается наедине сама с собой. Да к тому же я еще не упомянул чудесное и ошеломляющее сценическое создание, Двойную Тень, материализовавшуюся тень двух любовников на стене крепости в Могадоре, освещенной лунным светом. Нигде и везде, неуловимый и постоянно осязаемый, Бог, таким образом, без всякого усилия становится самой главной удачей, сценической и мистической, “Атласного башмачка”.

С первой сцены, еще до начала реальной истории, которую мы ждем, Клодель приводит в действие два главных компонента, через которые пробивает себе дорогу сверхъестественное: фантазию и религиозное измерение. Фантазия прорывается с самого начала через фигуру Ведущего, через добродушную связь, которая благодаря его юмору устанавливается между небом, сценой и залом. И тотчас после появляется религиозное измерение — в лице отца Иезуита, погибающего посреди океана. И только затем открывается обычный уровень реальности, то есть сцена между доном Балтазаром и доном Пелайо. Но мы уже предупреждены: обретенная наконец обыденная реальность будет всегда очерчена, размыта, приподнята, обитаема иной реальностью, двойным фундаментальным замыслом поэта-драматурга, и в особенности Бога-драматурга, который пишет прямую видимыми нам извилистыми линиями.

В фантазийной линии, где сверхъестественное постоянно выходит на поверхность, встречаются, например, такие персонажи, как Сержант-Неаполитанец, Китаец, Бака-

лейщица (La Bouchère), и в особенности необыкновенная донья Музыка, такая реальная и такая воздушная одновременно. Короче, все персонажи, принадлежащие области не-серьезного, юмора: своим счастливым, почти приводящим в замешательство обаянием они первыми дают нам предчувствие иной реальности, ключи от которой у них в руках. Священнослужители естественно выполняют ту же функцию, будь то отец Леон, что венчает Пруэз, или четверо Святых из церкви в Праге, что присутствуют при молитве доньи Музыки в начале Третьего Дня, — и тем самым устанавливается связь между сферой религиозного и фантазийного; или еще гигантская фигура Святого Иакова в небе, появление которого как бы озаряет разлуку влюбленных. Но религиозное здесь восходит к высшему измерению. Святой Иаков, или Сантьяго — это также название созвездия Ориона, которое поочередно посещает обе полусферы. В нем утверждается союз космического и божественного, это взгляд Бога “в” и “на” свое создание. И так удачно, что Клоделю, основываясь на этом, уже не составляет никого труда ввести персонаж Луны, той, что еще ближе к Богу, чем Святой Иаков, и чей монолог, приносящий успокоение, заканчивает второе действие пьесы. В высшей точке своего существования религиозное сублимируется в космическое. Свет и голос Луны обеспечивают сверхъестественному лучезарное присутствие.

Но все это вместе не стоит персонажа Ангела, Ангела Хранителя Пруэз, которого Клодель дважды выводит на сцену: в начале, в короткой 12-й сцене из Первого Дня, когда героиня сбегает из окруженного постоянного двора; затем в очень длинной 8-й сцене из Третьего Дня, самой длинной во всей пьесе, целиком состоящей из диалога между Ангелом и Пруэз. Но вначале зададимся вопросом: откуда взялся сам Ангел? В нем — немного от эпохи и много от самого Клоделя.

В конце XIX века и до войны 14-го года обновленный Ангел из лабораторий символистов появляется только в парадных спектаклях, инспирированных историями из Священного Писания или в благотворительных представлениях с воспитательными целями. Декорация для богача или духовность бедняка, сценический Ангел мало чего стоит в эпоху, когда Клодель решается на смелый шаг и вводит во всем величии Ангела в “Атласный башмачок”, пьесу, которую он сам определяет как драму-завещание.

Первая отличительная особенность этого Ангела — он никогда не появляется на сцене один, но исключительно с Пруээ и лишь тогда, когда она одна. Никакому другому персонажу пьесы не дано говорить с ним, как, кстати, со Святым Иаковом или с Луной. Ангел связан с сердцем героини, внутреннее измерение которой он бесконечно сильно расширяет. Пол Ангела — очень конкретная проблема, встающая перед театром, и прежде всего в выборе исполнителя: это мужская или женская роль?

По самым разным причинам, но прежде всего, чтобы усилить драматическое напряжение, режиссеры практически всегда давали роль Ангела мужчинам⁵. В самом деле, во время второго появления Ангелу, в авторской ремарке, предписывается быть одетым в мрачные доспехи стражей храма в Наре, но это воинское снаряжение на самом деле ничего не доказывает: ведь и Орлеанская Девственница носила его не менее мужественно. Напротив, полагая, что под обликом Ангела скрывается изображение самой Пруээ, мечтающей о своем возлюбленном, короче говоря, двойник героини, понимающий ее особенно глубоко, мы тем самым вынуждены будем видеть в Ангеле скорее женскую фигуру, сыграть которую могла бы актриса, наиболее похожая внешне на Пруээ.

5 Жан-Луи Барро в нескольких постановках “Атласного башмачка”, Антуан Витез (1987) и Оливье Пи (2003; 2009).

Две женщины, борющиеся между собой, в особенности если две на самом деле есть одна, могут показаться более захватывающими, чем если представить, что это мужчина и женщина. Ангел женского рода, таким образом, нам кажется более соответствующим замыслу Клоделя, но его “женственность”, естественно, очень удалена от манерностей, которые обычно подразумеваются в общепринятой традиции под этим словом. Ангел — ипостась Сильной Женщины, составляющей одну из сущностей Пруээ. Он — ее идеальное, сверхчеловеческое, божественное начало, ее “сверх-я”, грубо говоря. Но любое из этих определений по-своему исказило бы основную реальность связи, которая в самом ее существовании связывает “секретным родством”⁶ Пруээ и Ангела. Так как Ангел для Пруээ не что иное, как то, что сам поэт определил в “Vers d'exil”: “Кто-то во мне больше я, чем я сам”, то есть Бог, но Бог, которого было бы слишком бледно определить только как личного, тогда как он существует как самый неопровержимый корень, основа моей индивидуальности, того существа, которым я являюсь. В том, что я есть наиболее я, я становлюсь абсолютным Другим. Природа Ангела не может быть божественной иначе. Он становится Богом, представляет Бога только потому, что он — абсолют Пруээ.

Именно поэтому Ангел в двух сценах не может сопровождать никого иного, кроме Пруээ. Донья Музыка не нуждается в Ангеле, чтобы остаться одной, драматургу достаточно четверых Святых и соположения монологов. Пруээ, героиня без монолога, через своего Ангела и вместе с ним, познает поединок патетических диалогов, которые объективизируют для зрителя ее длинный бунт против себя самой и против Бога. Ангел — одиночество Пруээ. Через Ангела Клодель подарил своей героине то, что ни Китаец, ни Японец никогда не позволят достичь Родриго: остаться лицом к лицу со своей собственной сущностью. Родриго

6 День Первый. Сцена XII.

достигнет этого только в самом конце пьесы, в ослепительном и умиротворенном видении “моря и звезд”.

Таким образом оригинальность персонажа Ангела позволяет лучше очертить саму Пруэз. Она не такая героиня, как другие, не простой объект и чистый предмет страсти, которую разветвленная интрига разворачивает посреди континентов.

Благодаря Ангелу Пруэз избегает по меньшей мере двух монологов, позволив тем самым оставить монологи таким персонажам, как Святой Иаков или Луна, у которых нет другого способа самовыражения. И более прозаически — Ангел позволяет избежать таких условных персонажей, как наперсники, наперсницы, служанки или кормилицы, а также искусственных диалогов, которые они на протяжении всей театральной истории обычно поддерживали с героями. Наконец, Ангел не остается в изоляции. Клодель вписывает его в целую систему духовных существ и реальностей, о которых я упоминал вначале. Он — первый среди целого созвездия, составляет с ним общую структуру, он — живая частица ансамбля. Таким образом, Клоделю не нужны традиционные крылья, чтобы обнаружить и выявить свой персонаж, существование которого раскалывается на разные фигуры: то он примеряет на себя роль зрителя, созерцающего спящую женщину, то роль ведущего, приглашающего публику посмотреть на нее, то актера, то вестника, то теолога, который пытается образумить, или еще чувствительной души, переполненной жалости.

Чтобы не впасть в теологическое однообразие, автор сыграл не на поверхностной психологии, не на психологии глубинной, но на драматургии возвышенного и действенного. Мы больше не задаемся вопросом о правдоподобии или чувствах Ангела, так как мы заморожены интенсивностью, с которой он сумел нам его передать в сцене, которая могла показаться бесконечной.

Эта интенсивность подпитывается соединением с космосом, растворением в космосе. Как Луна и звезды, Ангел является выразителем единства творения — творения Вселенной и творения пьесы, гарантом “всех этих вещей, что существуют вместе”. Теолог и драматург шагают в ногу. Ангел — в гораздо большей степени фермент единения и непрерывности, нежели вестник разрыва и чужеродного вмешательства. На этом пути, однако, тоже существует риск. Сама реальность Ангела как персонажа может быть поставлена под сомнение. Например, именно так считает Жан-Поль Риштер, для которого Ангел не имеет больше собственной реальности и становится своего рода частью сна героини, частью раздвоенного сознания, которое приводит к осознанию своей сущности⁷. Безусловно, сцены с Ангелом в “Атласном башмачке” могут быть прекрасно прочитаны и сыграны как сцены раздвоения, когда Ангел, если употребить термин отца Булгакова, становится “небесным я”, “онтологическим основанием личности” героини⁸. Здесь есть между небом и личностью высшее соответствие, теологически верное и театрально очень сильное, к которому французская и вообще западная традиция не приучена. Ангел Клоделя великолепно иллюстрирует концепцию, которую представляет, например, Филипп Фор в своем труде об Ангелах: “Человек как бы приглашается своим ангелом к внутреннему совершенствованию, к тому, чтобы наполнить свою потенциальную богоявляющую сущность, стать живой иконой, земным проявлением божественной жизни. Эта концепция небесного полюса личности, интегрального эго как отражения Бога, существует в христианстве, даже если она не дала на Западе толчок ко всем возможным продолжениям сюжета”. Таким образом, Ангел в “Атласном башмачке” — сценическое выражение мира иного, кото-

7 Цит. по: Philippe Faure, *Les Anges*, Cerf, 1988, p. 68.

8 Цит. по: Philippe Faure, *ibidem*, p. 109.

Мишель Отран

рый одновременно в сердце нашего. Он свидетельствует не столько о благовещении, сколько о воплощении. “Именно через земное тело и существа материальные душа Клоделя познала мир душ и узнала Бога. Он щедро принял ограниченное и нашел там неисчерпаемое. Так как для него между материальным миром и миром духовным не было разрыва. Существа видимые и чувствующие имеют миссию ввести нас в мир невидимый, такой же реальный, как и они, и еще более живой”⁹.

Мишель Отран,
профессор Сорбонны,
Университет Париж-IV

Атласный башмачок

*Deus escreve direito por linhas tortas*¹⁰.

Португальская пословица

*Etiam peccata*¹¹.

Блаженный Августин

10 Бог пишет прямо извилистыми линиями. — Здесь и далее — примечания переводчика.

11 Даже грехи служат (лат.).

Посвящается художнику Хосе Марии Серту¹²

- 12 Хосе Мария Серт (1875–1945) — известный испанский художник, живший в Париже, с которым Клоделя связывала большая дружба. Именно после одной из бесед с Сертом весной 1919 года родился первоначальный замысел "Испанской драмы".

...Так как в конце концов не полностью исключено, что моя пьеса будет в один прекрасный день сыграна, лет через 10 или, может быть, 20, вся целиком или частично, то лучше сразу начать с нескольких сценических указаний. Очень существенно, чтобы сцены чередовались без малейшей остановки. Задник должен быть расписан весьма небрежно, можно и вовсе без него обойтись. Пусть рабочие сцены осуществляют необходимые перестановки прямо на глазах зрителей в то время, как спектакль идет своим чередом. При необходимости актерам вовсе не возбраняется им немного помочь. Участники каждой сцены появляются еще до того, как будет завершена предыдущая, и тотчас начинают готовиться вступить в действие. Авторские ремарки, если, конечно, о них не позабудут и если к тому же они не помешают развитию действия, могут быть прочитаны помощником режиссера или самими актерами, которые смогут по ходу спектакля доставать их из карманов и передавать один другому. Если они и перепутают что-то, ничего страшного. Небрежно свисающий кусок веревки, плохо натянутый задник, открывающий взору зрителей

белую стену, перед которой суетятся рабочие сцены, произведут наилучший эффект. Необходимо, чтобы все казалось временным, незаконченным, непоследовательным, сделанным на скорую руку, сымпровизированным в порыве воодушевления! Желательно, конечно, добиваться успеха, хотя бы время от времени, так как даже в беспорядке следует избегать монотонности.

Порядок — удовольствие разума, но беспорядок — наслаждение воображения.

Я предполагаю, что моя пьеса могла бы быть сыграна в последний день Карнавала¹³, часа в четыре после полудня. Я представляю себе большой зал, согретый во время предыдущего представления, заполняющийся веселой, болтающей публикой. Из створчатых дверей доносится глухой шум солидного оркестра, играющего в фойе. В зале другой гнусавый оркестрик развлекается, имитируя гомон зрителей, но так, что постепенно увлекает их за собой, придавая всей этой разноголосице своего рода ритм и законченное очертание.

На просцениуме перед закрытым занавесом появляется ВЕДУЩИЙ. Этот представительный бородатый мальчик в шляпе с перьями, с тростью и широким поясом (который ему с трудом удалось застегнуть), кажется, так и сошел с картины Веласкеса. ВЕДУЩИЙ пробует говорить, но всякий раз, как он открывает рот и пока публика с обычным гулом устраивается в зрительном зале, его прерывает то звук кимвала, то глупый колокольчик, то пронзительная трель флейты, то лукавое размышление фагота, то шалости окарины, то грубости саксофона. Постепенно все смолкает, наступает тишина. Слышен только большой барабан, который с методичностью отбивает бум-бум-

бум, подобно своенравному пальчику какой-нибудь знаменитости, вроде мадам Барте¹⁴, в сцене, когда она, ритмично постукивая по столу, смиренно выслушивает нарекания Господина Графа. Снизу *riapissimo* доносится барабанная дробь, время от времени переходя в *forte*, и так до тех пор, пока публика более-менее не угомонится.

13 Mardi-Gras, вторник перед великим постом. Период латинского карнавала соответствует русской Масленице.

14 Madame Bartet (1854–1941), известная парижская актриса, для Клоделя — символ исполнительницы светской салонной драмы или буржуазной комедии.

ВЕДУЩИЙ,
*с текстом в руках, с силой стуча тростью об пол,
объявляет:*

АТЛАСНЫЙ БАШМАЧОК,
ИЛИ
НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА
Испанское действо в Четырех Днях

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Короткий звук трубы.

*Сцена этой драмы — весь мир и преимущественно Испания
конца XVI века, а то и начала XVII.*

*Автор позволил себе смешать страны и эпохи подобно
тому, как с определенного расстояния несколько отдельных
горных хребтов сливаются в единую линию горизонта.*

*Опять короткий звук трубы. Длинный гудок, наподобие
того, что отдается при отплытии корабля.*

Занавес поднимается

Действующие лица Первого Дня

ВЕДУЩИЙ

ОТЕЦ ИЕЗУИТ

ДОН ПЕЛАЙО

ДОН БАЛТАЗАР

ДОНЬЯ ПРУЭЗ (ДОНЬЯ ЧУДО)

ДОН КАМИЛЬО

ДОНЬЯ ИЗABELЛА

ДОН ЛУИС

КОРОЛЬ ИСПАНИИ

КАНЦЛЕР

ДОН РОДРИГО

КИТАЕЦ

НЕГРИТЯНКА ЖОБАРБАРА

СЕРЖАНТ-НЕАПОЛИТАНЕЦ

ДОН ФЕРНАНДО

ДОНЬЯ МУЗЫКА (ДОНЬЯ ОТРАДА)

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

АЛФЕРЕС

СОЛДАТЫ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ВЕДУЩИЙ, ОТЕЦ ИЕЗУИТ

ВЕДУЩИЙ

Обратите, я прошу вас, братья мои, свои взоры на эту точку в Атлантическом океане, несколькими градусами южнее экватора, на полпути между Старым и Новым Светом. Здесь нам прекрасно изобразили обломки судна без мачт, которое плывет по воле волн. Все большие созвездия обоих полушарий — Большая Медведица, Малая Медведица, Кассиопея, Орион, Южный Крест — подвешены в образцовом порядке, как огромные канделябры, как гигантские рыцарские доспехи на круге неба. Я мог бы дотронуться до них своей тростью. По всему небесному кругу. А вот здесь живописец, которому захотелось бы изобразить злодеяния пиратов, — почему бы не англичан? — на этом несчастном испанском суденышке, мог бы нарисовать хоть вот эту мачту с реями и снастями, упавшими поперек палубы, и эти опрокинутые пушки, и эти открытые люки, и эти огромные пятна крови, и эти трупы повсюду, а особенно вон ту группу монахинь, рухнувших друг на дружку. К обломку грот-мачты привязан отец Иезуит, как вы уже заметили,

исключительно высокий и тощий. Сквозь разорванную сутану виднеется голое плечо. И вот он начинает говорить примерно следующим образом: “Господи, я благодарю Тебя, что Ты так привязал меня..” Но, впрочем, он сам сейчас вам все расскажет. Слушайте внимательно, не кашляйте и постарайтесь что-нибудь понять. Так как то, что вы обычно не понимаете, и бывает самым прекрасным, а то, что вы не найдете забавным, — самым смешным.

Ведущий уходит.

ОТЕЦ ИЕЗУИТ

Господи, я благодарю Тебя за то, что Ты так привязал меня! Иногда мне случалось находить Твои заповеди тягостными.

И моя воля пред Твоим законом,
Недоумевая, противилась Тебе.

Но нет способа быть ближе к Тебе, чем сейчас, напрасно пытаюсь я двигать членами своими, нет ни одного, которым смог бы я хоть чуть-чуть уклониться от Тебя.

Да, верно, что привязан я к кресту, но крест этот не привязан уже ни к чему. Он плывет в свободном море.

В свободном море, в той точке его, где стирается граница ведомого нам Неба,

Что на равном расстоянии находится от старого мира, покинутого мной,

И другого, нового.

Все погибло вокруг меня, все завершилось на этом узком жертвеннике, переполненном телами моих сестер, прижавшихся друг к дружке, — урожай, безусловно, был собран не без некоторого беспорядка.

Но все, в конце концов, вернулось в великий отцовский покой.

И если бы я считал себя покинутым, мне ничего другого не оставалось, как ждать возвращения неминуемой

мощи океана подо мной, которая поглотила бы меня и приподняла меня, так, чтобы в одно мгновение я слился с радостью бездны,

С той последней волной, что увлечет за собой навсегда.

Я вбираю в себя, я пользуюсь всем этим неделимым творением, разом единожды созданным Господом, с которым я сам неразрывно сплавлен внутри его Святой воли, отказавшись от собственной.

Этим прошлым, что вместе с будущим составляет одну неразрывную материю,

Этим морем, что было мне дадено в распоряжение,

Дыханием двух дружеских миров, что поочередно ощущаю я на моем лице, и там, в вышине Небес, великими незабываемыми созвездиями,

И все это, дабы благословить столь желанную мне землю, что сердцем я угадываю там, в ночи!

Пусть будет с ней благословение, какое было у Авеля-пастыря, посреди его рек и лесов! Пусть война и раздор пощадят ее! Пусть ислам не осквернит ее берегов, как и другая, еще худшая чума, ересь.

Я отдал себя Богу, и теперь пришел для меня день отдыха и успокоения, и могу я полностью ввериться тем узам, что соединяют меня с Всевышним.

Вы скажете — это жертвоприношение, а ведь мой выбор подобен всего лишь едва заметному мановению руки.

Только зло, по правде говоря, требует от нас усилия, потому что оно противоестественно, расходится с основным потоком бесконечной силы, что со всех сторон подхватывает и увлекает нас.

И вот теперь настал час молитвы в последней обедне, уже напоенной привкусом смерти, что я отслужу через жертву собственной плоти моей: Господи, прошу Тебя за брата моего, Родриго! Господи, молю тебя за сына моего, Родриго!

У меня нет другого чада, Господь мой, и он тоже хорошо знает, что у него не будет другого брата.

Ты видел его, Отче, когда вначале он пошел по моим стопам, под Твоим знаменем, и вот сейчас, из-за того, что он бросил служение Тебе, он воображает, что покинул Тебя,

И миссия его, как он полагает, не в том, чтобы ждать, а в том, чтобы завоевывать и владеть всем, чем можно, как будто есть что-то, не принадлежащее Тебе, или как будто можно быть вне пределов Твоей досягаемости.

Но, Боже, не так легко избежать Тебя, и если он не идет к Тебе через то, что есть в нем чистого, пусть войдет в Твое царствие чрез то, что есть в нем темного, и если не прямым путем,

То окольным, и если не через простоту, то через все, что есть в нем неоднозначного, и трудного, и путаного,

И если он возжелает зла, пусть это будет такое зло, что совместимо лишь с благом,

И если он возжелает разрушенья, пусть это будет такое разрушенье, которое привнесет с собой сотрясение и трещину в той крепости вокруг него, что преграждает ему путь к спасению,

Ему и множеству людей вместе с ним.

Ведь он из тех, кто не может спастись иначе, как спасая ту толпу, что за ним выстраивается.

Ты уже научил его желать, Господи, но он еще пока не узнал, что значит быть желанным.

Научи же его, что Твое отсутствие не единственно! Свяжи его грузом осознания красоты другого существа, вне его, которое стремится к нему сквозь все преграды!

Разбей ему сердце, показав единожды в жизни лицо ангела!

Наполни этих любовников таким желанием, чтобы вырванные из повседневного существования

Обрели они первозданную целостность и самую их сущность, как были они созданы когда-то Богом в нерушимом средстве,

И те жалкие слова, что он попытается произнести на Земле, я здесь, чтобы перевести их на Небе.

СЦЕНА II

ДОН ПЕЛАЙО, ДОН БАЛТАЗАР
*Фасад дома испанского гранда. Раннее утро.
Сад, усаженный апельсиновыми деревьями.
Под деревьями — маленький фонтан
из голубого фаянса.*

ДОН ПЕЛАЙО

Дон Балтазар, от этого дома ведут две дороги.

Первая, если бы взгляд мог охватить ее всю разом, увидел бы, что через многие города и села,

Поднимаясь и спускаясь, словно разматывающийся клубок,

Тянется она прямо к морю и проходит недалеко от хорошо знакомого мне постоянного двора, скрытого среди высоких деревьев.

Именно по этой дороге вооруженный кабальеро сопроводит донью Пруэз. Да, я хочу, чтобы он удалил донью Пруэз с моих глаз.

В то время как по другой дороге, петляющей среди скал и дрока,

Я поеду на зов, который содержится в этом белом пятнышке,

В этом письме от бедной вдовы, живущей в горах,

В этом письме от моей кузины, что я держу сейчас в руках.

И нашей донье Чудо, нашей Пруэз ничего другого не останется, как всматриваться в морскую даль к востоку,

Ожидая появления парусника, который доставит нас обоих, ее и меня, в наши владения в Африке.

ДОН БАЛТАЗАР

Сеньор, так скоро, и уже в путь!

Здесь ведь дом вашего детства, и после стольких лет скитаний по земле варваров вы вновь хотите покинуть его!

ДОН ПЕЛАЙО

Да, верно, это единственное в мире место, где я и понял, и принял.

Именно здесь искал я прибежище тишины в те времена, когда был грозным судьей его величества, искоренителем разбойников и мятежа.

Люди не любят судей.

Но я-то сразу узнал, что нет большего милосердия, чем уничтожать злоумышленников.

Сколько дней провел я здесь в одиночестве, и моим единственным собеседником с утра до вечера был лишь старый садовник

Да эти апельсиновые деревья, что я сам поливал, и еще маленькая козочка, единственное существо, которое совсем не боялось меня!

Да, она играючи бодала меня и поедала виноградные листья из моих рук.

ДОН БАЛТАЗАР

А сейчас у вас есть донья Чудо, которая значит для вас больше, чем та козочка.

ДОН ПЕЛАЙО

Позаботьтесь о ней, дон Балтазар, в этом трудном путешествии. Я вверяю ее вашей чести.

ДОН БАЛТАЗАР
Как, так это мне вы хотите поручить донью Пруэз?

ДОН ПЕЛАЙО

Почему нет? Разве не вы сами сказали мне, что дела зовут вас в Каталонию? Ваш путь не сильно удлинится.

ДОН БАЛТАЗАР

Прошу извинить меня. Нет ли другого кабальеро, который возьмет на себя эту заботу?

ДОН ПЕЛАЙО

Других нет.

ДОН БАЛТАЗАР

Ну, например, дон Камильо, тамошний лейтенант, ваш родственник, который собирается возвращаться обратно в Африку?

ДОН ПЕЛАЙО

(жестко)

Он вернется один.

ДОН БАЛТАЗАР

Но разве нельзя, чтобы донья Пруэз ждала вас здесь?

ДОН ПЕЛАЙО

У меня не будет времени, чтобы вернуться.

ДОН БАЛТАЗАР

Какой же властный долг зовет вас?

ДОН ПЕЛАЙО

Моя кузина, донья Вириана, при смерти, а в доме нет ни одного мужчины.

Нет ни гроша в ее смиренном и высокородном доме, едва ли хлеба достает,

И к тому же шесть дочерей на выданье, самой старшей чуть больше двадцати.

ДОН БАЛТАЗАР

Не та ли это девушка, которую мы — я как раз жил в тех краях, когда набирал рекрутов для Фландрии, — прозвали донья Музыка?

Из-за гитары, с которой она никогда не расставалась, хотя никогда на ней и не играла,

Из-за больших доверчивых глаз, смотрящих прямо на вас и готовых поверить в любые чудеса,

Из-за зубов, похожих на свежий миндаль, которыми она покусывала алые губы, и из-за ее смеха!

ДОН ПЕЛАЙО

Почему же вы не женились на ней?

ДОН БАЛТАЗАР

Я нищ, хуже старого волка.

ДОН ПЕЛАЙО

Так значит, все твое жалованье уходит к брату, главе вашего дома во Фландрии?

ДОН БАЛТАЗАР

Между Шельдой и Маасом вы не найдете рода славнее.

ДОН ПЕЛАЙО

Я беру Музыку на себя, а тебе поручаю Пруэз.

ДОН БАЛТАЗАР

Эх, сеньор, я, как и вы, несмотря на свой возраст,

Скорей пригоден быть супругом красивой женщине, чем защитником.

ДОН ПЕЛАЙО

Ни она, ни вы, мой благородный друг, в этом я уверен, не должны опасаться этих нескольких дней пути,

И, кстати, с моей женой всегда ее служанка: берегитесь чернокожей Жобарбары! Даже персик, растущий среди диких кактусов-опунций, защищен не лучше!

И, в конце концов, ваше ожидание будет недолгим: в скором времени я все улажу.

ДОН БАЛТАЗАР

Как, выдадите замуж всех шестерых девиц?

ДОН ПЕЛАЙО

Я уже присмотрел для каждой по два жениха, и приказ явиться им, голубчикам, уже отослан; кто осмелится ослушаться Пелайо, грозного судью?

Девушкам останется только выбрать, а заартачатся, я выбрал сам за них —

Монастырь.

Араговец, который привел на рынок шесть молодых кобылиц, не более меня может быть уверен в успехе. Кобылицы спокойно постаивают в тени высокого каштана

И не видят покупателя, который ласковым и опытным глазом осматривает одну за другой, пряча удила за спиной!

ДОН БАЛТАЗАР

(с глубоким вздохом)

Прощай, Музыка!

ДОН ПЕЛАЙО

И пока у нас остается немного времени, я хотел бы закончить своей рассказ о том, как обстоят дела на побережье Африки. Султан Мулей...

Они удаляются.

СЦЕНА III

ДОН КАМИЛЬО, донья ПРУЭЗ

Другая часть того же сада. Полдень. От края до края сцены длинная изгородь из густолиственного граба. Тень от

*плотной кроны деревьев создает ощущение сумерек.
Но сквозь редкие просветы в листве все же проходят лучи
солнца, оставляя огненные блики на земле.*

*С невидимой стороны изгороди, выдаваемая только редкими
всполохами своего красного платья, прогуливается донья
Пруэз. Рядом с ней, с видимой стороны — дон Камильо.*

ДОН КАМИЛЬО

Я признателен вашей милости за то, что вы позволили мне
попрощаться с вами.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я ничего вам не позволяла, и дон Пелайо ничего мне
не запрещал.

ДОН КАМИЛЬО

Эта лиственная преграда между нами доказывает,
что вы не хотите видеть меня.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не достаточно ли того, что я слышу вас?

ДОН КАМИЛЬО

Оттуда, где я вскорости окажусь, я вряд ли смогу
беспокоить господина генерал-капитана.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы возвращаетесь в свой Могадор?

ДОН КАМИЛЬО

Кстати, это очень симпатичный уголок побережья,
вдали от Кета и его контор, вдали от той грубо
раскрашенной голубой картинки, на которой веслами
белых галеонов непрерывно пишется имя короля Испании.

Но что я особенно ценю, так это мель у входа
в бухту длиной сорок футов, которая стоит мне время
от времени одного или двух баркасов и слегка досаждают
неожиданным посетителям.

Но, как говорится, те, кто посещают меня, оказывают
мне честь, а те, кто не посещают, доставляют удовольствие.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но это также преграждает путь для подкрепления
и затрудняет снабжение.

ДОН КАМИЛЬО

Я стараюсь обходиться.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

К счастью, Марокко в данный момент разделен между
тремя или четырьмя султанами или пророками, которые
воюют между собой. Не так ли?

ДОН КАМИЛЬО

Да, верно, это моя маленькая удача.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И никто лучше вас, не правда ли, не сумел
бы воспользоваться ей.

ДОН КАМИЛЬО

Я умею найти со всеми общий язык. Но я знаю, о чем вы
думаете.

Вы думаете о той двухлетней поездке, которую
я совершил по стране, переодевшись в еврейского купца.

Многие люди говорят, что это не дело для дворянина
и христианина.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я так не думала. Никто никогда не думал, что вы
вероотступник. Это видно по той почетной должности,
которую доверил вам король.

ДОН КАМИЛЬО

Да, почетная должность, ничего не скажешь: собака
на бочке посреди океана. Но я и не хочу ничего иного.

Многие говорят также, что во мне есть что-то от мавра, из-за чуть смуглого цвета лица.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я так не думаю. Я знаю, что вы из очень хорошей семьи.

ДОН КАМИЛЬО

А пусть я буду мавром! Каждый порядочный дворянин знает, что можно отработать на мавре удар, словно на чучеле из игры в кинтен¹⁵. Впрочем, только в теории, потому что на практике мы стараемся как можно меньше соприкасаться с ними.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы же знаете, что я думаю так же, как вы. Я тоже люблю эту опасную породу людей.

ДОН КАМИЛЬО

Люблю ли я их? Да вовсе нет, но я не люблю Испанию.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Что я слышу, дон Камильо?

ДОН КАМИЛЬО

Есть люди, которые находят уготовленное им место уже при рождении,

Сдавленные и зажатые, как зерно кукурузы в плотном початке:

Религия, семья, родина.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы разве избавились от всего этого?

15 Кинтен (quintaine) — для подготовки юношей к рыцарскому служению во Франции и Англии существовала программа по умению владеть щитом и копьем. Для этого применяли кинтен — на кол, вбитый в землю, подвешивались доспехи и щит, а иногда и просто бочка.

ДОН КАМИЛЬО

Не правда ли, вы бы предпочли, чтобы я солгал и успокоил вас? Как моя матушка, которая мечтала, чтобы я постоянно говорил ей только то, что ей самой хотелось бы услышать.

“Лукавая улыбочка” вместо ответа, как она упрекала меня за нее!

Ах, о других своих детях, должен вам заметить, она вовсе не думала! И, умирая, повторяла только мое имя. А этот блудный сын, если нам поговорить о ком-нибудь другом, кстати, об отменном негоднике, —

Скажите, вы верите, что он и вправду расточил имение свое с обжорами и блудницами?¹⁶ О! Он впутался в гораздо более увлекательные делишки! В такие махинации с карфагенянами и арабами, от которых волосы встают дыбом! Само имя было опорочено, вы улавливаете?

И вы свято верите, что отец не думал ни о чем, кроме дорогого сыночка? Целыми днями напролет. Да ему просто не давали такой возможности.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А что вы подразумеваете под “лукавой улыбочкой”?

ДОН КАМИЛЬО

Как будто между нами был тайный уговор, как если бы мы с ней были заодно. Я слегка подмигивал, вот так! Бедная мамочка, эта улыбка просто выводила ее из себя!

И все же какой дьявол создал меня, спрашивается, если не она сама?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не мое дело переделывать вас.

16 Ссылка на Евангелие от Луки (“Притча о блудном сыне”, Лука, 15, 11–32).

ДОН КАМИЛЬО

Почем знать? А впрочем, может быть, наоборот, это мое предназначение переделать вас.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это будет трудно, дон Камильо.

ДОН КАМИЛЬО

Это будет трудно, однако вы уже здесь и слушаете меня через эту стену листвы, несмотря на запрет вашего мужа. Я даже разглядел ваше маленькое ушко.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я знаю, что нужна вам.

ДОН КАМИЛЬО

Вы хотите сказать, что я люблю вас.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я сказала то, что я сказала.

ДОН КАМИЛЬО

И я не внушаю вам слишком большого ужаса?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это вам так сразу вряд ли удастся.

ДОН КАМИЛЬО

Скажите, вы, существо, которое я лишен возможности видеть, что не мешает вам слышать меня и двигаться в лад со мной с другой стороны этих зарослей, разве не заманчиво то, что я вам предлагаю?

Другие предлагают женщине, которую любят, жемчуга, замки и, почем я знаю, наверное, леса, сто ферм, свой флот на море, рудники, королевства,

Жизнь спокойную и честную, чашу вина, чтобы испить ее вместе.

Но я-то предложу вам нечто иное; я затрону, увидите, самую сокровенную струну вашего сердца,

Предлагая вещь настолько бесценную, что, чтобы обрести ее с моей помощью, ничего не жаль, и вам наскучит ваше богатство, семья, родина, ваше имя и даже сама честь!

Да что мы тут делаем, уедемте, Чудесная!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И что же это за такая бесценная вещь, которую вы мне предлагаете?

ДОН КАМИЛЬО

Место рядом со мной, где больше абсолютно ничего нет! “Nada”¹⁷, бр...!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И это ничто вы хотите дать мне?

ДОН КАМИЛЬО

Разве не это ничто способно освободить нас от всего на свете?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но я, я люблю жизнь, сеньор Камильо! Я люблю весь мир, я люблю Испанию! Я люблю это голубое небо, я люблю благодатное солнце! Я люблю ту судьбу, которую мне даровал Господь.

ДОН КАМИЛЬО

Я тоже люблю все это. Испания прекрасна. Великий Боже, как было бы хорошо, если бы можно было покинуть ее раз и навсегда!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не это ли вы и сделали?

17 Ничего (*исп.*).

ДОН КАМИЛЬО

Человеку свойственно возвращаться.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но разве может существовать такое место, где абсолютно ничего нет?

ДОН КАМИЛЬО

Оно существует, Пруэз.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И что же это?

ДОН КАМИЛЬО

Место, где ничего больше нет, это мое сердце, и в нем ничего, кроме тебя.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Говоря это, вы отворачиваете лицо, чтобы я не видела насмешки на ваших губах.

ДОН КАМИЛЬО

Если я скажу, что любовь ревнива, вы притворитесь, что не понимаете.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Какая женщина не знает этого?

ДОН КАМИЛЬО

Не говорят ли поэты, что та, которая любит, томится от невозможности стать всем для своего избранника?

Ей хочется, чтобы он воцарился только ее.

Смерть и пустыню несет она своей любовью.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

О! Совсем не смерть, но жизнь хотела бы я принести тому, кого люблю.

Жизнь, будь даже ценой моей!

ДОН КАМИЛЬО

А разве вы сами не значите больше, чем все земные царства, больше, чем сама Америка, вырванная у моря?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я — больше.

ДОН КАМИЛЬО

Но что такое эта Америка в сравнении с душой, которая гибнет?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Должна ли я отдать свою душу, чтобы спасти вашу?

ДОН КАМИЛЬО

Иного способа нет.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если бы я любила вас, мне было бы это легко.

ДОН КАМИЛЬО

Если вы не любите меня, любите мое несчастье.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Какое такое великое несчастье?

ДОН КАМИЛЬО

Помешайте моему одиночеству!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но разве не ради него вы трудились не покладая рук?

Есть ли у вас хоть один друг, которого вы не отвадили? Связь, которую вы не порвали? Долг, который вы не приняли именно с той улыбочкой, о которой вы мне только что говорили?

ДОН КАМИЛЬО

Если я опустошен, то только для вас.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Одному лишь Богу дано наполнить нас.

ДОН КАМИЛЬО

Этот ваш Бог, как знать, может быть, вы одна способны привести меня к нему?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я вас не люблю.

ДОН КАМИЛЬО

А я в таком случае буду таким несчастным и преступным, да, я натворю такого, донья Пруэз,

Что я заставлю вас прийти ко мне, вас и этого Бога, которого вы так ревниво бережете для себя одной, как будто он явился только для праведных.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не богохульствуйте!

ДОН КАМИЛЬО

Но ведь это вы говорите мне о Боге: я не любитель этой темы.

Вы полагаете, что именно блудный сын попросил прощения?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Так сказано в Евангелии.

ДОН КАМИЛЬО

А я настаиваю, что отец. Да, отец, пока он обмывал израненные ноги нашего путешественника.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы тоже вернетесь.

ДОН КАМИЛЬО

Тогда я не хочу, чтоб в этот день играла музыка! Ни званных гостей, ни откормленного тельца¹⁸. Никакой показухи.

18 Евангелие от Луки, гл.15, 11 — 32.

И пусть он будет слеп, как Иаков, чтобы не видеть меня.

Вы помните эту сцену, когда Иосиф просит своих братьев уйти, чтобы остаться наедине с Израилем?

Никто не знает, что произошло между ними, но до конца творенья хватит того, чем были заполнены эти пять минут агонии!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Скажите, дон Камильо, разве так трудно быть просто честным человеком? Верным христианином, верным солдатом, верным слугой его Величества.

Верным супругом женщины, которая выберет вас?

ДОН КАМИЛЬО

Все это слишком громоздко, и медленно, и сложно,

Другие вечно давят на нас, я задыхаюсь! Ах, мы никогда не покончим с этой окружающей нас со всех сторон темницей и со всей этой грудой дряхлых трупов!

Всем тем, что мешает нам следовать внутреннему зову!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Что это за непреодолимый зов?

ДОН КАМИЛЬО

Вы же не станете утверждать, что сами его никогда не чувствовали? Мошкарка не более способна сопротивляться иступленной тяге к свету, который поглощает ночь,

Чем человеческие сердца зову огня, который способен испепелить их. Зов Африки!

Земля не была бы тем, что она есть, если бы у нее не было этого огненного пятна на чреве, этой гложущей ее раковой опухоли, этого огненного луча, разъедающего печень, этого тагана, разожженного дыханием океанов, этой дымящейся пещеры, этой печи, куда стекается очищаться вся грязь животных испарений!

Мы, запершиися в наших четырех стенах, — еще не весь мир!

Напрасно вы законопатили все щели и сговорились между собой, вы все равно не сможете исключить эту большую часть человечества, без которой вы решили обойтись, а ведь Христос умер и за них тоже.

Вслушайтесь в порыв ветра, от которого трепещет листва и бьются створки окон, это зов Африки, обращенный к тому, что вечно страдает за нас.

Другие покоряют моря, а я, почему бы мне не углубиться насколько возможно по суше, до этой другой границы Испании — огня?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Капитаны, которых король посылает к берегам новых Индий, служат не себе, а своему монарху.

ДОН КАМИЛЬО

Мне нет надобности думать все время о короле Испании, разве он не везде, где есть один из его подданных? Тем лучше для него, если я проникаю туда, куда не может пойти его имя.

Для меня Африка — не новый мир, который даден мне, чтобы лепить его по прихоти собственной фантазии,

Нет, это живая книга, которую надо постичь, и власти над ней, что я алчу, можно добиться только знанием.

Алкоран, строки которого начертаны рядом пальм вдали, перламутровые города по краю горизонта — как заглавие,

А буквы — толпы с горящими глазами в тени узких улиц, закутанные до пят фигуры, но стоит им только протянуть руку — и она сразу становится золотой.

Как голландцы живут морем, так эти народы у самого предела человечества (не потому что кончается земля, но потому что начинается огонь) — освоением берегов за огненным озером.

И именно там я выкрою владенье для себя, дерзкое убежище для меня одного между двумя мирами.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Для вас одного?

ДОН КАМИЛЬО

Для меня одного. Малюсенькое убежище, чтобы я мог затеряться там подобно золотой монете в забытой шкатулке. Такое, чтобы никто другой, кроме вас, никогда не сумел разыскать меня.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я не приеду разыскивать вас.

ДОН КАМИЛЬО

Я назначаю вам свидание.

СЦЕНА IV

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА, ДОН ЛУИС

Улица в обычном испанском городке. Высокое окно, закрытое железной решеткой. За окном — донья Изабелла.

На улице — дон Луис.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Клянусь, я не стану женой никого другого, кроме вашей милости. Завтра мой брат, этот жестокий тиран, силой увозит меня из Сеговии. Я буду среди девушек, сопровождающих кортеж Богоматери к Кастильским воротам, где Сантьяго воздаст ей почести! Вооружитесь, возьмите с собой несколько смельчаков. Вам не составит никакого труда похитить меня в каком-нибудь горном проходе, под покровом ночи и леса. Вот вам моя рука.

Подает ему руку.

СЦЕНА V

Донья ПРУЭЗ, дон БАЛТАЗАР.

Место действия то же, что в сцене II. Вечер. Караван, готовый к отправлению. Мулы, оружие, оседланные лошади и т.д.

ДОН БАЛТАЗАР

Мадам, поскольку вашему супругу по внезапному наитию угодно было доверить мне сопровождение вашей многоуважаемой милости,

Мне показалось необходимым до отъезда довести до вашего сведения условия, по которым мы должны строить наши взаимоотношения.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я вас покорно слушаю.

ДОН БАЛТАЗАР

Ах, я бы предпочел еще раз пережить сдачу Бреды! — Да, командованию над красивой женщиной

Я предпочитаю даже отряд неуправляемых голодных наемников, которых нужно вести сквозь леса к горизонту виселиц!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не отчаивайтесь, сеньор, давайте мне эту бумагу, которую, как я заметила, вы уже приготовили и держите в руках.

ДОН БАЛТАЗАР

Прочтите ее, прошу вас, и, будьте добры, поставьте вашу подпись там, где я отметил.

Да, я чувствую большое облегчение с тех пор, как я изложил все свои приказы на бумаге. Это она отныне будет командовать всеми нами, мной в первую очередь.

Вы найдете там все точно обозначенным: наш маршрут, часы отъезда, время обеда и даже то время, когда у вас

будет разрешение занимать меня беседой, потому что, я знаю, невозможно приговорить женщин к молчанию.

Тогда я вам расскажу о великих походах, о происхождении моей семьи, о нравах Фландрии, моей страны.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Надеюсь, и мне разрешат вставить словечко время от времени.

ДОН БАЛТАЗАР

Сирена, я и так уже вас слишком много слушал!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Разве так неприятно думать о том, что несколько дней моя судьба и моя жизнь будут для вас значить не меньше, чем ваша собственная?

И что столь тесные узы каждую минуту будут напоминать вам, что вы — мой единственный защитник!

ДОН БАЛТАЗАР

Клянусь, из моих рук вам не ускользнуть!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Зачем мне сбегать, если вы сопровождаете меня как раз туда, куда я сама хочу ехать?

ДОН БАЛТАЗАР

А я-то как раз не хочу, это ваш супруг заставил меня.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если бы вы отказались, я бы поехала одна. Да уж, какой-нибудь способ я бы несомненно нашла.

ДОН БАЛТАЗАР

Донья Чудо, я сержусь, когда слышу подобные слова из уст дочери такого отца.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Разве мой отец был человеком, намерения которого обычно нарушались?

ДОН БАЛТАЗАР

Нет, бедный граф! Ах, какого друга я потерял! И по сию пору я ношу следы того великолепного удара шпагой, что он нанес мне как-то утром после карнавала. Так началось наше братство.

Мне кажется, я вновь вижу его перед собой, когда смотрю в ваши глаза, как если бы вы уже существовали ранее.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Лучше, пожалуй, не говорить вам, что я отправила то письмо.

ДОН БАЛТАЗАР

Письмо кому?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Дону Родриго, чтобы он приехал встретиться со мной как раз на том постоялом дворе, куда вы сопровождаете меня.

ДОН БАЛТАЗАР

Вы совершили это безумие?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если бы я не воспользовалась неслыханной удачей, появлением цыганки, отправлявшейся прямехонько в Авилу, где, как мне известно, живет Родриго,

Не было бы это грехом, как говорят итальянцы?

ДОН БАЛТАЗАР

Не богохульствуйте и, будьте добры, не смотрите на меня так, прошу вас. Фу! Вам не стыдно вашего поведения? И неужели никакого страха перед доном Пелайо, что бы он сделал, если бы узнал?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Он, несомненно, убил бы меня, но без спешки, как это ему свойственно, и лишь после тщательного обдумывания.

ДОН БАЛТАЗАР

И никакого страха перед Богом?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Клянусь, я не хочу совершать зло, поэтому я вам все и рассказала. Ах, мне было непросто открыть вам свое сердце, и я опасюсь, что вы так ничего и не поняли.

Во мне говорило только расположение к вам. Ну что ж, обратного пути нет. Теперь на вас лежит ответственность и долг защищать меня.

ДОН БАЛТАЗАР

Помогите мне, Пруэз!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах, это было бы слишком просто! Я вовсе не ищу случая, я жду, что он сам найдет меня.

И я вас честно предупредила, война начинается. Вы — мой охранник. Но все, что я смогу сделать, чтобы вырваться и встретиться с Родриго,

Клянусь вам, я это сделаю.

ДОН БАЛТАЗАР

Вы хотите столь предосудительных вещей?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не столько хочу, сколько предвижу. И как вы заметили, я настолько опасюсь своей свободы, что вверяю ее вам.

ДОН БАЛТАЗАР

Вы совсем не любите вашего мужа?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я люблю его.

ДОН БАЛТАЗАР

Неужели оставите вы его в тот час, когда сам король забыл о нем,

Совершенно одиноким на диком побережье среди неверных,

Без войск, без денег, без каких бы то ни было гарантий безопасности?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах, это тягостней всего остального.

Да, мысль о том, что таким образом я предаю Африку и наше знамя,

И честь имени моего супруга, который, я знаю, не сможет обойтись без меня,

И этих бедных детишек, что я приютила у себя вместо тех, которых Бог не дал мне, и тех женщин, за которыми надобно ухаживать в лечебнице, и тех редких и сырых наших сторонников, которые полностью вверились нам. Мысль покинуть все это,

Признаюсь, внушает мне ужас.

ДОН БАЛТАЗАР

Но что же тогда так зовет вас к этому кабальеро?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Его голос.

ДОН БАЛТАЗАР

Вы были знакомы лишь несколько дней.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Его голос! Я не перестаю слышать его.

ДОН БАЛТАЗАР

И что же он говорит вам?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах, если вы намерены помешать нашей встрече,

Тогда свяжите меня по крайней мере, не оставляйте мне эту жестокую свободу!

Посадите меня в глубокую темницу за железными решетками!

Но какая тюрьма удержит меня, если даже та, в которую заключена моя плоть, грозит разорваться!

Увы, она слишком крепка, и когда мой господин зовет меня, у нее хватает сил удерживать мою душу, против всякого права, хотя она уже принадлежит ему,

Моя душа, которую он зовет!

ДОН БАЛТАЗАР

Душа и тело тоже?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как вы можете говорить об этом теле, когда именно оно — мой враг, мешающий мне стрелой улететь прямо к Родриго?

ДОН БАЛТАЗАР

Интересно, в глазах Родриго это тело тоже только ваша тюрьма?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А! Это всего лишь оболочка, которую бросаешь под ноги того, кого любишь.

ДОН БАЛТАЗАР

Значит, вы бы ему его отдали, если бы смогли?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Есть ли у меня что-либо, не принадлежащее ему? Я бы отдала ему весь мир, если бы могла!

ДОН БАЛТАЗАР

Уезжайте. Встречайтесь с ним!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Сударь, я же вам уже сказала, что я более не под своей охраной, но под вашей.

ДОН БАЛТАЗАР

Один лишь дон Пелайо может быть вашим хранителем.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Тогда можете рассказать ему все.

ДОН БАЛТАЗАР

Ах! Почему я так быстро дал вам свое слово?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Доверие, которым я обрекла вас, разве вы не тронуты им? Не заставляйте же меня признаться в том, что есть вещи, которые я могла сказать только вам.

ДОН БАЛТАЗАР

В конце концов, я только подчиняюсь дону Пелайо.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах! Как хорошо вы будете охранять меня, и как я вас обожаю! Мне больше нечего делать, можно полностью положиться на вас.

А в голове у меня уже припасена тысяча хитростей, чтобы сбежать.

ДОН БАЛТАЗАР

Есть и иной хранитель, который поможет мне и от которого не так легко убежать.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Кто же это, сеньор?

ДОН БАЛТАЗАР

Ангел, которого Бог приставил к вам с тех времен, когда вы были еще маленьким наивным ребенком.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ангел против демонов! И чтобы защититься от людей, мне нужна именно такая крепость, как мой друг Балтазар,

Крепость и шпага, выступающие разом, и эта красивая золотистая борода, которая издалека выдает вас.

ДОН БАЛТАЗАР

Вы остались французенкой.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как вы остались фламандцем, не правда ли он мил, мой маленький акцент Франш-Конте¹⁹? На самом деле это вовсе не так! Ведь все окружающие так нуждались в нас с вами, чтобы почувствовать себя, наконец, настоящими испанцами, как будто сами по себе они на это не способны.

ДОН БАЛТАЗАР

Как ваш муж мог жениться на вас, он уже старик, а вы такая молодая?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Просто я соответствовала самым сокровенным, тайно взлелеянным сторонам его натуры. Так что однажды, когда я поехала с отцом в Мадрид, где у него были какие-то дела касательно нашей провинции, эти два высокородных сеньора очень быстро договорились между собой,

И по этому договору я должна была полюбить сеньора Пелайо сразу же после того, как мне его представили, сильнее всего на свете и до конца дней моих, как это положено по закону между мужем и женой.

19 Область в восточной Франции. С х в. графство Бургундия. Название "Франш-Конте" (в переводе "свободное графство") закрепилось за графством Бургундия в XIV в., когда города этого графства получили привилегии от королей Германии и герцогов Бургундии. В эпоху, описываемую Клоделем, Франш-Конте, так же как и Фландрия, принадлежала испанской короне.

ДОН БАЛТАЗАР

Вы не можете сомневаться в том, что он-то выполняет по отношению к вам свою часть договора.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если он любит меня, я не была настолько глуха, чтобы не слышать слов признания.

Да, как бы тихо ни признался он мне, и даже если бы это было лишь одно слово, у меня достаточно тонкий слух, чтобы его уловить.

Я не была глуха, чтобы услышать слово, которого так ждало мое сердце.

Много раз мне чудилось признание в его глазах, но, едва я пыталась встретить его взгляд, он тотчас его отводил.

Я пыталась также прочесть по его руке, когда на мгновение она задерживалась в моей.

Увы! Я знаю, что не нужна ему, и что бы я ни делала, никогда нет уверенности, что он это одобрит.

Я даже не смогла подарить ему сына.

Или, может быть, то, что он испытывает ко мне — иногда я стараюсь верить в это,

Вещь настолько священная, что ей надо дать излиться в тишине, не мешать словами, —

Да, однажды он сказал мне что-то в этом роде, в своей обычной странной, иносказательной манере.

Или, может быть, он настолько горд, что для того, чтобы завоевать мою любовь, он пренебрегает всем, кроме правдивой прямоты.

Я, в сущности, его так мало вижу! И всегда смущаюсь в его присутствии!

И все-таки я долгое время не представляла себе, что могла бы жить иначе, чем в его тени.

Вы видите, и сегодня он сам отсылает меня от себя, а вовсе не я захотела расстаться с ним.

Почти целыми днями он оставляет меня одну в этом доме, так напоминающем его самого — такой же опустошенный и мрачный, такой же жалкий, и так же наполненный спесью,

С этим убийственным солнцем снаружи и с этим прелестным ароматом, который заполняет собой все.

Иногда кажется, что это его мать оставила дом в таком строгом порядке и только что вышла,

Эта бесконечно благородная дама, на которую едва смеют поднять глаза.

ДОН БАЛТАЗАР

Его мать умерла, дав ему жизнь.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(показывая на статую Девы Марии у входа)

Может быть, я говорю о ней.

Дон Балтазар почтительно снимает шляпу. Оба молча смотрят на статую Богоматери. Донья Пруэз, словно охваченная внезапным вдохновением.

Дон Балтазар, не будете ли вы столь любезны подержать мою туфельку?

Дон Балтазар берет ее туфельку за мысок. Донья Пруэз поднимается на подставку перед статуей, одновременно снимая второй атласный баумачок, и вкладывает его в руки статуи Девы Марии.

Пресвятая Дева, заступница и мать этого дома, Поручительница и покровительница этого человека, сердце которого для вас более постижимо, чем для меня, спутница его длинного одиночества,

Если не для меня, то ради него, ведь связь между ним и мной была не моим желанием, но Твоей волей:

Помешай тому, чтобы я стала для этого дома, двери которого Ты, августейшая привратница, охраняешь, причиной гибели!

Чтобы я нарушила достоинство имени, которое Ты мне дала, и перестала быть уважаемой в глазах тех, кто любит меня!

Я не могу сказать, что понимаю этого мужчину, которого Ты выбрала для меня, но Тебя, Тебя я понимаю, а Ты его мать, также как и моя.

Итак, пока есть еще время, сжимая сердце мое в одной руке и мой башмачок в другой,

Я вверяюсь Тебе! Пречистая Богородица, я Тебе отдаю свой башмачок! Пресвятая Дева, охрани своей рукой мою несчастную ножку!

Предупреждаю, что вскоре я не буду больше Тебя видеть, и все силы свои я применю против Тебя!

Но когда я устремлюсь к злу, пусть я буду хромоножкой! Как только захочу я нарушить

Препраду, которую установила Ты передо мной, Как только захочу я нарушить ее, пусть останусь я с подрезанным крылом!

Я совершила то, что могла, а Ты храни мой бедный башмачок,

Храни его возле сердца, о великая грозная Мать!

СЦЕНА VI

КОРОЛЬ, КАНЦЛЕР

Король Испании в окружении придворных в Парадном Зале Белемского Дворца²⁰, возвышающегося над эстуарием реки Тежу.

КОРОЛЬ

Мой Канцлер, вы уже давно убеленный сединами муж, тогда как у меня появилась лишь первая проседь,

20 После смерти португальского короля Себастьяна в 1578 году на трон в Лиссабоне поднялся король Испании Филипп II, и до 1640 года оба королевства были объединены под испанской короной.

Ответьте мне, не говорят ли, что юность — время иллюзий, тогда как к старости постепенно начинаешь принимать реальность такой, как есть?

Причем реальность довольно грустную, маленький, бесцветный мирок, и к тому же все более сужающийся.

КАНЦЛЕР

Это то, что меня самого неизменно учили повторять древние.

КОРОЛЬ

Они утверждали, что мир кажется грустным тем, кто ясно видит?

КАНЦЛЕР

Я не стану отрицать эту истину вопреки всеобщему мнению.

КОРОЛЬ

Это у старости, по-вашему, ясный взгляд?

КАНЦЛЕР

Я бы сказал, искушенный.

КОРОЛЬ

Искушенный видеть лишь то, что себе полезно.

КАНЦЛЕР

Себе и своему маленькому королевству.

КОРОЛЬ

Мое же королевство огромно! Да, но как бы ни было оно велико, мое сердце, объединяющее его, отказывает в праве останавливать его любым границам,

Ведь даже само море, безбрежный Океан у моих ног, Не только не указывает ему предел,

Но, напротив, вручает новые владения в ответ на мое запоздалое желание!

Хотелось бы мне найти, наконец, то, о чем вы могли бы сказать королю Испании, что это создано не для него.

Мир грустный! Как можно говорить, не богохульствуя, что подлинная природа вещей, созданных совершенным Богом, грустна? И разве не нелепа мысль, что мир, созданный по его образу и подобию, менее велик, чем мы сами, и оставляет наше воображение без поддержки?

Я же скажу, что юность — время иллюзий, но только оттого, что она воспринимает мир бесконечно менее прекрасным и разнообразным и притягательным, чем он есть на самом деле, и от этого разочарования мы с возрастом излечиваемся.

Вот хоть это море, куда заходит солнце, эта блистающая безбрежная гладь,

Там, где поэты видели, как каждый вечер устремляется к воде невообразимая колесница какого-нибудь смехотворного божка в окружении сардин, из ювелирной мастерской Аполлона,

Дерзкий взор и перст моих предшественников

Властно указывали другой берег, новый мир.

И вот уже один из их подданных устремляется к югу, находит страну Хама и, обойдя ненавистный мне Мыс²¹,

Пьет из вод Ганга! Пройдя множество кривых перевалов, он ступает ногой на землю Китая — для него теперь бесконечный круговорот шелков и пальм, и нагих тел,

Все эти трепещущие пласты человеческих мальков, превышающих по числу сонм мертвых в ожидании крещения.

Другой же...

КАНЦЛЕР

... Наш великий Адмирал!

21 Речь идет о мысе Доброй Надежды, открытом португальцами.

КОРОЛЬ

За носом его каравеллы открылось ему великое новое,
Целый мир огня и снега, устремивший навстречу
нашим штандартам эскадру своих вулканов!

Америка, необъятный рог изобилия, я бы добавил,
чаша покоя, осколок звезды, огромный кусок рая, своим
краем вклинившийся в океан наслаждений.

Ах! Да простит мне небо! Но когда, как сегодня,
с берегов моего эстуария, я наблюдаю солнце,
расстилающее для меня длинную ковровую дорожку к тем
землям, от которых я вечно оторван,

Что мне Испания, обрученная со мной супруга,
по сравнению с той неизвестной рабыней, с той самкой
с медными бедрами, которую распластывают для меня там,
вдали, в пространстве ночи!

Благодаря тебе, Колумб, сын Голубки²², мое королевство
подобно теперь сердцу человеческому:

Тогда как одна половинка сопутствует его телу здесь,
другая нашла себе пристанище за морем;

И навсегда бросила якорь в той части света, где светят
другие звезды.

Тот, кто ориентируется на солнце, не сможет
ошибиться! И эта частица вселенной, что ученые мужи
древности относили к иллюзии и безумию,

Именно из нее сегодня мой министр финансов
извлекает животворящее золото, что приводит в движение
всю государственную машину, и заставляет расти отовсюду,
погуще, чем майские травы, пики моих эскадронов!

Море не внушает нам больше ужаса, но лишь одаривает
своими сокровищами;

Да, этой круговерти вод вряд ли удастся помешать
золотой дороге, что соединяет две мои Кастилии,

22 По-французски имя Колумб, "Colomb", созвучно с colombe — "голубка".

Где в стремительном движении начертаны пути моих
кораблей, идущих с противоположных берегов,

Туда везущих моих миссионеров и воинов,
и возвращающих мне взамен языческие сокровища, зачатые
солнцем,

Что в зените своего бега между двумя океанами
На единый миг замирает в торжественном
замешательстве!

КАНЦЛЕР

Королевство, завоеванное вашими подданными для вашего
величества вчера,

Нынешние должны расширить и сохранить.

КОРОЛЬ

Вы несомненно правы, но с некоторых пор я получаю
из Америки лишь пагубные известия:

Грабежи, высадки пиратов, вымогательства,
несправедливости, уничтожение невинных народов,

И, что еще хуже, алчность моих капитанов,
которые стремятся урвать себе как можно больший
кусочек моей земли, а потом грызутся между собой,

Как будто для этой тьмы кровожадных комаров,
а не для одного лишь короля под сенью мирного Креста
Бог выдвинул новый мир из глубины Вод!

КАНЦЛЕР

Где нет хозяина, погонщики дерутся.

КОРОЛЬ

Я не могу быть одновременно в Испании и в Индиях.

КАНЦЛЕР

Пусть кто-нибудь будет представлять там ваше Величество,
один вознесенный над всеми, облеченный той же властью,
что и вы!

КОРОЛЬ
И кого же мы выберем, чтобы он был там Нами самими?

КАНЦЛЕР

Человека разумного и справедливого.

КОРОЛЬ

Когда потухнут вулканы моей Америки, когда истощатся
ее трепещущие недра, когда сможет она отдохнуть от того
огромного усилия, благодаря которому вышла из небытия,
вся пылающая и нетерпеливая,

Только тогда я дам ей в правители человека разумного
и справедливого.

Тот, в котором я узнаю себя, тот, кто предназначен,
чтобы представлять меня там — не мудрец и не праведник,
пусть приведут мне человека ревнивого и ненасытного!

Что мне делать с разумным и праведным, разве для
такого я оторву от себя мою Америку, эти чудесные Индии
в лучах заходящего солнца, если он не сможет полюбить
ее неправедной и ревнивой любовью?

Разве в трезвости и праведности обручится он с этой
дикой и жестокой землей и возьмет ее в свои объятия,
ускользающую из рук, полную неповиновения и яда?

Нет, говорю я вам, только в терпении, и в страсти,
и в битве, и в чистоте веры! Потому что какой
здравомыслящий человек не предпочтет то, что он знает,
тому, чего не знает, и поле своего отца этому питомнику
посреди хаоса?

Но тот, кого хочу я, едва переступит порог, который
ни один человек до него не прошел,

В единый миг почувствует, что все это принадлежит
ему, и эта вся голубеющая сьерра уже давно поднималась
к горизонту его души; и нет ничего на карте,
расстилающейся под его ногами, о чем бы он уже не знал
и прежде не слышал от меня.

Для него путешествия не будут долгими, и не навеет скуку пустыня, в его глазах она уже будет заселена городами, которые он построит;

И в войне он не увидит случайности, и политика его будет проста, он только слегка удивится всем этим легкомысленным мятежам.

Также и я взял в жены Испанию вовсе не для того, чтобы, как разбойник, наслаждаться ее плодами и женщинами,

Или, словно рантье и землевладелец, шерстью ее овец, и рудниками ее недр, и мешками золота, что купцы сыпают на таможне,

Но для того, чтобы дать ей разумение и единство и ощущать ее всю целиком живой и послушной, и на все откликающейся под моей рукой, а я сам, подобно голове, которая одна понимает, что делает все тело,

Потому что не дух находится в теле, но дух содержит в себе тело и управляет им полностью.

КАНЦЛЕР

Я знаю только одного человека, который отвечает желанию вашего Величества. Он зовется дон Родриго де Манакор.

КОРОЛЬ

Я не люблю его.

КАНЦЛЕР

Я знаю, что послушание не его конек. Но человек, о котором вы просите меня, не может быть скроен иначе, чем из королевской материи.

КОРОЛЬ

Он слишком молод еще.

КАНЦЛЕР

Америка, которую вы ему отдаете, едва ли старше.

Он был еще совсем ребенком, когда она была уже его чудесным видением, по рассказам отца, которого он сопровождал повсюду, о Кортесе и Бальбоа.

И позже, вспомните, его переход через Анды, высадку его войск не в море без препятствий, как Магеллан,

Но от Перу до Парамарибо сквозь океан листья,

И, наконец, его правление Гренадой, опустошенной бунтом и чумой,

Показали, на что способен Родриго, ваш верный слуга.

КОРОЛЬ

Я согласен на Родриго. Пусть придет!

КАНЦЛЕР

Государь, я не знаю, где он. Я уже дал ему понять, что Америка снова призывает его.

Он слушал меня с мрачным видом, не возражая.

А наутро уже исчез.

КОРОЛЬ

Пусть приведут его силой!

СЦЕНА VII

ДОН РОДРИГО, КИТАЕЦ-СЛУГА

Пустыня в Кастилии. Местность среди низких кустарников, откуда открывается вид на бескрайние пространства. Вдали романтический горный пейзаж. Вечер хрустальной чистоты.

Дон Родриго и Китаец-слуга растянулись на склоне, под прикрытием которого пасутся их разнузданные лошади.

Всматриваются в горизонт.

ДОН РОДРИГО

Наши кабальеро исчезли.

КИТАЕЦ

Они там, в рощице, устраивают на ночлег лошадей,
одна белая-белая, так и кажется, будто от нее свет идет.

ДОН РОДРИГО

Этой ночью мы незаметно сбежим от них.

КИТАЕЦ

Да они вовсе не нас ищут. Здесь ведь проходит большая
дорога из Галисии в Сарагосу, по которой каждый год
в день праздника

Святой Иаков (а это как раз сегодня, видите вон ту
звезду, что падает)

Совершает торжественное паломничество
к Богоматери дель Пилар.

ДОН РОДРИГО

Ты считаешь, что это паломники, которые вот-вот
присоединятся к шествию?

КИТАЕЦ

Паломники, как же — при свете этого, так сказать,
фосфорического луча я заметил у них оружие,

Видно, они вовсе не беспокоятся о том, что их заметят
раньше времени.

ДОН РОДРИГО

Прекрасно, нас это не касается.

КИТАЕЦ

Однако я буду все-таки присматривать за сосновой
рощицей.

ДОН РОДРИГО

Я же присмотрю за тобой, мой дорогой Исидор.

КИТАЕЦ

О! Не беспокойтесь, я не сбегу, если только вы будете

уважать наш договор и не заставите меня ночевать возле
какого-нибудь источника, родника, колодца.

ДОН РОДРИГО

Ты так сильно боишься, что я тебя крещу тайком?

КИТАЕЦ

А с какой стати я должен подарить вам за так право
сделать меня христианином и попасть на небо с отличием
благодаря мне? Да еще в компенсацию за иные, менее
благородные помыслы,

Послужите-ка сначала господину вашему слуге.

ДОН РОДРИГО

И чтобы я сопроводил тебя туда, куда тебя призывает некая
черная ручка?

КИТАЕЦ

А рядом с ней некая белая ручка подает знак вам.

ДОН РОДРИГО

Я никакой неизменной цели не преследую.

КИТАЕЦ

Это золото вы называете неизменным?

ДОН РОДРИГО

Я лишь хочу помочь одной страждущей душе.

КИТАЕЦ

Помогите тогда мне, моя тоже в плену.

ДОН РОДРИГО

В плену у кошелька.

КИТАЕЦ

Все, что принадлежит мне, — это я.

ДОН РОДРИГО

Ты плачешься, что я хочу тебе помочь?

КИТАЕЦ

Господин мой хозяин, смиренно прошу вашу милость усвоить, что я не доверяю вашей милости.

Да, я предпочел бы довериться кому-нибудь другому, какого черта, в самом деле, я оказался в ваших руках?

ДОН РОДРИГО

Это скорее я в твоих.

КИТАЕЦ

Мы соединены друг с другом, и нет никакого способа нам выпутаться.

Ах! Я ошибся, дав вам поспешное обещание, так сказать в запале.

В сущности, что такое эта ваша вода, которую вы хотите вылить мне на голову и почему вы так непременно за это держитесь? Что вы выиграете? И вообще, кто подтвердит мне правдивость ваших слов?

А что касается пресловутого духовного перерождения, о котором вы твердите, вы думаете, это приятно? Кому понравится, чтобы ему поменяли местами яйца? Моей душе хорошо там, где она есть, и мне не улыбается, что другие в нее лезут и теребят ее, как им вздумается.

ДОН РОДРИГО

Отказаться от данного слова — это мерзость, и ты будешь наказан.

КИТАЕЦ

(со вздохом)

Ну что же. Сказано, сделано. Я отказываюсь от моего золотишка, а вы — от вашего раскрашенного идола.

ДОН РОДРИГО

Тебя заносит, Исидор. Я повторяю, меня торопит лишь

необходимость поскорее прийти на помощь душе, над которой нависла угроза.

КИТАЕЦ

И вы хотите, чтобы я, после этих ваших слов, вас не опасался!

Бедный Исидор! Ах, какого чудесного хозяина послала тебе судьба!

В чьи руки ты пал вследствие неприятного стечения тяжеловесных и легковесных элементов материи?

Даже на театральных представлениях, куда вы меня водили в Мадриде, я не видел ничего подобного! Привет спасителю чужих жен!

Придите в себя! Уймите ваш пыл! Откройтесь моим благоразумным увещаниям и позвольте им проникнуть в ваш больной мозг подобно звукам музыки.

Что такое эта женщина, которую вы любите? Допустим, снаружи — губы, очерченные словно кистью, и глаза, даже красивее, пожалуй, чем стеклянные шарики, и ладно сложенная фигура,

Но внутри, это же печаль демонов, червь, огонь, упырь, присосавшийся к вам!

От мужчины, целиком подчинившегося ей, ничего не останется, кроме разбитой и расслабленной оболочки, наподобие дохлого сверчка, фу, ужас!

А я весь в полной зависимости от вашей милости! Сколько раз я молил вас подумать лучше о спасении вашей и моей души?

Что станет через сто лет с этими ста фунтами женской плоти, к которым ваша душа прилепилась, как крючком?

Горсточка грязи, праха и костей.

ДОН РОДРИГО

Пока она еще жива.

КИТАЕЦ

А я утверждаю, что в предыдущей жизни эта дьяволица заставила вас подписать договор о соединении ваших тел.

Если вы захотите, я обязуюсь убедить это неблагоприятное создание путем попыток и иного физического давления вернуть вам сие обязательство, данное до рождения.

ДОН РОДРИГО

Ты меня удивляешь, Исидор. Святая церковь не признает существования души до рождения человека.

КИТАЕЦ

(обиженно)

Однако я внимательно изучил все книги, что вы мне давали, и мог бы даже рассказать их наизусть, от корки до корки.

Брат Леон говорит, что я в них разбираюсь не хуже его.

ДОН РОДРИГО

Ни того, что осталось позади, и преследует меня,

Ни того, что ждет меня впереди, как эта точка в море, что белеет меж сумрачными деревьями,

Я знаю, мне не избежать.

КИТАЕЦ

И что же осталось позади?

ДОН РОДРИГО

Лошади, несущиеся галопом по моим следам, приказ царствующего монарха, избравшего меня среди всех своих подданных, чтобы вручить мне полмира,

Те полмира, что целую вечность до меня пребывали в неизвестности, спеленатые подобно новорожденному,

Та часть нового и сияющего, словно звезда, мира, который возник предо мной из моря и тьмы.

И мне нет надобности в будущем искать там место для себя, выгораживать себе какую-нибудь куцую провинцию,

Нет, эта новая вселенная уже вся целиком существует во мне, тогда как она, вся благоухающая и влажная, еще только готовится навсегда принять мое объятие и поцелуй.

КИТАЕЦ

И что же вас ждет впереди?

ДОН РОДРИГО

Ослепительное пятнышко там вдали, подобное видению смерти. Может быть, это платок в чьих-то руках, может быть, стена, раскаленная полуденным солнцем?

КИТАЕЦ

А я знаю. Именно там обитает некое чернокожее чудище, которому в избытке чувств, ибо даже мудрец не избавлен от заблуждений, и, если можно так сказать, quasi in lubrico²³ я позволил себе дать в долг деньги.

Заламывает руки, театрально закатывая глаза к небу.

ДОН РОДРИГО

Однако я уверен, не без выгоды. Я слишком хорошо знаю природу твоих щедрот.

КИТАЕЦ

Как, разве не добродетель немедля подать “petentibus”²⁴, так сказать нуждающимся?

И разве не узнают истинную добродетель по тому, насколько быстро она приносит вознаграждение?

²³ С риском для себя (*лат.*).

²⁴ Дословно: тем, кто просит (*лат.*).

ДОН РОДРИГО

Ладно, найдем твои денежки, если ты так уж хочешь их получить именно от твоей негрятки.

Одному дьяволу известно, что вы там вместе затеяли!

А затем я тебя крещу и, наконец, отвязжусь от тебя.

Ты сможешь вернуться в твой Китай.

КИТАЕЦ

Это мое самое заветное желание. Пришло мне время приносить пользу в среде язычников.

Разве не для того существует молодое вино, чтобы трактирщики разливали его в старые мехи, то есть бутылки? А для чего еще сгодится мера, если не для измерения количества бисера, которое нам заповедано метать перед свиньями,

Вместо того чтобы любовно культивировать в ней бесполезный дым нашего собственного “льна курящегося”!²⁵

ДОН РОДРИГО

Ты используешь Святое Писание, как протестантский лавочник.

КИТАЕЦ

Только отвезите меня поскорее в Барселону.

ДОН РОДРИГО

Ты же только что заклинал меня не ездить туда?

КИТАЕЦ

Если уж я не могу избавить вас от безумия, то хотя бы воспользуюсь им.

ДОН РОДРИГО

Наверное, именно это и зовут безумием, но все равно, я безумно прав!

25 В уста китайца Клодель вкладывает несколько буффонную интерпретацию Евангелия, так в этом абзаце перефразируется строка из Евангелия от Матфея “льна курящегося” (Матфей, 12,20).

КИТАЕЦ

Это и есть правота — желание спасти душу, погубив ее?

ДОН РОДРИГО

Есть нечто, что в данный момент только я один могу ей дать.

КИТАЕЦ

И что же это за несравненное нечто?

ДОН РОДРИГО

Радость.

КИТАЕЦ

Не вы ли пятьдесят раз заставляли меня читать, что для вас, христиан, спасение возможно лишь через жертву?

ДОН РОДРИГО

Одна только радость и есть мать жертвенности.

КИТАЕЦ

Какая радость?

ДОН РОДРИГО

Созерцание той, которая дарит мне ее.

КИТАЕЦ

Вы называете радостью пытку желания?

ДОН РОДРИГО

Вовсе не желание читала она на моих устах, нет, это было скорее узнавание.

КИТАЕЦ

Узнавание? Ответьте мне тогда, какого цвета ее глаза.

ДОН РОДРИГО

Я не знаю. Я так залюбовался ею, что даже забыл посмотреть.

КИТАЕЦ

Превосходно. А я, я увидел большие мерзкие голубые глаза.

ДОН РОДРИГО

Совсем не ее глаза, но она вся, целиком, для меня звезда!

Как когда-то в Карибском море, когда в предрассветный час я выходил из моей душной каюты на ночное дежурство,

На какое-то мгновение мне являлась астра-регина, сияющая звезда, всегда одна на венце прозрачного неба.

Ах! Это вызывало во мне то же содроганье сердца, ту же огромную и безумную радость!

Ни один человек не может жить без поклонения. У каждого из нас есть душа, что вечно неудовлетворенна,

Довольно с нее темницы нашего существования, разве наши глаза не вправе проникнуть в самую суть вещей! И сердце, разве не требует оно насыщения!

Но вскоре я находил на небесном своде лишь уже слишком знакомый свинцовый огонь,

Надежный матовый фонарь, печальный путеводитель моряка в невозмутимых водах.

Но на этот раз нечто совсем другое, чем просто звезда, для меня эта точка света в живом песке ночи,

Человеческое существо, подобное мне, чье присутствие и лик, чуждые уродству и нищете нашего мира, совместны лишь с состоянием блаженства.

КИТАЕЦ

Пир для всех чувств!

ДОН РОДРИГО

Чувства! Я сравниваю их с отребьем, что следует за армией, чтобы обшаривать мертвцов и грабить захваченные города.

Я не так легко приму этот выкуп, выплаченный телом за ускользнувшую душу,

Словно есть в ней что-то, в чем я больше не нуждаюсь.

Но я говорю дурно. Не буду больше клеветать на чувства, ведь и они от Бога.

Нет, они вовсе не презренные приспешники, они — рабы наши, что обойдут весь мир, пока не встретят, наконец, Красоту, перед лицом которой мы все были бы счастливы исчезнуть.

Единственная милость, о которой мы просим ее — позволить нам лицедреть ее на вечные времена.

КИТАЕЦ

И ничего другого, в самом деле? Стоило столько стараться. Боюсь, что от наших разговоров даме этой проку не будет.

ДОН РОДРИГО

Неужели напрасно я все-таки нашел ее, так хорошо спрятанную от меня?

КИТАЕЦ

Чума возьми бурю, бросившую нас на побережье Африки,

И вашу лихорадку, которая так долго нас там продержала!

ДОН РОДРИГО

Первое, что я увидел, придя в себя, — ее лицо.

Скажи, ты веришь, что я узнал ее сразу, еще до того, как она обо всем догадалась?

КИТАЕЦ

Хорошо бы знать все, что происходило до нашего рождения. Правда, лично я в тот момент ничего не видел, да, я помню, что меня еще не было в моих глазах:

Ничто не должно было мешать моему появлению из бабочки Исидор.

ДОН РОДРИГО

Оставь в покое свою теорию предыдущей жизни. Если, конечно, не предположить, что в замысле Того, кто создал нас, мы с ней странным образом уже присутствовали вместе.

КИТАЕЦ

Это точно! Мы уже были там все вместе втроем.

ДОН РОДРИГО

И она уже была несравненным пределом для моего сердца, которое не знает пределов.

КИТАЕЦ

Уже тогда, дорогой крестный, вы прочили ее мне в крестные матери.

ДОН РОДРИГО

Уже тогда источала она радость, что принадлежит только мне и которую я пришел просить у нее снова.

Уже тогда она обращала ко мне лицо свое, изничтожающее смерть!

Ибо что значит умереть, как не перестать быть необходимым? А когда она могла обходиться без меня? И когда я перестану быть тем, без кого она не сможет оставаться самой собой?

Ты спрашиваешь, что за радость она приносит мне? Ах! Если бы ты знал слова, что она говорит мне, пока я сплю!

Слова, которые она произносит, сама того не зная, и мне достаточно только закрыть глаза, чтобы слышать их.

КИТАЕЦ

Слова, которые вам застилают глаза, а мне закрывают рот.

ДОН РОДРИГО

Эти слова, в которых яд смерти, эти слова, которые останавливают сердце и мешают времени существовать!

КИТАЕЦ

Оно больше и не существует! Смотрите! Вот уже одно из светил, которыми вы больше не интересуетесь, исчезает

И, проходя сквозь небесную страницу, оставляет большую огненную кляксу!

ДОН РОДРИГО

Как я люблю это множество светил, существующих вместе! Нет ни одной души, в которой, как бы она ни была изранена, созерцание этого бесконечного концерта не рождало бы слабую мелодию!

Смотри, пока земля, подобно раненому после боя, издает победный вздох,

Жители небес, недвижимые, словно занятые какими-то расчетами, всем сонмом вершат таинственную работу.

КИТАЕЦ

А посреди трех звезд вырисовывается посох Пилигрима-великана, поочередно посещающего оба полушария,

Тот, что вы зовете Посохом святого Иакова.

ДОН РОДРИГО

(вполголоса, как будто говорит самому себе)

“Посмотри, любовь моя! Все это принадлежит тебе, и это я дарю тебе все”.

КИТАЕЦ

Какой странный свет, словно миллионы молочных брызг.

ДОН РОДРИГО

Там сквозь листву деревьев он освещает женщину, что в избытке радости плачет, лаская свое обнажившееся плечо.

КИТАЕЦ

Эка важность, плечо, скажите на милость, господин спаситель душ!

ДОН РОДРИГО

Это из тех вещей, коими мне не дано будет обладать в этой жизни!

Разве я говорил тебе, что люблю одну ее душу?

Я люблю ее всю, целиком.

И я знаю, что ее душа бессмертна, но тело не менее,

И оба слиты в единую сущность, предназначенную цвести в ином саду.

КИТАЕЦ

Плечо, которое составляет часть души, и все это вместе — цветок, ты что-нибудь понимаешь, бедный Исидор?

О, моя голова, моя голова!

ДОН РОДРИГО

Исидор, ах, если бы ты знал, как я люблю ее и как я ее желаю!

КИТАЕЦ

Ну, наконец-то я вас понимаю, и вы больше не изъясняетесь по-китайски.

ДОН РОДРИГО

Итак, ты полагаешь, что только ее тело способно зажечь во мне такое желание?

То, что я люблю в ней,

Не связано с тем, что есть в ней случайного и тленного, что способно однажды исчезнуть навсегда и перестать любить меня, но первопричину ее самой,

И оттого мои поцелуи несут с собой жизнь, а не смерть!

А если я открою ей, что она рождена не для смерти, а если я попрошу ее бессмертия, ту звезду, что, сама того не зная, и есть ее подлинная сущность,

Ах, как она сможет отказать мне в этом?

Не того, что есть в ней смутного, привнесенного, неясного, не того, что есть в ней неподвижного, и бесстрастного, и тленного, буду просить я,

Но всего ее существа, во всей полноте, чистую жизнь,

Это и есть любовь, такая же сильная, как я во власти желаний, подобная огромному первозданному пламени, обжигающая, как насмешка в лицо!

Ах, подарит ли она мне ее (я изнемогаю, и ночь подступает к глазам моим),

Подарит ли она мне ее (и нужно ли, чтобы она мне ее подарила),

И уж во всяком случае, не ее драгоценному телу удастся когда-нибудь насытить меня!

Никогда по-иному, как друг через друга, нам не удастся избавиться от смерти,

Как фиолетовый цвет, если смешать его с оранжевым, выделяет потом ослепительной чистоты красный!

КИТАЕЦ

Це-це-це! Знаем мы, что скрывается за всеми этими красивыми словами.

ДОН РОДРИГО

Я знаю, что такое единение моего и ее существа невозможно в этой жизни, но я не хочу ничего иного.

Только звезда, которая и есть она,

Может утолить мою иступленную жажду.

КИТАЕЦ

Почему же мы теперь отправляемся в Барселону?

ДОН РОДРИГО

Разве я не сказал тебе, что получил от нее письмо?

КИТАЕЦ

События мало-помалу проясняются.

ДОН РОДРИГО

(декламирует, как если бы он читал)

“Приезжайте, я буду в Х... Я уезжаю в Африку. Есть многое, в чем я должна упрекнуть вас”.

Мне принесла эту записку цыганка. Я тут же отправился в дорогу,

Подчинившись твоим настояниям, тогда как посыльные короля преследовали меня.

КИТАЕЦ

Конечно, я во всем виноват! Обвиняйте меня, пожалуйста! Мои сердечные дела и проблемы моего кошелька, без сомнения, только это вас и интересует.

ДОН РОДРИГО

Все складывалось одно к одному. Последняя капля переполнила чашу,

И вся Испания вдруг накренилась для меня в одну сторону.

КИТАЕЦ

Ах! Это черное изваяние там, и мои денюжки, ой, ой!

О, мой кошелек, что я вручил ей в пылом порыве моего утробного чувства!

Я надеялся, что меж ее экзотических персей он потихоньку мелодично нальется как плод!

ДОН РОДРИГО

“Упреки”, — сказала мне она. Ах! Как я заблуждался! Да, только упреки и слышу я из ее уст.

Надобно мне исчезнуть. Пусть, наконец, объяснится из-за чего ей никогда не полюбить меня.

КИТАЕЦ

Я и сам могу вам кое-что сказать на этот счет.

ДОН РОДРИГО

Надобно, чтобы я, наконец, убедился в ее правоте и согласился бы с ней. Да, я хочу услышать из ее уст приговор сердцу, что бьется лишь для нее одной.

Я жажду этих разрушительных признаний! Еще! Я жажду небытия, в которое она так хочет свергнуть меня.

Ведь только в абсолютной пустоте, я знаю, смогу я соединиться с ней.

Хочу ли я, чтобы она полюбила меня за внешность, или за благородное происхождение, или за заслуги? Или только за отчаянную необходимость для меня в ее душе?

Или когда я думаю о ней, разве я желаю чего-то иного, кроме как священного порыва ее сердца навстречу мне? И разве в этот момент все материальное в ней не перестает существовать, все, в том числе ее бесконечно прекрасные глаза!

Я хочу вызвать ее в свидетели преграды между нами, столь сущностной, что та, другая, установленная этим мужчиной, что взял ее до меня, — лишь слабое подобие,

Эта бездна, простирающаяся до основ бытия,

Которую будет дано нам преодолеть не стараниями и заслугами, но лишь в вере друг в друга, в нашем взаимном обете на вечность.

Я знаю, что она сможет стать моей лишь в безвозмездном даре.

КИТАЕЦ

Ничто не безвозмездно, кроме заключенного на дне этого тонкого флакона драгоценного эликсира, что претворен по благословию Богоматери Милосердия.

И вот смотрите, несколько капелек, вылившихся из него, тут же возгораются при соприкосновении с плотным воздухом.

ДОН РОДРИГО

Да вовсе не Богоматерь ты видишь, а китайского идола, нарисованного на тонком листке, что ты нашел давеча и не мог отвести взгляд.

КИТАЕЦ

Единственная капля эссенции ценнее, чем множество воды.

ДОН РОДРИГО

Ты сам это придумал или цитируешь кого-то?

КИТАЕЦ

Стоит мне закрыть глаза в ночь, подобную нынешней, как множество вещей приходят мне на ум неизвестно откуда.

Я слышу звук, низкий, подобный тому, что издает барабан из бронзы, и он

Вызывает во мне воспоминание о пустыне, и раскаленном солнце, и безвестном городе за крепостными стенами с бойницами.

Я вижу канал, в котором отражается полумесяц луны и слышится шорох невидимой лодки в тростниках.

ДОН РОДРИГО

Однако, судя по твоим рассказам, ты был еще совсем маленьким, когда покинул Китай после того, как иезуиты, откупив тебя, спасли от смерти.

КИТАЕЦ

Смерти тела и души, благодарение верховному Небу!

Сегодняшним вечером оно мне видится в потоке,

Изливающимся на мост, что становится Твердью между двумя Домами Ночи!

ДОН РОДРИГО

(приподнимаясь)

В самом деле! Что это? Я вижу, как с запада в строгом порядке приближается сюда множество маленьких огоньков.

КИТАЕЦ

А с востока, на гребне холма, появился другой кортеж.

ДОН РОДРИГО

Это апостол Иаков, который, как обычно, в день своего праздника отправляется с визитом к Богоматери.

КИТАЕЦ

А та, в свою очередь, очень по-матерински, проходит треть пути ему навстречу,

Как это и было торжественно оговорено перед нотариусом после долгих споров.

ДОН РОДРИГО

Посмотри! Маленькие огоньки на западе рассеиваются и гаснут! Да это пламя выстрелов из аркебуз! Вслушайся! Кричат!

КИТАЕЦ

Я боюсь, что это наши давешние паломнички, что хоронились в сосняке.

ДОН РОДРИГО

Ты полагаешь, что они умышляют на святого Иакова?

КИТАЕЦ

Это без сомнения, еретики или мавры, а статуя из массивного серебра.

ДОН РОДРИГО

(вскакивая)

Мою шпагу! Летим на помощь святому Иакову!

КИТАЕЦ

(тоже поднимаясь)

И когда мы его отобьем у нечестивцев, то уж точно не отдадим без хорошего выкупа.

Уходят.

СЦЕНА VIII

НЕГРИТЯНКА ЖОБАРБАРА, СЕРЖАНТ-
НЕАПОЛИТАНЕЦ

Постоялый двор X... на берегу моря.

НЕГРИТЯНКА

(набрасываясь на Сержанта)

О предатель, о я убью тебя сейчас же! Тьфу-тьфу-тьфу на тебя. Скажи-ка, куда это ты умыкнул мою мошну-мошнучекку?

СЕРЖАНТ-НЕАПОЛИТАНЕЦ

Мадам, приветствую вас.

НЕГРИТЯНКА

Подлец, я тебя сразу узнала.

СЕРЖАНТ

А я не собираюсь вас дальше слушать.

Защемляет себе нос правой рукой, в то время как левой изображает палку, которой обычно дубасят Полишинеля.

НЕГРИТЯНКА

(переведя дыхание)

... из чистого золота, браслет, что я тебе дала, из чистого золота, он стоит двести пистолей, даже больше!

Там были всякие подвесочки: и рука, и гитара, и ключик, и гуайява, и монетка, и гвоздик, и рыбка,

и множество других симпатичнейших безделок, что так подходят друг к дружке.

Берегись, я сделала над ним заклинание, да, я пела над ним, я плясала над ним и побрызгала кровью черной курицы!

Для меня это спасенье, а для других — напасть, да попросту говоря, вор захворает и помрет!

СЕРЖАНТ

Слава богу, что я от него отделался.

НЕГРИТЯНКА

Как, собачье отродье, ты его продал?

СЕРЖАНТ

Разве вы мне его не подарили?

НЕГРИТЯНКА

Я тебе его дала поносить, ведь ты, злодей, говорил, что он принесет тебе удачу

В твоих темных делишках в аду!

После чего ты уполз отсюда через щель в стене,

Как ящерицы, скорпионы, богомолы и другие сухие твари.

СЕРЖАНТ

Скажи на милость, разве капитан, что собирается отплыть в Индию, не отправляется перво-наперво к банкиру, который достает для него снаряжение и продовольствие,

А также деньги на жалованье матросам?

И наш капитан через год возвращается с десятью мешками золота.

НЕГРИТЯНКА

Но ты-то не привез даже одного.

СЕРЖАНТ

Я не привез даже одного!

А что ты скажешь, если я тебе подарю отрез зеленого и красного шелка, что хватит на пятнадцать носовых платков, и золотое ожерелье, что можно четыре раза обвить вокруг шеи?

И вдобавок браслет из золота? И еще браслет из золота? И сверх того браслет из золота? А также третий, четвертый, пятый браслет из золота?

НЕГРИТЯНКА

(оглядывая его со всех сторон)

И куда ты все это спрятал?

СЕРЖАНТ

Куда я все это спрятал?

А куда он спрятал твою мамочку, после того, как, выйдя из своего укрытия за бамбуковыми деревьями, захватил ее и всех женщин из ее деревни, что мирно толкли просо при свете луны,

Куда он ее спрятал, я тебя спрашиваю, тот brave португалец из Португалии, после того, как привез ее в Бразилию, чтобы научить хорошим манерам и открыть ей вкус сахарного тростника, лучше которого нет ничего в мире?

А не сделай он этого, ты бы сегодня не была почтенной матроной, прорицательницей в доме господина судьи,

Ты бы помадила себе волосы пальмовым маслом, оборачивалась листом бумаги,

И плясала бы как простушка на берегах реки Заир, пытаясь куснуть Луну.

НЕГРИТЯНКА

(потерянная)

Матрона... При свете луны... Тростниковое масло... Ты мне совсем заморочил голову, я уже вообще ничего не понимаю.

(С криком.)

Я говорила про мои денежки, что ты у меня украл, воруяга!

СЕРЖАНТ

Денежки, что я у тебя украл? А разве не больше, чем твои денежки, стоит эта звезда, за которой я забирался высоко в горы,

Эта огненная мушка, что я поймал и посадил в маленькую клетку

В тот момент, когда из глубины своего сердца она пыталась воспламенить цветок жасмина?

НЕГРИТЯНКА

Так ты говоришь о бедняжке, с которой вы давеча вместе приехали к нам, спрятавшись на дне телеги, под тростником?

СЕРЖАНТ

Лодка уже готова, и сегодня вечером, если будет попутный ветер, мы отчалим к латинскому берегу.

НЕГРИТЯНКА

А мой браслет? А цепь, что ты мне обещал вместо нее?

СЕРЖАНТ

Следуй за ними! Привяжись ко мне покрепче! Кто мешает тебе сопровождать нас?

НЕГРИТЯНКА

Что ты хочешь сделать с бедной девушкой?

СЕРЖАНТ

Я обещал ей короля Неаполя, почему бы и нет?

Эта мысль вдруг пришла мне в голову, и я теперь уверен, что в Неаполе, в самом деле, есть король!

Я сказал ей, что король видел ее во сне, — ах, какого прелестного молодого человека я тотчас сотворил, и послал меня обшарить весь мир, но найти ее.

А узнать я ее должен по знаку — родимому пятну в форме голубки ниже плеча.

НЕГРИТЯНКА

И у нее в самом деле есть такой знак?

СЕРЖАНТ

(прихлопнув в ладоши)

Вот то-то и странно, что есть! Она мне сама об этом сказала. Правда, ни за что не хотела показать.

НЕГРИТЯНКА

Как ее звать?

СЕРЖАНТ

Ее прозвали донья Музыка, из-за гитары, на которой она к, счастью, никогда не играет. Я бы сказал, что ее настоящее имя донья Отрада.

НЕГРИТЯНКА

И никто не заметил ее пропажи?

СЕРЖАНТ

Девицу хотели насильственно отдать замуж за какого-то уroda, погонщика мулов, этот величественный тупица, разодетый в кожу, происходит, видите ли, от готов!

Бедная девочка, напуганное сердечко, она сказала, что хочет попасть в монастырь по соседству, чтобы попросить напутствия и совета, и мы отправились просить совета и напутствия вместе, на одной лошади.

НЕГРИТЯНКА

За вами гонятся?

СЕРЖАНТ

Нас не поймают.

(Слюнявит свой палец и поднимает его вверх.)

Я уже чувствую первые порывы благословенного ветра Кастилии, который вскоре увлечет наш стремительный баркас!

НЕГРИТЯНКА

И зачем тебе сдалась бедная девушка?

СЕРЖАНТ

А ты думаешь, что я хочу ее испортить? Это все равно, что пекарь сам ел бы свои пироги!

Да я рассыпаюсь у ее ног в почтении и нежности!

Я пылинки с нее сдуваю! И сверху немного спрыскиваю водой! Каждое утро я счищаю с нее пыль маленькой метелочкой из перьев колибри!

Лучше-ка понаблюдай, сплетница, за дорогой, ведущей вон к той горе, похожей на лежащего льва,

Да проследи, не покажется ли нечто, от чего у меня уже заранее колики в животе,

Этакое облако пыли, отливающее блеском оружия и стремян!

Ах! Что за чудное у меня ремесло! Даже если бы оно не приносило мне дохода, ни за что не променял бы его ни на какое другое.

НЕГРИТЯНКА

Веревка будет тебе наградой, великий ты мерзавец!

СЕРЖАНТ

Никогда! Потому что я всегда сумею раствориться в окружающей среде. Стоит мне закрыть глаза, и меня уже не отличишь от ствола гранатового дерева.

Успокойтесь, трогательные молоденькие девушки! Ваш верный друг, драгоценный сержант, еще здесь и отыщет вас в глубине укромных уголков, где вы засиживаетесь с удочками!

Когда ваше невинное сердечко переполняется, когда ваша душа сладко трепещет при звуке голоса незнакомого друга,

Когда вы чувствуете себя созревшим семечком, которое природа наделила перышками и пухом, чтобы оно улетало по апрелю,

Тогда я появляюсь на вашем подоконнике, помахая крыльями и весь раскрашенный в желтый!

СЦЕНА IX

Дон Фернандо, Дон Родриго,
донья Изабелла, Китаец-слуга

Другая местность в пустыне Кастилии. Дорога, идущая под откос, среди тростника и зеленеющих дубов.

Здесь только что произошло сражение.

На земле разбросаны трупы, среди них — дон Луис, в маске.

Там и сям в беспорядке кареты, повозки с грузом и лошади, которых удерживают за поводья слуги.

Раненый дон Родриго прислонился к стволу дерева.

ДОН ФЕРНАНДО

(обращаясь к дону Родриго)

Сеньор, я благодарю вас.

ДОН РОДРИГО

Я счастлив, что смог спасти святого Иакова.

ДОН ФЕРНАНДО

(указывая на дону Луиса)

Этот господин покушался вовсе не на святого Иакова.

ДОН РОДРИГО

Он дрался как дворянин, и я уже думал, что не справлюсь с ним.

КИТАЕЦ

Да, но наш камзол все же пострадал.

ДОН ФЕРНАНДО

Вы чувствуете, что серьезно ранены?

ДОН РОДРИГО

Пустяки. Дайте мне одну из ваших повозок. Мой слуга позаботится обо мне.

ДОН ФЕРНАНДО

(Изабелле)

А вам, моя дорогая сестра, пора прийти в себя.

Не оставайтесь такой бледной и отсутствующей.

И поблагодарите этого кабальеро, который спас нас всех.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Я благодарю вас.

СЦЕНА X

Донья Пруэз, донья Музыка

Сад при постоялом дворе X...

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Вы столько всего знаете, я так счастлива говорить с вами!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Постараемся только, сестричка, чтобы дон Балтазар нас не увидел.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

День уходит. Время, когда хороший начальник сменяет стражу из опасения, что его пленница улетит.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я довольна, что меня так хорошо охраняют. Все выходы проверила. Никакого способа убежать, когда бы я этого захотела. Какое счастье!

ДОНЬЯ МУЗЫКА

И все же я вошла сюда без всякого позволения.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Кому бы вздумалось искать вас в ворохе тростника,
куда вы спрятались, словно уж!

Но ничего, теперь вы в моей власти, и я помешаю вам
убежать.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Вы помешаете мне убежать? Но ведь это я навязалась вам
таким хитроумным образом,

Что вы и не знаете, как от меня отделаться? О какая вы
красивая и как я вас люблю! Если бы я была вашим мужем,
я держала бы вас всегда в мешке, я была бы очень строга
с вами!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как только он вернется, я улажу твои дела.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Вы ничего не уладите! Потому что он вбил себе в голову
выдать меня замуж за погонщика мулов, ну а я взлечу
на край крыши и буду смеяться над ним!

Только любезный король Неаполя станет моим мужем!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

В Неаполе нет короля.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Есть король в Неаполе для Музыки! Не старайтесь сделать
мне больно, а то я сломаю вам пальчик!

Может быть, также неправда и то, что у меня есть
родимое пятно на плече в форме голубки? Я вам его
показывала.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ты сама голубка.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Боже мой, как он будет счастлив, когда наконец обнимет меня!

Ах, как долго тянулось время!

“Зачем было заставлять меня искать тебя в такой дали,
Музыка”, — скажет он. Мне кажется, я слышу его голос.
О, как я буду рада слышать, как он произносит мое имя!
Он один знает его отныне.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Безумная, ты же никогда его не видела.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Мне не надо видеть его, чтобы знать его сердце.
Кто иначе призывал меня с такой силой? Вы думаете,
мне не было тяжело убежать, отринув всех моих
близких?

Но он зовет меня, и я ему тотчас откликаюсь.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Да. Музыка, я знаю, тот, кого твое сердце ждет, не может
обмануть тебя, я уверена.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

А ваше? Оно уже больше никого не ждет? Но кто посмел
бы нарушить его покой, когда оно под покровительством
такой красоты?

Ах, вы были созданы, чтобы идти рядом, вы
и этот ужасный человек, что пытается поймать меня
и обязанность которого — нести смерть!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Однако, как вы видите, сеньор Балтазар не доверяется
единственно моей красоте, чтобы защитить меня,
и увеличивает число часовых вокруг этого старого замка.
Я сама его об этом попросила.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Вы так любите вашу тюрьму, что получаете удовольствие
от того, что делаете ее еще более надежной?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Мне нужны очень крепкие решетки.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Что может мир против вас?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это я, несомненно, могу многое против него.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Я не хочу никакой тюрьмы!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Кое для кого тюрьма, как он утверждает, везде, где нет меня.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Да, и для меня есть такая тюрьма, из которой никто не сможет вырвать меня.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Что это за тюрьма, Музыка?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Руки того, кого я люблю, она в плену, безумная Музыка!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Она вырвется!

Она там лишь на миг; кто сможет вечно удерживать ее сердце?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Я уже с ним, хотя он еще не знает об этом. Это из-за меня, еще не узнав меня,

Он пренебрегал усталостью во главе своего войска, это из-за меня он подает бедным и прощает своих врагов!

Ах! Ему не понадобится много времени, чтобы понять, я — радость, и что только радость, а не приятие печали может принести успокоение.

Да, я хочу примешаться к каждому из его чувств, подобно блестящей и сладостной соли, что их облагораживает и очищает! Я хочу знать, как отныне он посмеет быть печальным и творить зло, если пожелает.

Я хочу быть удивительной и привычной для него, как вода, как солнце, да, как глоток воды, что для пересохшего от жажды рта всегда имеет разный вкус.

Я хочу заполнить его разом и тут же оставить, чтобы не было у него никакой возможности найти меня, ни взглядом, ни прикосновением, только самой сутью своей и внутренним слухом, что вдруг откроется в нем.

Я хочу быть удивительной и привычной для него, как роза, чей аромат мы вдыхаем каждый день лета и единожды!

Это сердце, что ждало меня, ах! какая радость для меня заполнить его!

И если иногда ранним утром пения одной птицы достаточно, чтобы погасить в нас огонь мести и ревности,

Что станет с моей душой, заключенной в теле, с моей душой, соединенной незримыми струнами в концерт, которому только он один способен внимать? Ему достаточно будет замолчать, чтобы я зазвучала в нем!

Где бы он ни был, я не перестаю быть с ним. Это я, пока он работает, становлюсь журчаньем благостного фонтана!

Это я — мирное гудение большого порта под полуденным солнцем,

Это я — тысячи селений, утопающих в плодовых деревьях, которым больше нечего бояться разбойников и сборщиков налогов, я — маленькая, да, маленькая глупая радость на лице этого негодника,

Я — справедливость в его сердце, ликование на его челе!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Нет ничего, к чему человек был бы менее предназначен, чем счастье, он им тотчас пресыщается.

ДОНЬЯ МУЗЫКА
Предназначен ли он для страдания?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Если он его просит, зачем отказывать?
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Как страдать, если вы рядом? Кто смотрит на вас, забывает
и жизнь и смерть.
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Его нет рядом.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Значит, есть кто-то, дорогая сестра, чье отсутствие не дает
вам покоя?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Потише, сестричка, вы слишком дерзки! Кто осмелился бы
поднять глаза на Пруэз?
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Кто смог бы отвести их от нее?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Кто осмелился бы потревожить ее сердце?
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Один только голос в мире, один-единственный, совсем
тихий голос.
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
(как будто говорит сама с собой)
... изнутри этого нерасторжимого таинства.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Хотели бы вы, чтобы он замолчал?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
О, я живу только им!

ДОНЬЯ МУЗЫКА
Вы так его любите?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Что ты себе позволяешь? Нет, я его вовсе не люблю.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Вы жалеете о том времени, когда вы его еще не знали?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Теперь я живу для него.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Как вы можете, ведь ваше лицо навсегда запретно для него?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Но не мое страдание.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Разве вы не хотите его счастья?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Я хочу, чтобы он тоже страдал.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Он страдает.
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Никогда достаточно.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Если он позовет, вы не ответите ему?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Я не голос для него.
ДОНЬЯ МУЗЫКА
Так кто же вы?
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Я — меч, что пройдет его душу.

СЦЕНА XI

НЕГРИТЯНКА, *затем* КИТАЕЦ

Недалеко от постоялого двора.

Край фантастических скал и белого песка.

Обнаженная Негритянка пляшет и кружится при свете луны.

НЕГРИТЯНКА

Слава мамочке красивой, что сделала меня такой черной и смазливой!

Это я, ночная рыбка, я верчусь, я волчок, я киплю, я котелок, в речку я сейчас ныряю, а холодная вода и бурлит, и закипает!

Резко поднимаясь на цыпочки.

Хи тебе, папа мама кодил, ха тебе, папа гипо потам!

Пока река поворачивается ко мне, пока лес поворачивается ко мне, пока все деревья вертятся, вертятся, вертятся, пока все корабли поворачиваются ко мне,

Из-за ямы, которую я выкопаю, из-за варева, которое приготовлю,

Из-за узла, который я завяжу в этой воде, что пенится и вздымается!

У меня есть водица, чтобы помыться, и масло, чтобы смазаться, и травка, чтобы растереться!

Я не черна, я словно следь смугла, я прыгаю, как свинка, я бьюсь, как рыбка, и кручусь, как катушка. Хут, хут, хут, я тут! Я тут!

Приди! Приди! Приди! Приди! Мой италийский друг!

Да! Да! Да! Канарчик желтенький всегда!

Я монетку положила в твой карман.

Все, что мешало тебе любить меня, я сгубила, растерла в песок с кровью свежезарезанной курицы!

Я буду вередиться, вередиться, вередиться, приди ко мне, ты не можешь от меня открыться!

Входит Китаец.

Все нити, что привязывают тебя ко мне, я накручиваю на себя как на катушку, ну, давай, приходи, я тебя подтаскиваю, я укорачиваю дорожку между нами, потому как кручусь как веретено, потому как верчусь, словно веревка на лебедке, что вырывает якорь между корней!

Хи! Хи! Хи! Хи! Ко мне! Ко мне! Ко мне! Ко мне!

Падает в изнеможении прямо в объятия Китайца, который подхватывает ее сзади. Она смотрит на него, выкатив белки, затем, испустив крик, вскакивает, заворачиваясь в свои одежды.

КИТАЕЦ

Безбородое создание, можешь натягивать на свою черную свиную кожу какой угодно покров, я все равно вижу тебя насквозь.

НЕГРИТЯНКА

Хе!

КИТАЕЦ

Я все равно вижу сердце, задыхающееся под твоей сиськой, что подобно темному клубку, испускающему зловредный луч!

НЕГРИТЯНКА

Хи!

КИТАЕЦ

Я вижу печенку, подобную наковальне, куда демоны слетаются ковать ложь, и над ней — твои легкие, подобные кузнечным мехам!

НЕГРИТЯНКА

Хо!

КИТАЕЦ

Я вижу внутренности, подобные клубку рептилий, откуда исходят зловонные и благовонные испарения!

НЕГРИТЯНКА

И чего ты там еще видишь?

КИТАЕЦ

Я вижу мои денежки, зажатые с обеих сторон
позвоночника, как зерна в кукурузном початке.

И я тотчас же верну их себе!

Выхватывает нож.

НЕГРИТЯНКА

(испускает пронзительный крик)

Остановись, любовь моя! Если ты меня сейчас убьешь,
я уже не смогу показать тебе дьявола!

КИТАЕЦ

Ты мне уже это обещала, и именно таким образом
выманила мои деньги.

НЕГРИТЯНКА

И твой хозяин никогда больше не поднимет своих глаз
на донью Пруэз.

КИТАЕЦ

Нечистый аллигатор! Мускусное дитя грязи и жирный
придонный червь!

Ладно, для этого разговора мы сойдемся попозже
и потеснее, я тебе обещаю!

НЕГРИТЯНКА

Донья Чудо здесь, в этой крепости, а дон Балтазар ее
защищает, а дон Пелайо вернется завтра или послезавтра
и увезет донью Пруэз в Африку, а дон Родриго ее больше
не увидит, на, на тебе! Он ее больше не увидит, тра-ля-ля!

КИТАЕЦ

Послушай-ка теперь! Сеньор Родриго был ранен
и повержен на землю, когда со шпагой в руках пытался
защитить Иакова от бандитов.

НЕГРИТЯНКА

Какого Иакова?

КИТАЕЦ

Святого Иакова из чистого серебра. Мы его перевезли
сюда, (я имею в виду Родриго), в замок его матери,
что всего в четырех лье от этого постоянного двора.

НЕГРИТЯНКА

Мадонна!

КИТАЕЦ

Отправляйся сейчас же к ней и скажи, что он скоро помрет,
скажи также, что он хочет ее видеть, скажи ей, чтобы она
тотчас отправлялась к нему, дав своим ногам достойное
применение.

Что же до меня, то, поскольку все мои увещевания,
сопровождаемые глубокими вздохами, не смогли поднять
его на ноги,

Мне остается только незаметно удалиться,
предварительно позволив ему вновь взяться за старое,
целиком положившись на целомудрие.

Что до тебя, я не отстану, пока ты не покажешь мне дьявола!

НЕГРИТЯНКА

И чего тебе так хочется увидеть сатану?

КИТАЕЦ

Чем больше у меня будет хороших знакомств в этом кругу,
тем ценнее покажется моя душа тем, кто, так сказать, хочет
меня окропить.

НЕГРИТЯНКА

Но как, по-твоему, донья Пруэз сможет сбежать отсюда,
ведь дом надежно охраняется со всех сторон?

КИТАЕЦ

Слушай! Сегодня утром я встретился с отрядом кабальеро.

Они ищут некую сеньориту по имени Музыка, которую похитил некий проходимец из Неаполя.

НЕГРИТЯНКА

Музыка? Боже!

КИТАЕЦ

Ты знаешь ее?

НЕГРИТЯНКА

Продолжай.

КИТАЕЦ

Тотчас насилием и угрозой они вырвали из меня признание, что означенная Музыка в данный момент находится на этом постоялом дворе у берега моря, захваченном ужасными пиратами.

НЕГРИТЯНКА

Но это ведь неправда!

КИТАЕЦ

Я и сам знаю, но какая мне разница!

Завтра вечером они нападут на дона Балтазара и его гарнизон.

НЕГРИТЯНКА

Но они ничего не найдут!

КИТАЕЦ

По крайней мере, они найдут здесь некую ведьму, которую я описал,

Самую опасную пособницу того вора с бархатными глазами.

НЕГРИТЯНКА

Я не вернусь на постоялый двор!

КИТАЕЦ
Значит, я убью тебя на месте.

НЕГРИТЯНКА

Ладно, донья Пруэз все уладит.

КИТАЕЦ

Скажи ей, чтобы, воспользовавшись суматохой, она сбежала отсюда вместе с тобой.

НЕГРИТЯНКА

Да как?

КИТАЕЦ

В ста шагах от постоянного двора, вон там, за фиговыми деревьями, я буду ждать вас вместе с лакеем и лошадьми — для нее и для тебя.

СЦЕНА XII

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ, ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Глубокий овраг, окружающий постоялый двор, заросший спутавшимися колючками, лианами и кустарником.

На краю оврага — Ангел Хранитель в костюме эпохи с воротником-фрезой и шпагой на боку.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Только посмотрите на нее, как она мечется среди терновников и запутанных лиан, соскальзывая, передвигаясь ползком, вновь вставая, цепляясь ногтями и коленями, стараясь влезть на этот крутой холм! И что только живет в этом отчаянном сердце!

Кто сказал, что ангелы не могут плакать?

Разве я не такое же божье творение, как она? И разве все творения божьи не связаны между собой?

И то, что называют страданием, разве терпится оно в отдельном, изолированном от всего остального мире? Разве остается оно вне нашего видения? Разве приятно вмещать его в себе вместе с существом, что мы призваны защитить?

Разве чуждо оно любви и справедливости, посланниками которых мы являемся? Какой смысл называться Ангелом Хранителем, если бы нам не было дано понимать страдание?

Кто способен видеть добро сполна, только тому сполна внятно, что есть зло. Они же не ведают, что творят.

И я, неужели был бы выбран охранять ее, не имей я тайного родства с ней?

Ну, наконец! Она все-таки добралась до края этих бесконечных колючек и милосердных шипов, что хотели удержать ее. Вот она уже на краю рва.

Пруэз выбирается из рва. Она в мужском костюме, совершенно изорванном, руки и лицо в ушибах.

Да, ты прекрасна, моя бедная девочка, даже со спутанными волосами и в этой неприличной одежде,

Со щеками, испачканными землей и кровью, и с этим взглядом в глубине твоих глаз, что причиняет мне боль своей решительностью и безумием!

Ах! Ты мне делаешь честь, и мне приятно представить именно такой мою бедную сестричку! Если бы только никто другой не мог нас увидеть!

Донья Пруэз, озираясь вокруг, как потерянная.

Я совсем одна!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Она говорит, что она одна!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я свободна!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Увы!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Меня ничто не остановило.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Мы не хотели для тебя иной тюрьмы, кроме чести.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Надо было лучше охранять меня. Я была честна, я предупреждала дону Балтазара.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Он заплатит за твой побег жизнью.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго умрет!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

У него есть еще время потерять душу.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго умрет!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Он жив.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Он жив! Кто-то мне говорит, что он еще жив! У меня есть еще время помешать ему умереть своим присутствием.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ну, уж, во всяком случае, не любовь Пруэз воспрепятствует его смерти.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

По крайней мере, я могу умереть вместе с ним.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Послушайте только, с какой ужасной легкостью она хочет отдать свою душу, которая не ей принадлежит и которую стоило столько трудов создать и искупить.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

В мире есть только Родриго.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Постарайся тогда соединиться с ним.

Она падает на землю, словно неожиданно лишившись сил.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(тяжело дыша)

Усилие было слишком тяжело для меня! Я умираю! Ах! Я думала, что мне никогда не выбраться из этой ужасной ямы!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

(ставит ногу ей на сердце)

Мне было бы легко задержать тебя здесь, если бы я захотел.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(слабым голосом)

Родриго зовет меня.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Что ж, попробуй, отнеси ему сердце, на которое опущена моя ступня.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(так же)

Надо идти!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

(убирает ногу)

Посмотрим, куда ты приведешь меня.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(слабым голосом)

На ноги, Пруэз!

Она поднимается, пошатываясь.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Я уповаю на Бога.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Увы! Я слышу и другой голос в горячке, который говорит: “Пруэз!”

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах! Как длинен путь к тем кустарникам!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Он был еще длиннее к Голгофе.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго, я твоя!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты его? Ты думаешь, что сможешь наполнить его своим отлученным телом?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я знаю, что я — сокровище для него.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Не выбить эту идею из ее глупой головки!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(делая шаг)

В путь!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ
(делая шаг вместе с ней)

В путь!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
(шатаясь, делает несколько шагов)

Родриго, я твоя! Ты видишь, я разорвала эту столь тяжкую цепь!

Родриго, я теперь твоя! Родриго, я иду к тебе!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А я сопровождаю тебя.

Уходят.

СЦЕНА XIII

ДОН БАЛТАЗАР, АЛФЕРЕС

Постоялый двор. В углу — крытый вход, он закреплен массивной дверью с гвоздями и засовами, закрытой железными задвижками. В глубине сцены виднеется кромка моря в окружении сосен. Вечер.

ДОН БАЛТАЗАР

Договорились. Как только эти негодяи наступают, приказываю всем тотчас собраться и укрыться в отсеках и крытых ходах, что я велел соорудить по обе стороны дверей. И строжайший запрет стрелять до тех пор, пока я не подниму шляпу.

АЛФЕРЕС

Не оставить ли несколько часовых со стороны рва?

ДОН БАЛТАЗАР

(оправляя бороду)

Давайте не разделять наши силы.

С этой стороны мы достаточно защищены совершенно непроходимым рвом.

Я проверил это сам.

АЛФЕРЕС

(измеряя на глаз телосложение своего начальника)

Хм!

ДОН БАЛТАЗАР

Что вы говорите, господин Алферес?

АЛФЕРЕС

Я говорю, вы верите во все, что рассказывает этот Китаец?

ДОН БАЛТАЗАР

Его присутствия достаточно, я его знаю. К счастью, я сам был сегодня в ночном дозоре и услышал крики нашей бедняжки Жобарбары!

Она цапала и кусала его, защищаясь, но если бы я не подоспел, думаю, он бы рассек ее, как инжир.

АЛФЕРЕС

Положитесь на меня, мы защитим деньги короля от этих разбойников.

ДОН БАЛТАЗАР

У нас для защиты больше, чем деньги.

АЛФЕРЕС

Донья Пруэз...

ДОН БАЛТАЗАР

Я ничего не сказал. Но Китаец утверждает, что бога любви, а не бога воров вы вскоре увидите порхающим сквозь дым ваших аркебуз.

АЛФЕРЕС

(делая вид, что целится)

Целиться в перышко одного или другого, какая разница, пах!

ДОН БАЛТАЗАР

Точно, уложите его, сеньор Алферес, это услуга, которую вы окажете нам всем.

Я не говорю о себе, но почему я вечно оказываюсь замешанным в чужих любовных делах, тогда как никто никогда не интересуется моими?

Предположим, что вам поручили охранять кого-то, да, скажем, большого преступника.

И она вдруг узнает, что тот, кого она любит, умирает и хочет ее видеть,

Понравилось бы вам слушать ее слезы и мольбы?
А зачем мне это?

Разве честно мучить меня таким образом?
Как будто я волен не исполнять то, что мне предписано и приказано!

АЛФЕРЕС

Вы говорите о мужчине или о женщине?

ДОН БАЛТАЗАР

О мужчине, естественно, что у вас с головой, спрашивается? Речь идет о некоем заключенном, которого мне поручили охранять.

АЛФЕРЕС

Вы так покраснели и так взволнованы, будто только что вышли после жуткой перебранки.

ДОН БАЛТАЗАР

Двадцать лет прошло с тех пор, господин Алферес!
Двадцать лет прошло, а как будто это было вчера!

Целует мне руки, как будто это может чему-нибудь помочь!

— Что дурного в том, что я встречу с ним, с ней, я имею в виду, — Сейчас, когда он умирает? — Ничего дурного, кроме того, что это запрещено, не так ли?

— Говорю же я вам, что он зовет меня! — Я не слышу.

— Клянусь мадонной, что я вернусь! — Нет!

Что бы вы делали на моем месте?

АЛФЕРЕС

То же, что и ваша милость.

ДОН БАЛТАЗАР

Я знаю, что вы человек неболтливый и здравомыслящий.
Вот только усы у вас какие-то странные, не по инструкции.

Того, кто на моем месте действовал бы по-другому, того, кто по глупой слабости сердца смягчился бы или тайно слукавил, поправ долг,

Я назвал бы бесчестным человеком. И ему ничего другого не осталось бы, как покончить с собой, к тому же жизнь не такая уж приятная штука для старика вроде меня, чего уж там?

АЛФЕРЕС

Я бы не назвал вас старым.

ДОН БАЛТАЗАР

Что в особенности причиняло мне боль, так это не ее жалобы и мольбы, нет, да она и не кричала,

Но те слова, которые вам говорят тихим сдержанным голосом,

Они-то и отдаются прямо в сердце.
— Нет! Когда видишь, что все бесполезно, тогда и приходит такое спокойствие и некое подобие улыбки.

Вы наверняка знаете, бывает такого рода облегчение, когда знаешь, что больше уже ничего нельзя сделать, так иногда матери принимают петль над телом своего умершего ребенка.

Тем не менее я не ожидал прикосновения этих губ к моей руке и этого голоса, который благодарил меня.

Входит солдат.

СОЛДАТ

Капитан, у большого камня остановилась группа кабальеро. Один из них отделился и направляется к нам, размахивая носовым платком.

ДОН БАЛТАЗАР

Очень хорошо, собирайте всех на мосту.

АЛФЕРЕС

Даже часового, который охраняет ров?

ДОН БАЛТАЗАР

Да. И пусть приведут ко мне Китайца.

СЦЕНА XIV

ДОН БАЛТАЗАР, АЛФЕРЕС, КИТАЕЦ, СЕРЖАНТ,
СОЛДАТЫ, СЛУГИ
Там же.

СОЛДАТ

(ведя за собой Китайца)

Вот, Человек²⁶!

ДОН БАЛТАЗАР

Здравствуйте, господин Китаец, я очень сердит из-за новостей, которые вы нам принесли о доне Родриго.

КИТАЕЦ

Дон Родриго здесь ни при чем!

ДОН БАЛТАЗАР

Разве вы не его слуга?

КИТАЕЦ

Я — человек, которого Провидение поставило

26 Клодель здесь дословно цитирует слова Пилата, обращенные к Иисусу: *ессе homo, "се, Человек"* (Иоанн, 19, 5).

рядом с ним, чтобы дать ему возможность получить спасение.

ДОН БАЛТАЗАР

Каким образом?

КИТАЕЦ

Если ему удастся свершить надо мной обряд святого крещения, не будет ли это бесконечной радостью для Неба, которому один обращенный Китаец

Дороже, чем девяносто девять испанцев, твердых приверженцев веры?

ДОН БАЛТАЗАР

Безусловно.

КИТАЕЦ

Сия заслуга, учитывая, что только от меня зависит дать ему возможность мне ее оказать,

Стоит многих забот и настойчивого внимания с его стороны, я ведь не отдам ему свою душу просто так, за песенку.

Так что, собственно говоря, это скорее он мой слуга, нежели я его.

ДОН БАЛТАЗАР

Тем не менее, сын мой, мне кажется, что вы ему оказываете весьма полезные услуги.

Но в данный момент речь не об этом, и поскольку вы заговорили о песне, то мое единственное желание сейчас — узнать умеете ли вы петь.

КИТАЕЦ

(растерявшись)

Петь? Как! Петь?

ДОН БАЛТАЗАР

Ну, да.

(Он ободряюще выводит мелодию.)

А-а-а! Попеть, чего уж там! Правда, у меня нет гитары.
Вам ничего не остается, как взять эту вот тарелку
и простучать по ней в такт ножом, что хотите.
Лучше что-нибудь красивенькое.

КИТАЕЦ

(весь затрясся)

И вы не хотите узнать, почему я ночью беседовал с этой
дьявольской негритянкой?

ДОН БАЛТАЗАР

У меня в мире только одно желание — услышать твой
прекрасный голос.

КИТАЕЦ

(бросаясь на колени)

Сеньор, пощадите меня! Я вам все расскажу!

ДОН БАЛТАЗАР

(Алфересу)

Ничто так не ужасает людей, как вещи, которых они
не понимают.

(Китайцу)

Начинаем!

Песня, поднимающаяся к устам,
Подобна капле меда,
Что переполняет сердце

КИТАЕЦ

Правда же состоит в том, что, кружась вокруг вашей
крепости в интересах дона Родриго,

Я наткнулся на отряд вооруженных кабальеро, которые
спросили меня, не слышал ли я о некой донье Музыке...

ДОН БАЛТАЗАР

Так ты говоришь, Музыка?

КИТАЕЦ

Они мне рассказывали, что вы ее знаете.

... О некой донье Музыке, которая, дескать, убежала
с итальянским сержантом, а они ее разыскивают.

Вот тогда мне пришла в голову мысль навести их
на вашу крепость, якобы занятую пиратами, чтобы
во время нападения и всеобщей сумятицы самому

Похитить особ, которых вы охраняете.

ДОН БАЛТАЗАР

Ты бы лучше не говорил о Музыке, а пел бы, как я тебя
прошу.

Обнажает шпагу.

КИТАЕЦ

Сжальтесь, сеньор!

Входит Сержант.

СЕРЖАНТ

Сеньор! У наших ворот какой-то мужчина, не снимая
шляпы и в весьма резких выражениях, требует, чтобы ему
немедля выдали донью Музыку, которую мы здесь прячем.

ДОН БАЛТАЗАР

Ответь ему, не снимая шляпы и в весьма резких
выражениях, что нашу музыку мы оставляем себе.

КИТАЕЦ

Вы видите, я не солгал.

ДОН БАЛТАЗАР

У доньи Музыки, где бы она ни находилась, никогда не будет
такой надежной охраны, как сегодня у доньи Пруэз.

КИТАЕЦ

Понимаю! Вы думаете, что мы все в сговоре и покушаемся
на донью Пруэз. О! О!

ДОН БАЛТАЗАР

(напевая)

О! О!

Я грезил, что я на небе,

Просьпаясь в твоих объятьях...

Укалывает Китайца, тот с криком подпрыгивает.

Давай же, я прошу тебя, продолжай!

*Входят слуги с подносами, сервированными
для легкой закуски.*

ДОН БАЛТАЗАР

Что это?

СЛУГИ

Принесли вам подкрепиться, как вы приказывали.

ДОН БАЛТАЗАР

Очень хорошо, нам будет очень хорошо закусывать здесь,
в тени, в то время как эти господа позаботятся о том,
чтобы развлечь нас.

АЛФЕРЕС

Вам будет очень плохо. Все выстрелы, которые они
выпустят через эти ворота, попадут прямо в вас.

ДОН БАЛТАЗАР

Нет, их словит Китаец. Смотри, Китаец, если твои друзья
будут стрелять, то убьют тебя.

КИТАЕЦ

Я ничего не боюсь. Пока я не крещен, пуля не может
причинить мне вреда.

ДОН БАЛТАЗАР

Вгляни пока на этот стол, который устали для нас
самыми прекрасными плодами земли и вод.

Сладкое и соленое, ракушки, синие, как ночь,
прекрасная розовая форель под серебристой чешуей
подобная съедобной нимфе, алый лангуст,

Золотистый луч меда, и прозрачные гроздья винограда,
и инжир, раскрывающийся от переполняющей его
сладости, и персики, словно шары из нектара...

Входит солдат.

СОЛДАТ

Капитан, группа вооруженных людей направляется к воротам
с лестницами и топорами. Как прикажете поступать?

ДОН БАЛТАЗАР

Ну что же. Дайте им возможность приблизиться.
Я уже отдал все распоряжения.

Солдат выходит.

На чем я остановился? ... эти персики, словно шары
из нектара...

*Над воротами появляется мужчина
в черном плаще и большой фетровой шляпе,
который прицеливается в дон Балтазара из мушкета
с ратрубом. Дон Балтазар кидает в него персик, попав
прямо в лицо, тот падает.*

... тонко нарезанная ветчина, вино дивного аромата
в блестящем графине, паштет, как гробница благоуханной
плоти под острыми специями, что оживет в желудке
с благодетельной теплотой!

Земля не могла предложить нам ничего лучшего,
чем то, что собрано на этой скатерти.

Давайте же в последний раз окинем все взглядом,
ибо нам никогда больше не наслаждаться всем этим, мой
сотоварищ!

Сильно стучат в дверь.

ДОН БАЛТАЗАР
 Чего вы хотите?
 ГОЛОС С УЛИЦЫ
 Мы требуем донью Музыку!
 ДОН БАЛТАЗАР
 Вы хотите музыки? Спой им, Китаец!
 КИТАЕЦ
 Я не умею петь!
 ДОН БАЛТАЗАР
 (угрожая)
 Пой, говорю тебе!
 КИТАЕЦ
 (поет)
 Тот, кто услышит, как пою я,
 Решит наверняка, что весел я!
 А я, как маленькая птаха,
 Что поет в предчувствии смерти.
 ГОЛОС СНАРУЖИ
 Мы требуем выдать донью Музыку!
 ДОН БАЛТАЗАР
 Нет никакой возможности. Она только что отбыла
 в Барбарю! Пой, Китаец, это будет им утешением!
 КИТАЕЦ
 (поет)
 Я сел в ореха скорлупу,
 Чтoб плыть в Барбарю-ю-ю,
 Искать лягушачьего пуха,
 В Испании его ведь не найти.
 ГОЛОС СНАРУЖИ
 Если вы не откроете дверь, мы будем стрелять.

ДОН БАЛТАЗАР
 Пой, китаец!
 КИТАЕЦ
 (поет)
 Я пошел на поле
 Спросить у фиалки,
 От любовной хвори
 Есть ли лекарство,
 Она мне отвечала...
*Видно, как через щель в воротах проходит дуло
 мушкета, которое движается то вправо,
 то влево.*
 КИТАЕЦ
 (прыгая то вправо, то влево, чтобы избежать мушкета)
 Она мне отвечала...
 Она мне отвечала...
 ДОН БАЛТАЗАР
 Ну, и что, что она отвечала?
*На море, по заднику сцены, появляется лодка
 под алым парусом, в которой находятся Музыка,
 Негритянка и Сержант-неаполитанец.
 Мушкет исчезает.*
 НЕГРИТЯНКА
 (подпекает пронзительным голосом)
 ... Что от любовной хвори
 Лекарств на свете нет.
 КИТАЕЦ
 (смотрит в сторону моря)
 Боже! Что я вижу!
 ДОН БАЛТАЗАР
 А что ты видишь?

КИТАЕЦ

Смотрите сами!

ДОН БАЛТАЗАР

(напевая)

Не смотри на меня! Другие заметят,
Как мы смотрим друг на друга!

Удар топором в ворота.

СОЛДАТ

Капитан! Капитан! Стрелять надо?

ДОН БАЛТАЗАР

Не раньше, чем я прикажу. Так что ты видишь, Китаец?

КИТАЕЦ

Я вижу корабль, отплывающий в море,

И в нем эта чертова негритянка со своим желтым
дьяволом. Смотрите сами!

ДОН БАЛТАЗАР

Слишком утомительно поворачиваться.

АЛФЕРЕС

Сеньор, удалитесь. Эти люди готовятся стрелять.

ДОН БАЛТАЗАР

Нет.

*Дуло мушкета снова проходит
через щель в воротах и направляется
прямо на дону Балтазара.
Лодка исчезла.*

ГОЛОС ДОНЬИ МУЗЫКИ

(издалека)

Слеза твоих глаз,
Слеза твоих глаз...

ДОН БАЛТАЗАР

Ах! Какой очаровательный голос! Я никогда не слышал
красивее.

*Голос, поддержанный Негритянкой и Сержантом,
по партиям.*

Струится по лицу!

И падает в глубь сердца!

И падает в глубь сердца!

*Выстрелы. Дон Балтазар падает замертво, лицом
во фрукты, обхватив стол руками.*

ГОЛОС,

ВСЕ БОЛЕЕ И БОЛЕЕ ОТДАЛЯЮЩИЙСЯ

Слеза твоих глаз,

Слеза твоих глаз...

Конец Первого Дня

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Действующие лица Второго Дня

ДОН ХИЛЬ
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
ДОНЬЯ ОНОРИЯ
ДОН ПЕЛАЙО
ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ
АРХЕОЛОГ
КАПЕЛЛАН
СВЯТОЙ ИАКОВ
КОРОЛЬ
ДОН РОДРИГО
КАПИТАН
ДОН КАМИЛЬО
ДОНЬЯ МУЗЫКА
ДОН ГУСМАН
РУИС ПЕРАЛЬДО
ОЗОРИО
РЕМЕДИОС
ДВОЙНАЯ ТЕНЬ
ЛУНА
ПОДМАСТЕРЬЯ
КАБАЛЬЕРО
МАСТЕР-СУКОНЩИК
ЗНАТНЫЕ СЕНЬОРЫ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дон Хиль, Портной-суконщик,
ГРУППА КАБАЛЬЕРО

*Лавка портного-суконщика в Кадисе. Полки и прилавок
завалены отрезами красных тканей всех оттенков,
как свернутых в рулоны, так и разложенных.
Через дверь видна мастерская вышивальщиц.*

*Комната наполнена запыхавшимися подмастерьями,
слугами, пришедшими забрать покупки, и разговорчивыми
кабальеро, ожидающими, когда у них примут заказ.
Один из них забавляется, фехтуя у стены аршином
суконщика. Второй поедает оливки. Третий заливает
в глотку воду из большого глиняного кувшина.
Посреди комнаты стоит один из кабальеро, весьма
крепкого телосложения, в одной рубахе, подмастерье
снимает с него мерки.*

ПОДМАСТЕРЬЕ

(измеряя его брюхо, кричит)

Тридцать пять.

Мастерская отвечает ему взрывом хохота.

МАТРОС

(входя)

Наши стяги готовы?

МАСТЕР-СУКОНЩИК

Два уже готовы.

Можете их забирать, какая работа, залобуетесь!

Остальные будут готовы через восемь дней.

Вышивальщицы как раз сейчас ими занимаются.

ПЕРВЫЙ КАБАЛЬЕРО

(обращаясь к толстому)

Фландрия пошла вам на пользу, дон Хиль!

ВТОРОЙ КАБАЛЬЕРО

На переходе через Панамский перешеек жир-то растрясете.

ДОН ХИЛЬ

Ба! Нужно много места в моем брюхе, чтобы вместить всю Америку!

ТРЕТИЙ КАБАЛЬЕРО

А что сегодня подельвает ветер?

ДРУГОЙ КАБАЛЬЕРО

То же самое, что те полтора века, как мы прозябаем здесь, на растерзанье ростовщикам.

Нептун беспрерывно из своих бездонных легких дует на этот маленький бассейн, где вся Европа умывает ноги,

И подгоняет народ свой поспешными волнами через Геркулесовы столбы²⁷.

Но какова же у него сила вдоха, господа, коли он выдувает нас разом в тот момент, когда исполинские его мехи вновь надуваются!

²⁷ Гибралтарский пролив.

Вся наша эскадра меньше чем за месяц, клянусь вам, окажется стянута прямо в этот карман, в эту гавань нового мира, напичканную островами на якоре, словно готовыми спасательными буями,

В этот дымящийся очаг на море, что Бог сотворил меж двух Америк своими золотыми руками.

ПЕРВЫЙ КАБАЛЬЕРО

Новостей от нашего Ахилла все так и нет?

ВТОРОЙ КАБАЛЬЕРО

Ну да, как Ахилл на острове Скирос, только не спрятанный среди бабьих юбок, но охотящийся на одну из них, и, как говорят, со шпагой в руке! Никаких от него вестей.

ДОН ХИЛЬ

Клянусь, я не сдвинусь с места без сеньора Родриго.

ПЕРВЫЙ КАБАЛЬЕРО

И я тоже.

ДОН ХИЛЬ

И пусть положенное мне здесь еще за год жалованье обойдется в сумму, что будет даже побольше наследства раввина!

ПЕРВЫЙ КАБАЛЬЕРО

Дон Родриго справедлив по отношению ко всем.

ВТОРОЙ

И всегда замечает все, что надобно.

ТРЕТИЙ

И делает вид, что не замечает, когда надобно.

Он хорошо знает нрав солдата, господа!

ДОН ХИЛЬ

Довольно! Это мой личный друг!

ЧЕТВЕРТЫЙ КАБАЛЬЕРО

(обращаясь к мастеру-суконщику)

И чтобы не было этого красно-фиолетового! Как давленные ягоды земляничника! И уж тем более не надо красного цвета скисшего вина, у меня от него колики в животе!

Я требую чистый алый, такой же, какой течет в жилах дворянина.

МАСТЕР-СУКОНЩИК

Ваша милость может не беспокоиться, я уже нанял всех пиявок, что объедают древа познания в Садах Гесперид!

Мои работники с утра до вечера размешивают огненно-кровавый раствор и вытаскивают из чанов флаги, пропитанные краской, краснее моря, что поглотило фараона!

И все равно не хватает, господа! Меня просто грабят! Со всех уголков Испании приезжают ко мне благородные сеньоры, чтобы убрать себя в цвета нашего крестового похода.

ПЕРВЫЙ КАБАЛЬЕРО

Даже наш поверенный, который, не найдя больше красного, скромно ограничился атласной парой цвета розовых лепестков.

ВТОРОЙ

Что до меня, я хочу, чтобы на спине мне вышли три черных здоровых пятна, как у красного жучка, что грызет лилии.

ТРЕТИЙ

А грудь разукрасить огромным Святым Причастием!

ДОН ХИЛЬ

Потому что мы, рыцари в красном, несем с собой истинную веру, пищу и солнце этим человеческим червям, всем этим ящеровидным ромам, этим бледным

немочам, что копошатся во влажной тени или блуждают по пустынным плато на горных высотах.

ПЕРВЫЙ

Это как коррида.

Есть на нашем земном шарике солнечная сторона и теневая.

ВТОРОЙ

Позволю себе закончить вашу мысль: существует половина реальная, и та, которой не совсем удастся стать реальностью.

Да, именно такое заключение я вынес из моих экспедиций.

ЧЕТВЕРТЫЙ

(сквозь зубы)

Больше слушайте эти заплесневевшие рассказы! Золото, которое там водится, самое что ни на есть настоящее.

ВТОРОЙ

Я не уверен.

То, что было в моих карманах, быстро растаяло.

ДОН ХИЛЬ

(несколько сокрушенно)

В любом случае мы едем спасать не тени их душ.

ПЕРВЫЙ КАБАЛЬЕРО

И не тени их тел, что горбатятся на наших плантациях!

ВТОРОЙ

Ни даже тени хворостины, чтобы согреть их тени сзади, если они не будут достаточно расторопны!

ДОН ХИЛЬ

Нужно же, в конце концов, разбудить это сонное царство.

Что же поделаешь, если при этом по их шкуре пройдет палка, разве мы свою берегли?

И все-таки жизнь лучше всяческого преддверия рая!

Мы уже преодолели море; и земле этой, что не имела права обойтись без нас, мы открыли врата рассвета.

Сколько веков со дня творения добирались мы до них по дороге, усталой раскаленными углями и битым стеклом! Теперь настал их черед пострадать!

Берегитесь! Мы идем!

ПЕРВЫЙ КАБАЛЬЕРО

Рыцари в красном!

ВТОРОЙ

Цвета крови Господа нашего на кресте.

ПЕРВЫЙ

Есть те, кому мы принесем крест любой ценой.

ВТОРОЙ

Разве мы сами, жалкие авантюристы, не несем на себе свой крест?

Прочно закрепленный на кожаной портупее среди прочего снаряжения?

ДОН ХИЛЬ

В красном! В красном! Мы отплывем в поход только в красном! Таков обет, что мы дали в присутствии брата Лопеса.

В красном! Под командованием дона Родриго! Будем ждать, сколько понадобится.

У нас еще в запасе пять месяцев до праздника Святой крови²⁸.

СЦЕНА II

НЕУСТРАНИМЫЙ, донья Онория, донья Пруэз
Полная перестановка декораций. Музыка имитирует звуки выбиваемого ковра, от которого к тому же идет столб пыли.

28 Празднуется 1 июля.

В то время как уносится декорация предыдущей картины, среди рабочих сцены появляется Неустрашимый, который то и дело пытается ими руководить, мешаясь под ногами, подобно клоуну в цирке.

НЕУСТРАНИМЫЙ

(играя с аршином портного и размахивая куском красной материи, как торeadор)

Ну же, мужланы, публика теряет терпение, быстрее, прошу вас! Ну! Ну! Быстро, presto! Уберите-ка это! Освободите подмостки!

В театре все — неотесанные мужланы, подумать только, я вынужден был дожидаться, чтобы мне принесли мой костюм.

Но у меня не хватило терпения плесневеть в этой гримерной, где автор держит меня взаперти.

Костюмерша появлялась в дверях раз двадцать и всегда подбегала к другим, а я то и дело вскакивал со своего стула перед зеркалом.

Моего пыла, знаете ли, опасаются, потому что я веду действие слишком быстро, в два счета мы оказываемся у цели, и публика бывает чересчур довольна!

Вот почему автор держит меня в запасе, на случай, так сказать, крайней надобности, с целой кучей статистов, которые шумно толпятся в ожидании на чердаке его воображения, но лиц их вы так никогда и не увидите.

Но со мной ему так просто не обойтись, я, как легкий газ, утекаю сквозь все дверные щели и взрываюсь посреди пьесы!

Внимание, сейчас все пойдет быстро! Я взлетаю на своей волшебной лошадке...

Изображает быструю езду на невидимом велосипеде.

Мы уже больше не в Кадисе, мы теперь находимся на Сьерра-как-ее-там посреди одного из живописных лесов, что прославили Каталонию.

На пике горы, вон там, стоит замок дона Родриго; дон Родриго здесь, плохо ему, его мучает рана, я так думаю, он скоро отдаст концы...

Нет, я ошибаюсь, он выздоровеет, иначе пьеса кончится.

Позвольте представить вам маму дона Родриго.

Входит донья Онория.

НЕУСТРАНИМЫЙ

(рыча)

Стойте там, где стояли! Ждите, пока я вас не позову! Какого черта! Кто вас сюда приглашал, вон! Выйдите!

Донья Онория выходит.

Мама дона Родриго, донья Как-ее-там...

Онория, вам подходит?

Надо же было ей войти! Я как раз хотел нарисовать для вас ее портрет.

Обидно, со мной всегда так случается.

Именно поэтому я и не смог стать художником.

Мои персонажи начинали неожиданно существовать еще до того, как я нарисовал им хотя бы один глаз.

Вот посмотрите! Рисую донью Онорию.

Куском мела рисует на спине помощника режиссера.

Не успею я еще повесить ей сережки в уши, как она уже начнет показывать мне язык и отклеиваться от спины этого господина, как Маргарита²⁹ из черепа Юпитера.

Когда я рисую собаку, не успею я дорисовать заднюю лапу, как она уже начинает шевелить хвостом и убегает прямо на трех лапах, не дожидаясь головы!

Ладно! Чего уж там! Вы ее сию минуту сами увидите.

Бросает кусочек мела в зрителей.

Теперь никакого вам утреннего солнышка, уже поздно, прекрасная лунная ночь.

²⁹ Клодель произвольно соединяет здесь Минерву из римской мифологии и Маргариту из "Фауста" Гете.

Напеваает начало сонаты.

Эй, там, наверху, внимание! Создайте воздушное освещение! Включите софиты на контровой, направьте прожектор авансены влево!

Теперь, когда мы создали нужную атмосферу, разрешите вам представить донью Пруэз.

Что за имечко!³⁰ От него так и исходит ощущение подлинности!

Донья Пруэз прибыла сюда в costume, который вы уже на ней видели несколько дней назад, впрочем, время можете выбрать сами, вы же знаете, что мы в театре обращаемся со временем как с аккордеоном, по нашей прихоти часы растягиваются, а дни укорачиваются.

Нет ничего проще, чем запустить несколько времен в разных направлениях.

Собственно говоря, я боюсь, что нервы мадам не смогут вынести стольких волнений.

Не то чтобы она совсем тронулась, но явно получила шок и теперь пребывает в прострации, так что думать ни о чем не может.

Вы полагаете, Пруэз удалось увидеть своего возлюбленного? Вовсе нет.

Родриго находится у своей матери, и та ухаживает за ним, впрочем, она ухаживает за обоими.

Разлученные толстыми стенами, тщетно пробегаят они лестницами горячечного бреда в надежде соединиться.

Я пойду за ними.

Выходит и возвращается вместе с опирающейся на его руку доньей Пруэз.

Всем видом напоминает гипнотизера, вышедшего с очередным номером.

³⁰ Имя доньи Пруэз, Prouhèze, по звучанию близко к prouesse — храбрость, хотя точное происхождение этого имени, придуманного Клоделем, так до сих пор окончательно не установлено.

Пруэз снова в женской одежде.

Говорите, Пруэз! Пусть это множество людей в зале, собравшихся здесь без вашего ведома, услышит вас.

Говорите, расскажите нам, какое горе отягощает ваше грешное сердце.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго!

НЕУСТРАНИМЫЙ

Родриго? Он на охоте.

Я хочу сказать, что его тело в самом деле находится там, за красноватыми квадратами окон замка, в которые вы неустанно вглядываетесь,

Но вот уже немало часов во сне он пытается выбраться из этой запутанной лесосеки, что сминается и трещит на его глазах под грузом невидимого присутствия:

“Это вы?” Напрасно произносит он ваше имя тихим голосом, как вы сами только что, нет ему ответа.

И вскоре выйдет он на поляну, покрытую мертвыми деревьями, окутанными древним мхом.

Там будет все странно бело на черном фоне елей, даже та бабочка, что на мгновение раскрыла крылья в свете мертвенно-бледного дня; и никого, ни единого человеческого лица.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго!

НЕУСТРАНИМЫЙ

(пытится к кулисам, не спуская глаз с Пруэз)

Теперь приблизьтесь, Онория! Настала пора показать вас.

Входит донья Онория.

Пусть эта дама в горе почувствует свою страдающую любовь подбодренной и защищенной вашей материнской любовью

И пусть сердце матери объяснится с сердцем возлюбленной.

Женищины обнимаются.

Час испытаний приближается! Мне осталось только установить перед вами оконную раму...

Делает знак монтировщикам, они устанавливают оконную раму, на которую на мгновение облакачиваются обе женищины.

... И вы тотчас увидите, какой, я бы сказал, роковой уголок Испании открывается за ней.

Вот горы, покрытые суровым лесом, грязнее, чем свалывшаяся шерсть зубра, светлая ночь, крылья большой мельницы справа от нас, которые одним махом каждую секунду перекрывают лунный свет,

А там, по тайным тропам, дон Пелайо в сопровождении своего слуги тяжело поднимается к нам.

В это время монтировщики уже закончили установку для следующей сцены.

НЕУСТРАНИМЫЙ

Все в порядке, можете идти.

Он уходит, уводя с собой донью Пруэз. Донья Онория остается на сцене вместе с доном Пелайо, который уже успел войти.

СЦЕНА III

ДОНЬЯ ОНОРИЯ, дон ПЕЛАЙО

Зала в замке X...

Дон Пелайо и донья Онория, оба стоят.

Только что отзвонили колокола дневного благовеста.

Перекрестившись, садятся. День ранней осенью.

Долгая пауза.

Дон Пелайо поднимает палец, делая знак, чтобы его слушали.

Пауза.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Это запоздалая цикада. Сегодняшнее солнце обмануло ее. И она начинает стрекотать с прежней горячей верой. Но вскоре замечает свое одиночество. Никто не вторит ей. И тогда она замолкает, как вы заметили, *diminuendo*, Подобно долгой выдержке смычка,

Словно оставляя время для восстановления тишины.

ДОН ПЕЛАЙО

Это так грустно, так священно, так торжественно!
Вы понимаете, что говорит нам этот слабый голос,
донья Онория, вам, и мне, и всем живым существам?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

(как бы не слыша его, вполголоса)

Пчелы жужжат прямо у самого летка.

Еще цветут розы.

ДОН ПЕЛАЙО

Я старался приехать незамеченным.

Разве что мои лошади в конюшне не ладят с вашими.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Вам не обязательно было говорить громко.

Все, кто живет в этом замке, тотчас узнали, что вы здесь.

ДОН ПЕЛАЙО

Скажите уж, что меня ожидали.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Вы правы.

На этом празднике скорби было отведено место и вам.

Пауза.

ДОН ПЕЛАЙО

Как у нее дела?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Плохо.

Утром врач был довольно мрачным.

Самое серьезное — не столько удар шпагой,
который пришелся ему в грудь...

Не обращайтесь внимания, если я плачу, это ведь,
знаете ли, мой сын!

... А страшное воспаление всего организма.

Вот уже пятнадцать дней, как он не приходит в сознание.

Сегодняшней ночью все решится.

ДОН ПЕЛАЙО

Но я спрашивал вас о ней.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

А как могут идти дела, когда он умирает?

ДОН ПЕЛАЙО

Должен ли я это понимать так, что она сменяет
вас у изголовья вашего сына?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Нет.

Она его не видела.

Она и не просила об этом.

Ее комната находится во дворе прямо напротив наших.

ДОН ПЕЛАЙО

В прежние времена мадам разместили бы немножко пониже,

— Там, где находится хорошая, надежная тюрьма,
которую мне показывал еще ваш отец.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Я должна сделать все, чтобы мой сын жил.

ДОН ПЕЛАЙО

И вы полагаете, что преступная любовь станет ему
спасением?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Пока она здесь, он не может умереть.

ДОН ПЕЛАЙО

Но, видимо, и выздороветь тоже.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Я не знаю.

Это ее имя, а не мое, он не перестает бормотать во сне.

Ради встречи с ней он уехал отсюда.

Я ничуть не удивилась, когда увидела ее здесь.

ДОН ПЕЛАЙО

А мне ничего не остается, как уехать?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Может быть, и ваш приезд тоже был нужен.

ДОН ПЕЛАЙО

Тем не менее предпочтительнее было бы, если бы моя лошадь споткнулась по дороге сюда и сбросила судью его Величества в один из здешних оврагов, которые просто созданы для этого.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Есть вещи, которые решает не случай.

ДОН ПЕЛАЙО

“Родриго”, — сказала бы она. На этот раз вы, без сомнений, дали бы ей возможность приблизиться к нему? Я даже вижу, как она прикладывает руку к его лбу:

“Живите! Старик умер!”

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Эта мысль ни на секунду не закрадывалась в наше сердце.

ДОН ПЕЛАЙО

Вы полагаете, что у меня недостаточно благородная душа,

чтобы отпустить ее, если бы это зависело только от меня и не было бы клятвopеступлением?

То, что соединил Бог, человек не может разъединить.

Пауза.

В основе брака лежит не любовь, но соглашение.

Не ребенок, которого у меня нет, не общественное благо, но соглашение, обет, данный в присутствии Бога:

До самой смерти, до последнего дыхания должно длиться это соглашение, в котором все, что два существа способны дать друг другу,

Волей или неволей,

И то, что дала она мне, я не мог бы вернуть ей, даже если бы захотел.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Она ничего не просит, не жалуется, она мне ничего не объясняла, она молчит, и все время здесь со мной, вдалеке от мужских взглядов.

ДОН ПЕЛАЙО

Это моя вина.

Да, вы, естественно, можете сказать, что это я дурно поступил,

Женившись на ней, я, старик, на ней, такой молодой, не понимавшей, на что соглашается.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Я не думаю о вас.

ДОН ПЕЛАЙО

А я-то думаю о ней, и мне кажется, что все слова, которые я вам говорю, одно за другим, она слышит в тишине, там, где она находится сейчас.

Я любил ее. Впервые увидев ее, я весь словно переполнился солнцем, вся моя душа в единый миг устремилась из тумана навстречу ей, подобно

волшебному чертогу, о существовании которого и не подозреваешь.

И отчего бы мне не поверить, что мой чертог явился, чтобы любовь вошла в него?

Я жаждал деяний, я был полон замыслов. И все это ждало ее. Где бы еще нашла она такой дом, чтобы принять ее?

Мой был готов, и фронтон уже положен на колонны.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Как ни хороша чужая крыша, человек всегда предпочитает ту, которую сам помогал ставить.

ДОН ПЕЛАЙО

В том, что вы говорите, конечно, есть смысл. Но не знал ли я лучше ее самой, что сделает ее счастливой? Был ли я таким несведущим в этой жизни, которую она не знала?

Кто лучше знает растение? Оно само, выросшее где попало, или садовник, который сажает его там, где надо?

Я видел ее, такую молодую, в чужом для нее Мадриде, без матери, с этим непутевым отцом, посреди пожирателей приданого.

И даже не знаю, что более принуждало меня жениться на ней — любовь или рассудок?

К тому же я тогда долго молился, и мне был дан знак свыше.

Вы, вероятно, знаете, что с детства я отдал себя под покровительство Божьей Матери, вручив ей ключи от моей души и от моего дома.

Это она научила меня “искать во всем успокоения”³¹.

И именно душевный покой хотел я подарить этому

31 Клодель дословно цитирует здесь изречение из Вульгаты “in omnibus requiem quaesivi” (так называемая книга Экклезиастикус, соответствующая Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова (xxiv, 11)). Перевод в русской синодальной Библии отличается от вышеприведенной фразы на латинском.

юному созданию, для которого, казалось, оно и было предназначено, стоило ей только открыть навстречу свои лепестки.

Я хотел увлечь ее вместе со мной подальше от низменной, грубой и мертвящей оболочки вещей, которая не есть истина.

Что за важность, любит ли она меня? О том, что было у меня на сердце, достоинство не позволяло мне высказать, но весь мир Премудрости Божьей должен был все ей поведать за меня.

Что за важность, любит ли она меня, если я смогу сделать ей добро, если мне удастся научить одно-единственное существо тому, что я знаю, и заполнить одно-единственное сердце радостью и знанием!

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

И все это привело к тому, что потерявшее голову создание спасается из своей тюрьмы на четвереньках, как зверь пробираясь сквозь ров и лесную чащу.

ДОН ПЕЛАЙО

Почему она убежала именно так? Разве я не поселил ее в рай, окружив великолепными вещами?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Рай не предназначен для грешников.

ДОН ПЕЛАЙО

Правда состоит в том, что я видел ее откровенно счастливой лишь в те суровые времена, что мы пережили с ней вместе в Африке.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Вы не дали ей детей?

ДОН ПЕЛАЙО

Бог отказал мне в них.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

По крайней мере, вы могли бы не отказывать ей в страдании.

ДОН ПЕЛАЙО

Не достаточно ли моего?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Вы не она. Необходимо было, чтобы что-то раскрыло ее душу и тело, в котором мы задыхаемся.

Вы сказали мне, что хотели научить ее слышать, но что можно расслышать под этой оболочкой, которая с каждым днем становится все жестче и грубее?

Только сейчас, с тех пор как я дежурю у постели моего умирающего ребенка,

Начала я слышать лес, что окружает меня;

Треск ломающейся ветви, звон колокола из-за гор, что ветер приносит нам раз в год,

Вспорхнувшая птица, — как подолгу отзывается все это в моем сердце!

ДОН ПЕЛАЙО

А меня, мои мысли, вы думаете, она расслышит их?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Да, я думаю, что впервые вашей душе удалось достучаться до ее.

ДОН ПЕЛАЙО

Но какая иная мысль может быть у нее, кроме этого окна напротив, в которое она так жадно всматривается?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Вы не отсутствующий для нее, она остается вашей пленницей.

ДОН ПЕЛАЙО

Значит, я убиваю того, кого она любит?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Это вы связываете руки ее молитвам.

Это вы отстраняете ее от Бога, и затыкаете ей рот, и запираете, как проклятую, в тюрьму бессилия и отчаяния.

ДОН ПЕЛАЙО

Значит, давно пора было мне приехать.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Что вы собираетесь делать?

ДОН ПЕЛАЙО

Разве вы не знаете, что я судья, обязанный давать разрешение каждой тяжбе, которая мне направляется?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Сударь, не делайте нам зла!

ДОН ПЕЛАЙО

Вы полагаете, что я хочу ей зла?

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Вашего *блага* я боюсь больше всего.

ДОН ПЕЛАЙО

Поверьте мне, лучший друг виновного — ни один из ваших утешителей, ни его пособники, ни даже сам исповедник,

Но лишь один Судья, во власти которого дать ему возможность расплаты и тем самым освобождения.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

И ничем иным, как смертью, увечьем, неволей, изгнанием?

ДОН ПЕЛАЙО

Всего этого понемножку.

Не медом же и ласками лечить раненую душу.
К тому же я знаю иные способы, более сильные
и тонкие, хотя и связанные с теми, что назвали вы.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

И именно их вы привезли нам?

ДОН ПЕЛАЙО

Разве я не муж ей? Не мой ли долг поддержать ее?
Оставляю ли я ее в агонии?

Я один знаю, что под стать этой благородной душе.
Я хотел заставить вас сказать все, что вы мне только
что наговорили, и я хорошо все усвоил.

Не цветов и не фруктов ожидала она от меня,
но бремени.

ДОНЬЯ ОНОРИЯ

Что привезли вы для нее?

ДОН ПЕЛАЙО

Вместо искушения еще большее искушение.

Ведите меня в ее комнату.

Донья Онория колеблется.

Ведите меня в ее комнату.

СЦЕНА IV

Дон Пелайо, донья Пруэз

Другая зала в замке X...

На самом деле это та же самая декорация.

*Донья Онория выходит. Дон Пелайо проходит за
закрытым занавесом и возвращается, остановившись
в глубине сцены. Входят рабочие сцены и устанавливают
на авансцене станок для вышивания, на который
натянута риза, одна часть ее закатана, другая, видимая,*

*повернута к зрительному залу вершиной распятия.
Из боковой части сцены входит донья Пруэз и, сев спиной
к дону Пелайо, принимается за вышивание.*

ДОН ПЕЛАЙО

Все естественно, не так ли? Всего лишь плачевное
недоразумение,

Глупейшее нападение на постоялый двор, где мой
бедный Балтазар, защищая вас, потому что он думал,
что защищает вас,

Нашел кончину...

*Она вздрагивает и, кажется, хочет что-то сказать,
но ничего не говорит и снова впадает в апатию.*

Я хвалю вас за то, что вы сбежали.

Назовем также ниспосланной Провидением встречу
с теми кабальеро, помощничками, которые позволили вам
добраться до этого надежного убежища,

Где под крылом нашей уважаемой родственницы,
доньи Онории... — да, она немножко связана с нами
со стороны бывших государей Леона, от которых веду
свое происхождение и я, как вы кстати припомнили.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(тихо)

Я ждала вас.

ДОН ПЕЛАЙО

А как же.

К тому же, вновь возвращаясь мыслью к Африке, где вы
когда-то делили со мной тяготы...

Как не удивляться, что ваше сердце сдалось?

Резкое движение Пруэз.

Постоянная и безнадежная война против ислама,
затаянная в проклятой стране среди ослепленного
населения, вода по меркам,

Под нами предательство, на нас клевета, с нами опала,
как и бывает с теми, кто вечно просит денег, а здесь их
всегда не хватает;

Ревность двора, ненависть народа, которому мы дорого
обходимся, досада короля,

Все это, вы и я, мы вкусили вместе, капля по капле.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я и сейчас помню тот корабль, что с множеством
затруднений удалось нам ввести в гавань во время осады.

ДОН ПЕЛАЙО

... И который вместо муки или дура³² привез нам только
выговоры.

Я был в восторге, от которого требовали оправдания.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А наутро отряды мавров, атакованные с тыла, из той
гробницы марабу³³, которую мы раньше захватили,
разбежались.

Я, с обнаженной шпагой, участвовала в бою вместе
с вами.

ДОН ПЕЛАЙО

И всего этого с вас довольно.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Зачем вы говорите так? Вы же знаете, что это несправедливо.

ДОН ПЕЛАЙО

Тем не менее я вернусь туда один.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Почему такая срочность с вашим отъездом?

32 Дура — испанская серебряная монета.

33 Марабу — мусульманский святой-отшельник, мудрец в странах Северной
Африки. Особенно почитались гробницы марабу.

ДОН ПЕЛАЙО

Новости, которые я получил в Испании,
не из лучших.

Я уже и так потерял слишком много времени.

Долг чести повелевает мне продолжать до самой смерти
дело, в которое я больше не верю.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как, вы больше не верите в Африку?

ДОН ПЕЛАЙО

Я неожиданно узрел истину.

Африка теперь тоже относится к тем вещам, в которые
я больше не верю.

Пауза.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Однако она, менее вероломная, чем другие,
никогда вас не разочаровывала.

К тому же там вы заранее знаете, что вас ждет.

ДОН ПЕЛАЙО

Да, я любил ее.

И безнадежно желал ее лик.

Именно из-за нее, как только король дал согласие,
я покинул пост странствующего судьи.

Как мои предки взирали на Гренаду... (*тише*)
как мои предки взирали на Гренаду...

Надолго умолкает, потом в раздумье.

Как мои предки взирали на Гренаду, так и я жадно
вглядываюсь в адские твердыни этой другой Арабии,
отгородившейся и опустошенной, которую легионы
Сатаны хотят запретить нам, как будто только проклятые
могут жить в ее пламени!

Именно там, при самом ярком накале света, который
может только выдержать наша плоть, провозгласить,

что существует иной Господь, не Аллах, и что Магомет не был его пророком!

Крестовый поход для меня не закончился. Бог не создал человека для одиночества.

Раз со мной не будет больше этой женщины, по крайней мере, я не отпущу врага, что дал мне Господь. Нехорошо, если Мавр и Испанец забудут, что они созданы были друг для друга; и разорвутся объятия двух сердец, что в яростной схватке так долго сражались между собой.

Ветер!

Пауза.

Порыв ветра, от которого бьются створки на окнах.

Вполголоса, подняв палец.

Я слышу ветер осени, с шумом заметающий море и сушу.

А потом он внезапно смолкает. И что тогда? Запоздавший кузнечик пытается стрекотать песни летних дней...

Но уже чувствуется, что это ненадолго.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И вы больше не верите в свое призвание?

ДОН ПЕЛАЙО

Я был чернорабочим одной мечты.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А разве женщина не мечта? Всегда одно и то же.

Что такое, в конце концов, женщина, это слабое создание? Жизнь не может потерять свой вкус из-за женщины.

Ах! Если бы я была мужчиной, ни одна женщина не заставила бы меня отказаться от Африки.

Вот уж кто умеет сопротивляться! На всю жизнь хватит дела!

ДОН ПЕЛАЙО

Вы надеетесь победить ее?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как раз ни на что не надеяться, вот в чем красота! И знать, что это — навсегда.

Только держать за горло своего врага, разве этого не достаточно? Он повержен! Но даже тогда он заставляет нас не только отдать всю силу, но и почувствовать, что у него самого ее достаточно, чтобы требовать от нас еще трехкратных, четырехкратных усилий.

От такого врага всегда можно ожидать непредвиденного.

ДОН ПЕЛАЙО

К чему заниматься этой бесполезной борьбой? Сказал мне канцлер.

Испания бедна. Все деньги, которые вы меня заставляете выливать на бесплодный песок,

Они бы расцвели здесь дорогами, каналами, радостными ватагами детей.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Так говорят протестанты, единственная забота которых — есть, обогащаться и потом тут же получить свое вознаграждение.

Но вы учили меня думать иначе: “Несчастье тому, кто смотрит только сам на себя!”

ДОН ПЕЛАЙО

На что же надо смотреть?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ответьте сами.

ДОН ПЕЛАЙО

На врага, которого дал мне Господь.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Такова ваша доля на земле.

ДОН ПЕЛАЙО

Но не на врага моего я смотрю сейчас.

Пауза.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(медленно поворачиваясь к нему)

Смотрите же на меня.

Почему бы вашим глазам не научиться видеть также невозможное?

Разве я все та же? Смотрите! Нет ни единого движения моего тела, которое не говорило бы вам, что я больше не ваша.

ДОН ПЕЛАЙО

Вы — моя, пока вы способны оказать мне услугу.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Какую услугу? Когда он там...

Поднимает руку по направлению к окну.

Умирает на моих глазах!

ДОН ПЕЛАЙО

Вы полагаете, что было бы услугой помешать ему умереть?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я не хочу, чтобы он умер!

ДОН ПЕЛАЙО

Что вы можете предложить ему взамен? Какого рода счастье вы были бы способны ему принести, если бы он жил?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я принесу одно лишь слово...

ДОН ПЕЛАЙО

Какое слово?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

... Такое, что оно помешает ему отныне слышать любое другое.

ДОН ПЕЛАЙО

Но разве смерть не принесет ему то же самое?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я знаю, моя душа, если бы он владел ею, помешала бы ему умереть. Ибо разве я когда-нибудь перестану нуждаться в нем?

ДОН ПЕЛАЙО

Чтобы он владел ею, твоей душой, нужно, чтобы ты была способна отдать ее.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если я отдаюсь ему, разве не вся полностью?

ДОН ПЕЛАЙО

Нет, не полностью.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(медленно)

Не полностью, не полностью!

Ах, слова слишком справедливые! Злые и правдивые слова!

ДОН ПЕЛАЙО

Вы не можете дать другому то, что вручили раз и навсегда

Богу, от которого я получил права на все, что касается вашей персоны.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(тихим голосом)

Бог... Бог... раз и навсегда... раз и навсегда...

ДОН ПЕЛАЙО

То, что вы вручите ему, будете уже не вы сами,

Не дитя Бога, не создание Божье,
Вместо спасения вы сможете дать ему лишь наслаждение.
Вместо себя, Божьего творенья, вы вручите ему свое
собственное творение, идола из живой плоти.
Вас ему неостанет. В вашей власти дать ему лишь
преходящее.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Желание, которое связывает меня с ним, не преходяще.

ДОН ПЕЛАЙО

Вы сами-то чего хотите от него? И что вы способны дать
ему взамен?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ничего такого, что могло бы удовлетворить его,
чтобы он не переставал желать меня!

ДОН ПЕЛАЙО

Это желание проклятых.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Такое желание, могло ли оно быть дадено мне для зла?
Разве может быть злом то, что составляет самую суть,
основу меня?

ДОН ПЕЛАЙО

То, что не приносит благо, может быть только злом.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Значит ли это, что я была создана только для его гибели?

ДОН ПЕЛАЙО

Нет, Пруэз. Почему бы вам не сделать для него добро?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Какое добро?

ДОН ПЕЛАЙО
То добро, что принесет ему благо.
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Лучше творить зло, чем оставаться бесплодной
В этом саду, где вы меня заперли.
ДОН ПЕЛАЙО

Истинно.

Есть лишь одна крепость из всех, что я знаю,
где хорошо быть запертым.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Какая крепость?

ДОН ПЕЛАЙО

Крепость, которую жалует вам король, чтобы вы
удерживали ее до самой смерти,

Именно это я приехал сообщить вам, Пруэз,
поручение, соразмерное вашей душе:

Проще умереть, чем вернуть эти ключи.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Умереть, говорите вы, сеньор?

ДОН ПЕЛАЙО

Я знал, что этими словами найду расположение вашего
сердца. Но вам будет тяжелее. Вы останетесь жить.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И это мне король вверяет крепость?

ДОН ПЕЛАЙО

Я вверяю ее вам от его имени.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но что за крепость?

ДОН ПЕЛАЙО
Могадор в Африке.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Та самая крепость, что завоевал дон Камильо и где он до сих пор комендантом?

ДОН ПЕЛАЙО
Да, но я не доверяю этому офицеру. Вы сместите его и сделаете своим лейтенантом.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Вы не поедете со мной?

ДОН ПЕЛАЙО
Я не смогу.
Мне придется заняться Северными областями.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Что вы дадите мне в помощь для выполнения этой миссии?

ДОН ПЕЛАЙО
Ни солдат, ни денег.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Знаете ли вы, о чем говорил мне дон Камильо накануне своего отъезда и что я выслушала?

ДОН ПЕЛАЙО
Могу себе представить.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Сколько времени я должна буду охранять вашу крепость?

ДОН ПЕЛАЙО
Столько, сколько понадобится.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Вы так доверяете мне?

ДОН ПЕЛАЙО
Да.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Я только женщина. И я одна должна буду защищать эту крепость, затерянную между морем и песками,
Да еще рядом с предателем, единственное желание которого — навредить вам?

ДОН ПЕЛАЙО
У меня нет никого другого, Пруэз.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Я не могу согласиться.

ДОН ПЕЛАЙО
Я знаю, что в душе вы уже согласны.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Дайте мне время подумать.

ДОН ПЕЛАЙО
Лошади готовы. В путь! Идите же переодевайтесь!

СЦЕНА V

ВИЦЕ-КОРОЛЬ, СЕНЬОРЫ, АРХЕОЛОГ, КАПЕЛЛАН
*Римская Кампания.
Аппиева дорога.
Группа дворян, среди них Вице-король Неаполя.
Они расположились на разбросанных повсюду обломках античного храма, от которого уцелели только колонны.
Посреди высокой травы можно различить барельефы и надписи на них. Закат солнца, воздух как будто наполнен золотым свечением. Вдали виднеется строящийся собор Святого Петра, весь в лесах. Здесь и там лошади и поклажа, которыми занимаются слуги.*

ПЕРВЫЙ СЕНЬОР

А между тем господин французский канцлер со своими войсками возвращается, гарцуя, по виа Номентана.

ВТОРОЙ СЕНЬОР

... Выдвинувшись к северу на то же расстояние, что мы к югу.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я ему посоветовал вспомнить о нас, когда он в последний раз увидит собор Святого Петра — наши взгляды несомненно пересекутся.

ПЕРВЫЙ СЕНЬОР

Ему нет надобности в святом Петре, чтобы помнить о вашем Высочестве.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Вы полагаете, что преимущество осталось за мной? Ба! Это одно из тех незначительных соглашений, что оставляют обе стороны разгоряченными и недовольными.

Приходится переделывать их каждые сорок шесть месяцев под звон клинков наших охранников,

Чтобы навести хоть немножко порядка в наших запутанных наследственных отношениях.

ПЕРВЫЙ СЕНЬОР

Наследие Карла Смелого.

ВТОРОЙ СЕНЬОР

Разве мы не добавили к нему несколько премиленьких кусочков?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Однако закрышники, что нам их приточили, переругались.

У меня плохие новости из Индий.

ПЕРВЫЙ СЕНЬОР

Увы! Почему собственно не отправить туда вашу милость?

Вместо этого неуловимого Родриго, которого король упорно продолжает разыскивать?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Мое место здесь, в центре мира — у подножия этой колонны в море, что держит на себе всю Европу.

Ни исламу не удастся поколебать ее, ни движению неистовых народов Севера, что оспаривают друг у друга эту Италию, куда через венец Альпийских гор ведут все дороги и которая стягивает в одной руке все нити и все струны.

Сильнейшему в Европе больше всего нужна Италия, а Италии нужен он.

ВТОРОЙ СЕНЬОР

В который раз, благодаря вашему Величеству, в Риме вновь воцарится мир.

Француз, бранясь, увел свои войска, и пока на ступенях Ватикана разодетые в меха послы Руси встречаются с посланниками Индий и Японии,

Легаты нового понтифика готовятся отъехать в Тренто.

ПЕРВЫЙ СЕНЬОР

И вскоре новый купол Святого Петра подобно огромному пшеничному стогу вознесется над неоглядной Европой³⁴.

АРХЕОЛОГ

Риму неплохо и на своем месте. Что же до меня, я счастлив вновь увидеть Неаполь

И его звонкоголосый народ, который Аполлон и Нептун не перестают перемешивать и ворошить, подобно толстосуму, что двумя руками шарит в мешке с пулями.

34 В оригинале "Атласного башмачка", так называемой рукописи Bodmer (Antoinette Weber-Cafisch. Le soulier de satin de Paul Claudel, ed. critique, v.1, Annales de L'Université de Besançon, 334, Les Belles Lettres, 1987) можно прочитать indivisible, "неделимой", что, как нам кажется, больше соответствует мировоззрению Клоделя, чем "invisible" (неоглядной), как можно прочитать в издании de la Pléiade.

ВТОРОЙ СЕНЬОР

Но разве вы, господин ученый, не имеете дел больше с мертвыми, чем с живыми?

АРХЕОЛОГ

Ужели называете вы мертвыми живые изваяния из мрамора и металла, что извлек я из лавы? Они больше чем живые, они бессмертны!

Наши сущности, по образу и подобию Божьему вылепленные, порученные в течение веков архивам вулкана, в сравнении с которыми мы сами лишь слабые копии!

Ах, именно эти мертвые научили меня лучше видеть живых!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

И то правда.

В этом человеческом извержении в Неаполе наш друг смог найти несколько статуй.

АРХЕОЛОГ

И самую прекрасную из всех, как я сожалею, сеньор, что вы не захотели оставить ее себе.

КАПЕЛЛАН

Я затыкаю уши.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Великолепная самка, не могу этого отрицать.

АРХЕОЛОГ

Дочь рыбака, скажете вы? А я бы назвал ее дочерью моря, достойной Бога и короля!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Именно поэтому я и послал ее в подарок моему другу Питеру Паулю Рубенсу.

ВТОРОЙ СЕНЬОР

Так это ее мы видели сегодня на отплывающем корабле посреди статуй, картин и всякого рода редкостей, что вы отправили герцогу Альбе?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Именно. В сопровождении его матушки, подобно, так сказать, растению с корнями.

ВТОРОЙ СЕНЬОР

Столько красот для севера! Все равно, что вылить вино в пиво! Лично я все, что люблю, предпочитаю хранить при себе.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Что мне прикажете делать с этой красоткой? Немного эгоистического удовольствия, немного радости ценителя. Красота создана для большего, чем удовольствие.

ВТОРОЙ СЕНЬОР

Питер Пауль Рубенс все равно предпочитает пышных розовощеких блондинок.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Господа, вы принимаете меня за глупца? Наш друг Рубенс слишком горд. Вовсе не как модель посылаю я ему эту дочь Солнца, но как вызов!

Есть кое-что поинтереснее, чем копировать прекрасное произведение, — с ним можно соперничать!

Урок шедевра вовсе не в результате, но в том, какими средствами его можно добиться.

Прекрасное произведение дарит нам радость, умиление и гнев! Оно вкладывает в сердце артиста священное исступление!

Именно поэтому я не могу оставить этого принца художников в покое среди его лилий и роз.

Животрепещущую Италию в лице этих мраморных сестер я отправляю ему в дар, чтобы сразить его.

ПЕРВЫЙ СЕНЬОР

Я бы предпочел скорее отправить порох и пушки герцогу Альбе.

Не Рубенс сохранит Фландрию королю Испании.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Именно Рубенс сохранит Фландрию для христианства против ереси! Все, что прекрасно, объединяет, все, что прекрасно — от Бога, а все, что объединяет и исходит от Бога, я не могу назвать иначе, чем всеобщий, католический.

Не правда ли, господин Капеллан, я неплохой теолог!

КАПЕЛЛАН

Монсеньор, вы такой же теолог, как этот господин с седой бородой, что только что говорил, — археолог среди девиц Неаполя.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Чего иного добивались эти скучные реформаторы, как не определить, что именно исходит от Бога, низведя алхимию таинства между Богом и человеком только к порыву веры...

КАПЕЛЛАН

Скажите лучше, осознанию или иллюзии веры.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

... к личной подпольной сделке в узком кабинете,

Богохульствуя, что творения ничему не служат, творения Господни не более чем творения человека,

Отделяя верующего от его мирского тела.

Отделяя небо от земли, отныне выставленной на продажу, отлученной от религии, порабощенной, сведенной единственно к производству полезного!

И церковь защищается не только своими отцами, своими святыми, своими мучениками, славным Игнатием и шпагой своих верных сынов, но призывает на помощь всю вселенную!

От нападения разбойников исподтишка церковь защищается всей вселенной!

Этот мир стал слишком тесен для нее.

И она исторгла новый мир из глубины вод.

Из конца в конец творенья все создания божьи, все расы и все времена призвала она в свидетели!

Она извлекла из земли античные камни и ныне на семи холмах, на фундаменте пяти империй возводит она навечно купол новой веры.

КАПЕЛЛАН

Никогда бы не подумал, что Рубенс был проповедником Евангелия.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Но кто, скажите мне, лучше Рубенса прославил Плоть и Кровь, ту самую плоть и кровь, в которую сам Господь пожелал облечься и сделал орудием нашего искупления?

Сказано, что и камни возопиют! Почему же только телу человеческому вы отказываете в слове?

Да, именно Рубенс превращает быстротечную пресную воду в вечное благородное вино.

Разве вся эта красота может быть бесполезна? Богоданная, разве не должна она вернуться к нему? Нужен поэт и художник, чтобы принести ее в дар Богу, соединив слово к слову в цепочку, и все сотворенное превратить в литургию благодарения и признания, и в молитву, вырванную у времени.

Как голос нуждается в словах, так и словам необходим наш голос.

Так в единстве со всем творением его молимся мы Господу! Ничто из созданного им не напрасно, ничто не может быть исключено из нашего спасения.

Именно все творение, не забыв даже самой малой толики, возвеличиваем мы трудом смиренных и умелых рук своих.

Протестант молится в одиночестве, католик же возносит молитвы к Богу в соборности церкви.

Издаലെка слышатся колокола Рима.

ПЕРВЫЙ СЕҢЬОР

(обращаясь к Капеллану)

Ну что, еретик, уверился?

КАПЕЛЛАН

Я слышу колокола Рима, они мешают мне ответить, и среди них колокол моей обители, монастыря Святой Сабины, что будто говорит мне: “Прощай и Аллилуйя!”

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

(Второму сеньору)

А ты, Лючио, ты веришь мне?

ВТОРОЙ СЕҢЬОР

(смотрит на него с нежностью)

Все, что вы говорите, — истинно.

ТРЕТИЙ СЕҢЬОР

Мы горды нашим капитаном.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я прав вовсе не потому, что вы любите меня.

ПЕРВЫЙ СЕҢЬОР

Мы и любим вас именно потому, что вы правы.

И любя вас, мы научились лучше ценить друг друга.

ВТОРОЙ СЕҢЬОР

И вместе составили очень братскую компанию.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Зачем же надо мне жениться, когда меня окружают такие друзья?

АРХЕОЛОГ

Все вам удастся, но мне обидно, что вы ничем не пользуетесь и запросто обходитесь без всего.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Если бы я, как вы говорите, пользовался, я вынужден был бы разрушать, а это ни к чему хорошему не привело бы.

Я не создан для разрушения, все, к чему я прикасаюсь, мне хочется сделать бессмертным! Неисчерпаемым сокровищем.

Но пойдите же! Мне нужны только вы. Радость в ваших глазах, что говорят мне, как они счастливы тем, что я существую! По коням! Нужно еще закончить переход до ночи!

СЦЕНА VI

СВЯТОЙ ИАКОВ

Ночь.

Сцена во всю высоту занята гигантской, усыпанной огнями фигурой святого Иакова (Сантьяго), с ракушками морского гребешка, которые обычно носили с собой паломники³⁵, и диагональным посохом. (Известно, что имя святого

35 Раковина морского гребешка, называемая также “ракушкой святого Иакова” (coquille Saint-Jacques), считалась символом паломников, которые в Средние века шли в Сантьяго-де-Компостела, где, по преданию, похоронен апостол Иаков (Сантьяго).

Иакова, Сантьяго, дается иногда созвездию Ориона, которое поочередно посещает обе полусферы.)

СВЯТОЙ ИАКОВ

Меня, пилигрима Запада, более глубокое, чем мой посох, море долго удерживало на этой башне, на вершине земляного массива,

На этой розовеющей Атлантике, которая на краю первозданного мира замыкает внутреннюю чашу Европы и каждый вечер она, верховная весталка, купается в крови жертвенного солнца.

И здесь, на полузатопленном молу, спал я четырнадцать веков с Христом

До того дня, когда вновь отправился в путь навстречу каравелле Колумба.

В то время как таинственный ветер дул день и ночь в его паруса, это я протянул к нему нить света,

И он мог различать сквозь черноту волн длинные ржавые косы прячущихся нимф, которые моряки называют «виноградом тропиков»³⁶,

И теперь на небе Испании я вновь заступил на круговой караул.

Возможно, какой-нибудь пастух на равнинах Кастилии отыскивает меня по Библии ночи между Девой и Драконом

Или сигнальщик на своей вышке находит меня за Тенерифе, уже по плечи ушедшего в море.

Я — маяк между двумя мирами, и тем, кого разлучает пропасть, стоит лишь посмотреть на меня, чтобы оказаться вместе.

И ни один глаз, вверяющийся мне, не ошибется, ведь я занимаю слишком большое место на Небе,

36 Саргассы, водоросли тропиков.

И в то же время никакое, как сердце, которое бьется, как мысль, что в потемках сверкнет и исчезнет.

В пучине Великих Вод у моих ног, в которых отражаются мои ракушки, и чей непрерывный сон одновременно омывает Африку и Америку,

Я вижу следы двух душ, что одновременно избегают и ищут друг друга:

Один из кораблей на всех парусах направляется в Марокко;

Другому с большим трудом удастся держать свой курс, наперекор неизвестным течениям и водовороту волн.

Мужчина, женщина, и оба смотрят на меня и плачут.

Я не покину вас.

Счастливые и пресыщенные не смотрят на меня.

Одно лишь горе способно пробить эту огромную дыру, сквозь которую просвечивает мой семафор.

Пусть без конца разлучает вас земля, на небе вы вновь обретете свои корни.

Никакие стены, разлучающие ваши сердца, не в силах помешать вам существовать в одном времени.

Я всегда буду вашим ориентиром.

Во мне ваши движения сольются с моим, а мое движение вечно.

И если я исчезну с ваших глаз, то лишь затем, чтобы принести новости с другой стороны земли, но вскоре вновь вернусь к вам на всю зиму.

Ибо, несмотря на мою видимую неподвижность, я ни на миг не могу вырваться из кругового экстаза, в коий я погружен навсегда.

Поднимите же глаза на меня, дети мои, на меня,
Великого Апостола Небесного Свода, существующего
в вечном движении.

СЦЕНА VII

КОРОЛЬ, ДОН ПЕЛАЙО
Зала во дворце Эскуриал.

КОРОЛЬ

Сеньор, ваше предложение, которое вы с большим трудом
заставили меня принять, перестало мне нравиться.

Я не могу оставить женщину во главе банды
разбойников в наполовину разрушенной крепости,
затерявшейся между морем и песками, между
предательством и исламом.

ДОН ПЕЛАЙО

Альтернатива — послать туда войска и деньги.

КОРОЛЬ

У меня нет ни войск, ни денег для Африки.

ДОН ПЕЛАЙО

Тогда вы, ваше Величество, должны смириться с потерей
Могадора.

КОРОЛЬ

Я предпочитаю потерять Могадор, чем душу одной из
моих дочерей.

ДОН ПЕЛАЙО

Слава Всевышнему! Душа доньи Пруэз не будет потеряна!
Она в безопасности. Никогда душа доньи Пруэз не будет
потеряна!

КОРОЛЬ
Что такое Могадор в конце концов?

ДОН ПЕЛАЙО

Он много значит для меня и для нескольких поколений
ваших предков, которые так страстно стремились к нему.

КОРОЛЬ

Кусок выжженной земли.

ДОН ПЕЛАЙО

Как раз то, что нужно, чтобы христиане создали там
чистилище для себя.

КОРОЛЬ

В выборе между Америкой и этим вашим Могадором
я не могу колебаться.

ДОН ПЕЛАЙО

Вы встретились с доном Родриго?

КОРОЛЬ

Я встретил его.

ДОН ПЕЛАЙО

Готов, наконец, отправиться в Америку?

КОРОЛЬ

Он готов при условии, что я дам приказ донье Пруэз
вернуться.

ДОН ПЕЛАЙО

Достаточно будет и вашего совета.

Оставьте донье Пруэз право решить самой.

КОРОЛЬ

Я так и собирался сделать.

И я поручу самому Родриго по дороге в Америку доставить ей мое письмо вместе с тем, которое напишете вы.

ДОН ПЕЛАЙО

Почему Родриго?

КОРОЛЬ

Вы опасаетесь за добродетель вашей жены?

ДОН ПЕЛАЙО

Зачем эта бесполезная пытка?

КОРОЛЬ

Почему бесполезная? Зачем мне щадить его?

Я хочу, чтобы он еще раз в этой жизни увидел лицо женщины, которую любит! Пусть увидит ее, и опьянится ею, и увезет ее образ с собой!

Пусть они, наконец, посмотрят друг другу в лицо!

Пусть он узнает ту, которая любит его, и пусть она вся будет в его власти, и пусть он расстанется с ней по своей собственной, свободной воле,

Навсегда, чтобы никогда больше не увидеть ее.

ДОН ПЕЛАЙО

Если вы повергаете его в ад, не боитесь ли вы, что он там останется?

КОРОЛЬ

Тем хуже! Он сам этого хотел, и я не вижу никакого способа пощадить его.

Одним ударом я хотел бы вложить в его сердце столько горячего, чтобы хватило на всю жизнь!

Над этим миром, там, разрешающимся от бремени нового, над этим миром в состоянии кипения и хаоса, посреди этой огромной горы рушащейся ненадежной материи,

Мне нужна душа, никогда не способная потухнуть, мне нужен такой огонь, который бы за один миг, как солону, истребил все искушения,

Очистив его навсегда от алчности и сладострастия.

Мне подходит такое пылающее сердце, и ненасытный ум, и вечная неудовлетворенность, которая не даст ни минуты покоя его голове.

Да, если бы у него не было этой любви, мне надо было бы заменить ее какой-нибудь другой великой несправедливостью.

ДОН ПЕЛАЙО

Другой на моем месте спросил бы вас: “А что, если он поддастся искушению?”

КОРОЛЬ

Если поддастся, что же! Значит, это был не тот человек, который мне нужен, и я найду другого.

ДОН ПЕЛАЙО

За столько трудов и страданий какова будет уготованная ему награда?

КОРОЛЬ

Сын мой, единственная, которую он ожидает и которая достойна его, — неблагодарность.

ДОН ПЕЛАЙО

Пусть же Родриго отправляется в путь, и как предложило мне ваше Величество, я осмелюсь присоединить свое письмо к вашему.

КОРОЛЬ

Простите мне это испытание, которому я должен подвергнуть донью Пруэз.

ДОН ПЕЛАЙО

Государь, за нее я не опасаюсь.

КОРОЛЬ

По крайней мере, вы снова встретите вашу супругу.

ДОН ПЕЛАЙО

Я больше не увижу донью Пруэз в этой жизни.

КОРОЛЬ

Как, вы думаете, что она посмеет послушаться совета, что Мы сами и вы вместе со мной даем ей, да еще переданного через Родриго?

ДОН ПЕЛАЙО

Да, я так думаю, государь.

КОРОЛЬ

Неужели это изгнание так притягательно для нее?

ДОН ПЕЛАЙО

Изгнание, по крайней мере, удаляет ее от меня.

КОРОЛЬ

Но и Родриго придется уехать!

ДОН ПЕЛАЙО

Что поделаешь! Она нашла свою судьбу, и ее судьба нашла ее,

Тот, кто изведет это хоть раз, не так легко откажется,

Ведь здесь наше самое сокровенное желание сливается с Высшей волей.

СЦЕНА VIII

Дон Родриго, Капитан

Ночь.

Корабль дона Родриго неподвижно застыл в открытом море. Одна из его мачт перерублена посредине.

ДОН РОДРИГО

Лучше вести по песку колесницу, запряженную

нековаными коровами, лучше перегонять стадо ослов под камнепадом с разрушенной горы,

Чем быть пассажиром этого дерьмового корыта и для передвижения на длину своей тени нуждаться в помощи четырех сторон света!

Лучше делать десять лье в день своими ногами,

Чем двигаться то зигзагом, то на ощупь, то уловками, то по вдохновению,

И, в конце концов, начинать вариться на месте, ожидая внезапного пробуждения заснувшего ангела!

КАПИТАН

Монсеньор, сразу видно, что вы не моряк!

Для нашего брата удовольствие не в том, чтобы тупо идти с попутным ветром,

А в том, чтобы постараться перехитрить встречные ветры с помощью вспомогательного рулевого паруса.

И чтобы они, вопреки себе, вывели нас куда мы захотим.

Вот почему о нашем праотце Улиссе говорят, что он был самым хитрым из смертных.

ДОН РОДРИГО

Вы называете это хитростью — вечно подставлять то один бок, то другой?

И только для того, чтобы время от времени произвести что-то вроде пуканья, которое позволяет нам покрыть два кабельтовых?

И каждую ночь, левый борт, правый борт,

И издевательский красный огонь, отмечающий вход в царство дона Камильо!

КАПИТАН

Вашего друга дона Камильо, которому вы везете такие хорошие новости!

ДОН РОДРИГО

Хочу отблагодарить его.

Возвращаю ему командование крепостью, ведь именно этому достойному сеньору я обязан своей жизнью.

КАПИТАН

Как так, объясните?

ДОН РОДРИГО

Молитв моей матери было недостаточно, чтобы вернуть меня к жизни.

Уже я прикоснулся к мрачному берегу.

И вдруг возникшее имя дона Камильо пронзило меня как шпилька

(декламируя):

“И вернуло мне разом страданье и жизнь”.

КАПИТАН

(хлопая в ладоши)

Я вас понимаю! Имя соперника действует лучше, чем японское прижигание на ступни.

Почти то же случилось со мной десять лет тому назад в Валенсии с некой Долорес, которую отбивал у меня продавец солонины.

ДОН РОДРИГО

Именно, товарищ, ты прекрасно меня понял, расскажи мне еще твою историю с этим продавцом соленой свинины.

Когда я вот так беседую с тобой и самоуничижаюсь, это приносит мне облегчение.

Иметь господина Камильо *соперником*, как ты выражаешься, и судя по всему, счастливым.

А в качестве собратьев все эти плохо просоленные жертвы подлейшего торговца требухой, среди которых и я бултыхаюсь в том же рассоле!

Как оказывается просто все то, что со мной случилось! Ты видишь перед собой человека посвежевшего, успокоенного и благоразумного.

В самом деле, ты бы действовал точно так же, и я уверен, ты согласишься со мной.

Самое главное, чтобы они не оставались вместе.

Когда ты неспособен заставить полюбить себя за собственные достоинства, ничего не остается, как прибегнуть к силе.

Со мной приказ короля, предписывающий ей вернуться.

Да, я увезу ее с собой на этом корабле.

А потом я обещал уехать навсегда.

Но до этого мы останемся с ней наедине на этом корабле.

Если она так легко упала в объятия к этому Камильо, почему бы ей так же легко не отдаться и мне?

Наплевать мне на ее душу! Я хочу только ее тело, ничего другого, кроме тела, предательское сообщничество ее тела!

Насладиться и избавиться от него! Да, по-другому мне от него не избавиться!

Потом отшвырнуть ее! Она будет ползать у моих ног, а я, я буду топтать ее моими сапогами!

А что скажешь ты об этом подлеце-муже, который отдал ее дону Камильо?

КАПИТАН

Говорят, что он не нашел никого, кто бы лучше защитил его от этого полумавра.

ДОН РОДРИГО

Ох уж этот великий политик! Его жена страхует его от дона Камильо, а дон Камильо страхует его от меня. А он сам отбывает в североафриканские колонии.

Я разрушу его расчеты.

КАПИТАН

Да оставьте вы весь этот старый мир, Европу, Африку, он и без вас обойдется, вас призывает к себе новый мир.

ДОН РОДРИГО

Нет, нет, я ее так не оставлю, все должно разъясниться.

Достаточно будет, чтобы мы увиделись хоть на минуту, я не могу поверить, чтобы она любила этого сучьего сына! Ах! Я все равно знаю, что она любит только меня и потому избегает! Только бы я мог поговорить с ней, и я уверен, все объяснится в одну секунду, да и объяснений не понадобится.

КАПИТАН

Однако, если бы она захотела, только от нее одной зависело давеча дать себя захватить.

ДОН РОДРИГО

Ты говоришь, что видел, как она дала сигнал стрелять?

КАПИТАН

Вы это видели не хуже меня, наши корабли, шедшие на противоположных курсах, были на расстоянии не больше одного кабельтова.

ДОН РОДРИГО

Ты прав, это была она! Да, я видел, как она подняла руку.

Я смотрел на нее, и она смотрела на меня.

КАПИТАН

Тотчас появилось красное пламя, паф! и ядро сносит нашу грот-мачту.

ДОН РОДРИГО

Огонь! Огонь! Стреляйте! Стреляйте! Стреляйте! Почему вы не послушались меня?

Надо было отправить ее на дно! Надо было дать залп, как я приказывал!

КАПИТАН

У меня и так хватало дел.

Надо было не дать затонуть нашему собственному кораблю.

Это вам не шутка — перерубленная грот-мачта.

ДОН РОДРИГО

И пока вы выпутались, она сбежала от нас. А на следующий день ветер поменялся.

И вот уже три дня мы бродим так под балконом дона Камильо. А эти двое смотрят на нас оттуда и смеются.

КАПИТАН

Ба! Посмотрите! Воздушные массы вновь пришли в движение, и, может быть, уже завтра, если нам повезет, мы станем на якорь у Могадора.

ДОН РОДРИГО

Вы говорите, воздушные массы пришли в движение?

КАПИТАН

Да, и если вы посмотрите на небо, вы увидите, что и звезды мерцают по-другому. Разве вы сами не обратили внимание при закате солнца на длинные нити, напоминающие пучок лоз?

Это южный ветер постепенно прогоняет дыхание Африки.

Завтра вы увидите, как натянутся и заработают наши паруса посреди мощного отлива моря, и вам покажется, что это сама Божья воля надувает их.

Чему несомненное предзнаменование — этот старый обломок корабля, который мы извлекли сегодня из воды.

ДОН РОДРИГО

Обломок? Где он?

КАПИТАН

(поднимая фонарь)

Здесь. Это задняя панель с затонувшего судна.

ДОН РОДРИГО

Я не могу прочесть.

КАПИТАН

(подходит и читает по буквам)

...ть-я... тьяго.

ДОН РОДРИГО

Сантьяго?

КАПИТАН

Сантьяго. Вы, кажется, удивлены.

ДОН РОДРИГО

Так назывался корабль, отправлявшийся в Бразилию, на котором плыл мой брат, отец Иезуит.

Снимает шляпу.

СЦЕНА IX

Дон Камильо, донья Пруэз

Внутри огневой позиции крепости Могадор.

ДОН КАМИЛЬО

Я все показал вам в моем маленьком королевстве. Вот, посмотрите, это батарея, построенная по моему приказу, она держит под прицелом вход в бухту. Обслуживается несколькими бравыми пузанами, которых я позволил себе позаимствовать с корабля их Величества, к несчастью, потерявшегося у наших берегов. Он ошибся в значении моих сигнальных огней,

Которые, по роковому стечению обстоятельств, поменяли за два дня до того, не успев предупредить его.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я слушала вас с интересом. Мне нравится мое новое хозяйство. Но я должна сказать, что я уже все видела.

ДОН КАМИЛЬО

И кто же позволил себе показать вам мой дом до меня?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ваш лейтенант, дон Себастьян, по моему приказу.

ДОН КАМИЛЬО

Очень хорошо. Превосходная дисциплина, обращаться к лейтенанту через голову капитана.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Именем короля, здесь нет иного капитана и коменданта, кроме меня.

ДОН КАМИЛЬО

Ваш тон особенно раздражает меня, господин Комендант,

Когда я думаю, что вы в моих руках.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не вверила ли я себя в них сама? Показала ли я, что боюсь вас? Привезла ли я с собой хоть один мушкет, хоть одного вооруженного мужчину? Никого, только мою камеристку.

ДОН КАМИЛЬО

Это верно, вы были верны нашему свиданию.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Дон Пелайо и его Величество хорошо поняли, что и женщина способна справиться с доном Камильо.

ДОН КАМИЛЬО

Тем не менее я могу захлопнуть ловушку, когда захочу.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы не захотите раньше, чем того захочу я.

ДОН КАМИЛЬО

Я могу посадить вас обратно на ваш кораблик.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И показать, что вы боитесь меня?

Открыто выступить против вашего государя? Раскрыть ваши карты и лишиться козырей в ваших контрабандных и других темных делишках, о которых я все знаю?

Отдать меня дону Родриго, который ждет там, на море?

ДОН КАМИЛЬО

Я могу посадить вас в тюрьму.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не можете.

ДОН КАМИЛЬО

(с неистовством)

Разве вы не в моей власти?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это вы — в моей.

ДОН КАМИЛЬО

Вы шутите?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Повторяю, что только от меня зависит, чтобы вы провели ночь на дне вашей самой глубокой темницы.

ДОН КАМИЛЬО

Вы приобрели подобную власть за два дня?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Двух дней вполне достаточно для женщины, оказавшейся наедине с простодушными воинами.

ДОН КАМИЛЬО

Я могу выдать вас им.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Каждый из них защитит меня против всех остальных.

ДОН КАМИЛЬО

У меня есть друзья и вне этой крепости.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Предавая меня, вы тем самым предадите самого себя.

ДОН КАМИЛЬО

Ну, и где находится моя темница?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Терпенье. В данный момент вы мне нужны. И меня забавляет возможность делать с вами то, что я захочу.

ДОН КАМИЛЬО

(смотрит через бойницу)

Меня тоже забавляет.

И для полного счастья мне не хватает только посмотреть на нашего верного Родриго, стоящего на своем посту в открытом море.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(тоже смотрит)

Каким маленьким кажется его корабль отсюда! Совсем маленькая белая точка.

ДОН КАМИЛЬО

(оттаскивая ее назад)

Идите. Опасно долго смотреть на эту бездну огня.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Совсем маленькая белая точка.

СЦЕНА X

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ, ДОНЬЯ МУЗЫКА
Девственный лес в Сицилии. Высокий и глубокий грот, с которого ниспадают заросли зеленых лиан с розовыми цветами. Между камнями струится ручей. Нескончаемый шум падающей воды. Яркий лунный свет. Сквозь сверкающие листья вдали угадывается море. Поскольку все эти сценические указания все равно осуществить невозможно, они наилучшим образом могут быть заменены доньей Музыкой, которая и донесет их содержание до публики.

ДОНЬЯ МУЗЫКА
(предположительно она возвращается от ручья с полным ведром)

Вот и вода! Вы положили целую охапку свежих дров в огонь, да вы его так совсем потушите! Не говоря уже о черном дыме, его будет видно на десять лье вокруг при лунном свете!

Я-то всегда разжигаю совсем маленький огонь.
Вам ведь не хочется, чтобы вас нашли, не так ли?
Она ворошит сучья, чтоб вновь разжечь огонь, и ставит сверху котелок.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Можно вообще не разжигать огня.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Мы же не можем вот так оставаться ночью, как дикие звери.

И потом, вот попробуйте чай, я умею готовить его из разных трав и цветов лимонного дерева.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Этим отваром вы и живете?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Я? Мне всего хватает.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Кто же вас снабжает?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Там, где кончается лес, на своего рода выступе посреди моря,

Есть своего рода укрытие или полуразрушенная часовня наподобие тех, что служили когда-то язычникам, как я полагаю. Перед ним — колонны,

А внутри — старая каменная статуя без головы, такая непристойная, что я едва решаюсь смотреть на нее.

И туда деревенские жители приносят разную пищу в качестве приношения... вы понимаете, мой миленький король?.. Не надо так смотреть на меня..

Фрукты, хлеб, пироги, мед, яйца, и я не знаю что еще, вплоть до кусков жареной козлятины,

И все это я беру, нисколько не стесняясь.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

И никто вам не препятствует?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Они слишком боятся. Никто из них ни за какие блага в мире не захотел бы войти в этот лес сейчас.

Эта баба без головы уничтожает всю жратву, вы понимаете? Чего ж естественнее? У нее зверский аппетит!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я пошлю миссионера к этим несчастным!

ДОНЬЯ МУЗЫКА

И жандармов, чтобы засунуть меня в тюрьму?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

И как это вам удалось проникнуть в мои владения без документов?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Это не моя вина. Корабль больше не захотел плыть.

Я вам уже рассказывала. Не было ни ветерка, а корабль вдруг взял да пошел ко дну, как будто доплыл, куда хотел.

Несомненно, была течь, я только и успела прыгнуть в воду,

Захватив с собой котелок и еще несколько полезных вещичек, — из всех умела плавать я одна.

Мой бедный сержант держался еще некоторое время на поверхности, совсем недолго, но достаточно, чтобы успеть помахать мне рукой на прощанье.

К счастью, земля была недалеко, и к тому же течение подталкивало меня.

Звук трубы вдали.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Эти идиоты уже ищут меня! Несомненно, моя лошадь навела их на след.

Какая все-таки замечательная мысль пришла мне в голову бросить их всех.

Я и не предполагал, что найду в конце этой привлекательной тропинки.

Опять труба.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Тихо, господин Король!..

Вот что, берите меня за руку, и думайте обо мне сильно-сильно, так никто не сможет вас никогда найти.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Откуда вы знаете, что я король или, точнее, Вице-король на его месте?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Разве вы не послали ваших слуг, чтобы найти меня? Тот сержант, он же был вашим сержантом? И мне, поскольку я все-таки доехала, не оставалось ничего иного,

как ждать вас здесь. К чему же удивляться, что я вас тотчас узнала?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Вы правы. Я и забыл. Из-за того, что я забыл, мне кажется, что я никогда не переставал знать все это.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Неужели вы забыли и родимое пятно на моем плече в форме голубки — я вам его покажу в другой раз, — по которому вы должны были узнать меня?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я никогда ни о чем другом не думал.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Все, что вы говорите сейчас, ложь. Я чувствую все, что происходит в вашей голове, да я живу в такт с ней,

И я знаю, что мое лицо появилось там лишь на мгновение, подобно смутной маленькой луне, отражающейся в бурном море.

Кстати, говорите правду, о чем вы думаете сейчас? Смелей! Отвечайте, не задумываясь!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я думаю об огне, пылающем предо мною, об этом неиссякающем ручье, что струится,

Откликаясь все дальше и дальше эхом трех или четырех голосов на свой собственный.

Будет несложно узнать, о чем он рассказывает, стоит лишь расставить слова в его длинном повествовании. О, сколько горьких воспоминаний!

ДОНЬЯ МУЗЫКА

(сжимая его руку)

Где они, эти горькие воспоминания?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я напрасно стараюсь вспомнить, они, словно ручей, ускользают от меня, и я больше не знаю, где они — впереди или позади.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

И кто же мешает вам вспомнить их, мой король?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Эта маленькая ручка в моей руке.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Неправда, сейчас я снова чувствую, как вы погружаетесь во что-то и исчезаете. Где вы? О чем думаете?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

О ветре, который дует,

О просителях, осаждающих меня, о правосудии, которое мне предстоит вершить над плачущими женщинами,

Обо всем зле, которое я совершил, нехотя или почти желая его.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

О чем еще?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

О походе, который мне приказано подготовить против турок.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

О чем еще?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

О французах, пиратах, папе Римском, нашивках, которые не смогли найти для моего выходного камзола,

О благотворительных мероприятиях в пользу голодающих в Калабрии, так печально закончившихся,

о ростовщиках, у которых надо было одолжаться, о моих врагах в Мадриде.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

И все это причиняет вам сейчас боль?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Никакой. Только шум.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Который мешает вам прислушаться к чему-то иному?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

На самом деле есть что-то иное...

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Что иное?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

То, что прорывается сполохами откуда-то снизу, то, что мне бы хотелось расслышать.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Когда я приказываю вам молчать, что происходит? Тогда вы слышите?

Я имею в виду не ветер, не море, не шум струящегося ручья. Что вы слышите?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Слабую музыку.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Напой ее, сердце мое, чтобы увидеть, узнаю ли я ее.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я не могу, если бы даже захотел.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

А я, хочешь, чтобы я спела?

Я успела спасти свою гитару, но у нее больше нет струн.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Струны не нужны.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Тогда посмотри на меня, чтобы я знала, с какого момента надо начинать.

(со слабым вскриком)

Ах!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я причинил вам боль?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Мое сердце останавливается.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Мне нельзя смотреть на тебя?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Сделай мне еще раз так же больно!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Почему такой испуг на лице, что я так отчетливо вижу при лунном свете?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Это моя душа, в попытке защититься, убегает, издавая прерывистые крики!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Так вот какова та песня, что ты хотела мне спеть?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Моя песнь — та, что рождается благодаря мне.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Но это не песня, это буря, которая захватывает в себя и небо, и воды, и леса, и всю землю!

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Разве во всем этом отсутствует музыка?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Посмотри на меня прежде, чем я отвечу.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Меня больше нет!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Божественная музыка во мне.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Обещай, что она больше не прекратится!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Что я могу обещать? Я пою не по своей воле, но словно у меня вдруг открылся внутренний слух,

И кто знает, не стану ли я завтра снова глухим?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Верно. Бедняжка Музыка!

Завтра уже не будет леса и лунного света.

Завтра ты опять вернешься к ужасной тяжбе, которую ты должен рассудить, к просителям, которых надо удовлетворить, к этим злюкам в Мадриде, которые клеветают на тебя,

К войску, которое нужно собрать, к деньгам, которые надо вернуть, к камзолу, который не подходит.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Послушай, Музыка, я начинаю кое-что понимать.

Знаешь что?

Если бы я не был глух, даже все те вещи, о которых ты говоришь,

Все могло бы устроиться в едином божественном

порыве слаженных звуков, что я улавливаю в какое-то мгновение, и потом, с перерывами, снова и снова,

И даже не сами звуки, но лишь их пленительную сердцевицу!

Этот невыразимый порядок и есть истина, и этому всемогущему потоку ничто не в силах противостоять.

И я знаю теперь, что вся эта какофония, весь нестройный ряд моего существования, это моя вина, потому что я не умею слушать.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

А если я буду рядом с тобой, как, разве останешься ты настолько глухим, чтобы не услышать меня?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Ты пела под камнем в Испании, и я уже слушал тебя из глубины моего сада в Палермо.

Да, именно тебя я слушал и никого иного,

Не журчанье струй, не ту птаху, что слышна, когда затихает.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Повтори мне это еще! Бескрайний концерт, дающий тебе столько радости, скажи, что это все-таки я начинаю его.

Это я в глубине твоего сердца, та единственная нота, такая чистая, такая трогательная.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Ты.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Обещай, что ты будешь всегда откликаться на нее.

Не поставишь ничего между тобой и мной. Не мешай, чтобы я существовала.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Скажи скорей, как случилось, что ты существовала еще до того, как я узнал тебя?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Может быть, ты меня уже знал, еще не догадываясь об этом.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Нет, я знаю, что ты существуешь не для меня, не более чем та птица, что я застаю ночью с трепещущим сердцем.

Для меня и не для меня.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Без тебя птица была бы мертва, спрятав головку под крылом в своей клетке.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Ты думаешь, что только я был способен услышать тебя и впитать в себя?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Без тебя я не начала бы петь.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Возможно ли, что я дал кому-то счастье?

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Счастье, заставляющее тебя любить мой голос, звучащий для тебя, всю эту бескрайнюю радость, о, друг мой, как я смущаюсь, даря их тебе.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

И ты думаешь, что радость, которую даришь, возвращается к нам неизменной?

Та, которую ты отдаешь мне, ты увидишь на лицах других людей.

К тебе одной, Музыка, отныне будет обращена моя требовательность и моя суровость. Да, я буду постоянно напоминать тебе твое место, и оно совсем мало.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Продолжай изображать гордеца, как если бы тебе все было ведомо! Место, что я нашла для себя под твоим сердцем, хорошо ли ты знаешь его?

Оно мое, и если бы ты мог его обнаружить, я бы не чувствовала себя там так хорошо.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Ты объяснишь мне это позже. А теперь пойдем, здесь нам будет неудобно. Давай подчинимся совету ночи и всей земли. Пойдем со мной к просторной постели из тростников и папоротников, что ты приготовила.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Если вы попробуете поцеловать меня, вы больше не услышите музыку!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ НЕАПОЛЯ

Я только хочу спать рядом с тобой, сжимая твою руку,

Слушая лес, море, струящиеся потоки воды, и ту, что вечно возвращается,

Священную радость, несметную печаль, смешанную с невыразимым счастьем.

Потом, когда Бог соединит нас, нам откроются иные тайны.

СЦЕНА XI

Дон Камильо, дон Родриго

В крепости Могадор. Узкая сводчатая зала освещается из невидимого окна. В глубине — большая штора из черного сукна, наподобие тех, которыми занавешивают решетку

переговорных окошек в приемной закрытого монастыря. Под потолком — шкив, с которого свисает конец веревки.

В углу свалены ржавые железные обломки.

Дон Родриго неподвижно стоит посредине комнаты, разглядывая квадрат черной материи. За ним на стене рядом с его тенью начинает вырисовываться тень дона

Камильо.

ДОН КАМИЛЬО

Я говорю, кто мешает вам раздвинуть эти занавески и все разузнать самому?

ДОН РОДРИГО

Дон Камильо, я счастлив, наконец, видеть вас.

Я уже думал, что вы где-то прячетесь.

ДОН КАМИЛЬО

Я посчитал, что будет скромнее с моей стороны не появляться сразу и дать вам возможность свободно ознакомиться с этими местами.

Был приказ открывать перед вами все двери и не докучать вам ничьим присутствием.

И никто не появился, кроме моего чернокожего офицера, которому вы и вручили письмо.

Предполагаю, что вы с некоторым нетерпением ждете ответа.

Ваши шаги встречали вокруг лишь тишину и пустоту.

Как в той красивой персидской сказке, вы наверняка ее знаете, “Дворец каменного Царя”³⁷.

Ничего, кроме, может быть, едва уловимого женского аромата, легкого дуновения промелькнувшего платья.

И, наконец, вы попали сюда, как раз туда, куда я хотел вас привести, в этот маленький пыточный кабинет, в этот

37 В тексте: Château-du-Roi-de-pierre. Речь идет, скорее всего, о сказке из “Тысячи и одной ночи” — “Повесть о медном городе”.

будуар, предназначенный для неотложных бесед с глазу на глаз, другими словами, в узком кругу.

За этой занавеской, на которую вы сейчас смотрите, обычно находился Судья, неизвестный зритель, с любопытством наблюдавший одновременно за жертвой и примерным чиновником, мучившим оную...

А что случилось? Вы, кажется, не торопитесь увидеть меня...

ДОН РОДРИГО

Я разглядываю свою тень на стене.

ДОН КАМИЛЬО

(смешивая свою тень с тенью Родриго)

Позвольте мне присоединиться к ней.

Видите, мы оба составляем теперь одно существо с несколькими головами и тремя руками.

Куда бы вы ни направлялись отныне, вы не в силах помешать тому, чтобы воспоминание обо мне сливалось с вашей думой.

ДОН РОДРИГО

Вы привыкли к смешениям.

Моя тень, добавленная к тени собаки-мавра, лишь усиливает его черноту.

ДОН КАМИЛЬО

Когда ваша благородная тень, отныне призрак других берегов, исчезнет,

Тень мавра еще останется в этом замке,

Близкая другой, закрывая, защищая своей чернотой эту другую,

Да, ей достаточно будет только чуть-чуть удалиться в сторону, чтобы приоткрылась та, другая.

ДОН РОДРИГО

Я спрашиваю себя, почему до сих пор я не сделал из вас абсолютную тень?

ДОН КАМИЛЬО

Пусть будет так, тем более я не вооружен.

Вам ничего другого не остается, как убить меня, если вы полагаете, что нет иного способа от меня отделаться.

Однако, предварительно, я попросил бы вас ознакомиться с письмом, которое госпожа соблаговолила поручить мне передать вам.

ДОН РОДРИГО

Она сама передала его вам для меня?

ДОН КАМИЛЬО

Она сама мне самому для вас самого.

Ее превосходительство были за своим туалетным столиком — вы знаете, что высокие функции, которые я исполняю подле Ее превосходительства, дают мне доступ к Ее превосходительству в любое время.

Мой коллега (я хочу сказать горничная) усердствовала в уголке с шемизеткой Ее превосходительства.

Я прочел ваши письма, и именно мне был доверен ответ

И предписано без проволочек вручить его вам лично в руки.

Вручает ему письмо.

ДОН РОДРИГО

Но это же то самое письмо, что мне было поручено передать ей.

ДОН КАМИЛЬО

Мне кажется, на обратной стороне что-то написано.

ДОН РОДРИГО

(читает)

Я остаюсь.
Уезжайте.

(повторяет вполголоса)

Я остаюсь.
Уезжайте.

ДОН КАМИЛЬО

Все ясно.
Она остается, а вам ничего не остается, как уехать.

ДОН РОДРИГО

Будьте любезны передать донье Пруэз, что я хотел бы говорить с ней тотчас.

ДОН КАМИЛЬО

Чтобы таким образом отдавать мне приказания, вы должны, видимо, считать меня более чернокожим, чем я есть. Офицер, которому вы только что передали просьбу об аудиенции, не принес ли он вам отказ? Вы должны были бы довольствоваться.

Однако кто знает? Эта комната не столь удалена, чтобы ваш голос не достиг ушей Ее превосходительства.

ДОН РОДРИГО

Неужели она откажется повиноваться приказу, который сам король уполномочил меня передать ей?

ДОН КАМИЛЬО

Не приказ, если я хорошо прочел, совет.

ДОН РОДРИГО

А тот, что вместе с королем, дает ей ее супруг именем Бога?

ДОН КАМИЛЬО

Она предпочла остаться здесь.

ДОН РОДРИГО

(кричит)

Пруэз, слышите вы меня?!

Тишина.

Дон Родриго кричит вновь.

Пруэз, Пруэз, вы слышите?!

Тишина.

ДОН КАМИЛЬО

В конце концов, может быть, ее здесь и нет. В любом случае, удостовериться невозможно.

Пауза.

Какая, однако, оригинальная миссия была поручена вам.

Пауза.

Вы ничего не отвечаете, но ваша тень на стене, она здесь и подсказывает мне, что вы того же мнения.

Вы любите ее, и единственное, что вы можете ей предложить, это письмо старикашки с приказом вернуться. Как соблазнительно!

Что касается вас (да, я видел также и ваше письмо, мне отдали его со всем содержимым пакета),

Вы предлагаете исчезнуть навсегда! Ну что же. Вы можете начать немедленно.

Пауза.

Мы ожидали другого. Целый флот, празднично разукрашенный султанами, который сокрушает наш маленький Могадор, а мы пытаемся ответить вам как можно лучше!

Вы сами, с красным пером на шляпе, посреди пятидесяти молодых пиками наперевес, возглавляете штурм.

Дон Камильо уязвлен и изничтожен, а еще трепещущую даму уносят. Как противостоять насилию?

Вместо всего этого вы хотите заставить работать ее головку.

Нет ничего, что бы женщина ненавидела более, чем самостоятельно принимать решения.

“Итак, сударыня, скажите, действительно ли вы любите меня, и потом во имя любви ко мне возвращайтесь к вашему мужу! Неужели вас не восхищает великолепное жертвоприношение, в котором я уготовил роль жертвы для вас?”

Пауза.

Ваша тень не движется. Но она здесь, вырисовывается на этой мрачной стене,

Где, не единожды, другая тень, еще более одинокая, Медленно раскачивалась — на конце веревки — при неярком свете от огня затухающих головешек.

Пауза.

Будь я на вашем месте, даже с подбитым судном, я бы попытался сделать что-нибудь. Даже искалеченный, как вы, я имею в виду ваш корабль,

Рукой женщины.
Спешу сообщить вам, что я принял меры предосторожности.

Пауза.

Надвигаясь на Родриго и повышая голос.

Вам этого мало? Вы хотите услышать большее? Ну что ж. Я думаю, что хоть это докажет вам по меньшей мере, что вы оба обманываетесь.

Она не любит вас, говорите вы,
Она не любит вас, и вы очень удивлены этим, но сами-то вы любите ее? Ведь только от вас зависело увезти ее.

Вы хотели бы удовлетворить одновременно душу и плоть, вашу совесть и ваши пристрастия, вашу любовь, как вы говорите, и ваше честолюбие.

Потому что в глубине души вы все-таки храните Америку, явившуюся раньше, чем лицо этой женщины, что так терзает вас,

Америку, от которой было бы так жаль отказаться. Как я понимаю вас!

Втайне вам хотелось бы поставить себя в состояние искушения таким образом, чтобы почти не было никакой вашей вины уступить ему. Никакой, кроме извинительной, даже освежающей погрешности.

К тому же столь великое благородство заслуживает, как-никак, некоторой компенсации.

Что может быть добродетельнее, чем повиноваться королю? Вернуть даму мужу и избавить ее от распутника? И все это, жертвуя собой?

Любовь, честь, тщеславие, выгода, честолюбие, ревность, разврат, король, муж, Петр и Павел, и Иаков, и дьявол,

Все поучаствуют, все будут удовлетворены разом!

ДОН РОДРИГО

(вполголоса)

Все то, что вы говорите, было хорошо и даже целительно для меня, чтобы я это услышал.

ДОН КАМИЛЬО

Я прав, не так ли?

ДОН РОДРИГО

Не хватает только главного.

ДОН КАМИЛЬО

Ответьте же мне. Вас слушают. Ей-богу, мне кажется, я видел, как зашевелилась эта шторка!

ДОН РОДРИГО

Где бы она ни была, я знаю, что она не сможет не услышать слова, которые я обращаю к ней,

И по отзвуку в моей душе я знаю, что она здесь.

Так поющий слепец всегда чувствует, стена ли перед ним, кусты или пустота.

ДОН КАМИЛЬО

Я уверен, что добродетель позаимствует неотразимые звуки у голоса вашей милости.

ДОН РОДРИГО

Для святого или для человека такого рода, как вы описываете,

Все просто. Рассудок в нас говорит, желание тоже, прекрасно, чего ж большего! Вперед! Нужно лишь тотчас повиноваться.

ДОН КАМИЛЬО

Но нет другого способа завоевать себе спасение в мире ином и женщин в этом.

ДОН РОДРИГО

Выбор сделан, и я охотно оставляю женщин вам.

ДОН КАМИЛЬО

Тогда что вы здесь делаете?

ДОН РОДРИГО

Разве от человека в добром здравии зависит, что на него обрушивается чума, или колики, или проказа, или какая-то иная всепоглощающая болезнь.

ДОН КАМИЛЬО

Это с такого рода милыми несчастьями вы сравниваете нашу Пруээ?

Пауза.

ДОН РОДРИГО

Я не люблю, когда вы произносите это имя.

ДОН КАМИЛЬО

Простите меня, прошу вас.

ДОН РОДРИГО

Задета моя душа.

ДОН КАМИЛЬО

Постараемся немедля вылечить ее.

ДОН РОДРИГО

Она подобна хлебному зерну, которое вылечится лишь в колосе.

ДОН КАМИЛЬО

Колос, он ждет вас на новом континенте, который дарит вам король.

ДОН РОДРИГО

Но сначала я жду от нее той единственной вещи, что способна мне дать только она.

ДОН КАМИЛЬО

Какой именно?

ДОН РОДРИГО

Как я узнаю о ней иначе, чем получив ее?

ДОН КАМИЛЬО

Почему не сказать прямо, что эта столь таинственная вещь слита с ее телом?

ДОН РОДРИГО

Вы правы. Как понять себя?

Благо, которого желает моя душа, смешано с этим запретным телом.

ДОН КАМИЛЬО

Говорите! Вам осталось произнести лишь слово.

Два раза уже вы звали ее. Я чувствую, что она ждет только вашего третьего призыва: “Пруээ, приди!”

Она здесь, в этой комнате, вам стоит только произнести ее имя — и она тотчас появится.

ДОН РОДРИГО

Вскоре я буду в открытом море, и лишь тогда опять позову ее.

ДОН КАМИЛЬО

Только не говорите, что она сама прогоняет вас.

ДОН РОДРИГО

Разве я написал на скрижалях тот Великий Закон, что разделяет нас?

ДОН КАМИЛЬО

Любовь смеется над законами.

ДОН РОДРИГО

Что не мешает им существовать.

Если я закрою глаза, солнце не исчезнет.

ДОН КАМИЛЬО

Любовь самодостаточна!

ДОН РОДРИГО

А я думаю, что ничто не достаточно для любви.

Я открыл ее для себя как великую истину! Любовь должна подарить мне ключи от Вселенной, а не отнимать их!

ДОН КАМИЛЬО

Довольно смешно смотреть, как вы требуете одновременно и тотчас же

Удовлетворения для тела и для души!

ДОН РОДРИГО

Моя ли в том вина, если обе сущности слиты во мне так сильно, что образуют единое целое?

ДОН КАМИЛЬО

Но что может эта бедная женщина?

ДОН РОДРИГО

Все, что я имел, — ах, и груз так тяжок, что мне кажется, будто это целый мир —

Я принес ей в себе. Неужели ей нечего мне дать взамен?

ДОН КАМИЛЬО

Но что может она дать взамен?

ДОН РОДРИГО

Если бы я знал, я бы не просил ее об этом.

ДОН КАМИЛЬО

Ну что ж, для вас нет другого ответа, кроме отказа и веления уезжать.

ДОН РОДРИГО

Я принимаю его.

ДОН КАМИЛЬО

А я остаюсь.

ДОН РОДРИГО

(вполголоса)

Я остаюсь.

Смотрит на письмо.

Да, именно эти два слова она предназначила для меня.

Написано черным по белому. Никаких сомнений.

Она выбрала именно вас.

ДОН КАМИЛЬО

Я понимаю ее лучше, чем вы, во мне есть что-то от женщины, и я сумею лучше справиться с ней, что бы вы об этом ни думали.

Она может подарить мне благо, а вам лишь зло.

ДОН РОДРИГО

И уже лишила вас должности коменданта.

ДОН КАМИЛЬО

Я сам уступил ей мое место. Да, уже есть нечто, что я дал ей, а она приняла от меня.

ДОН РОДРИГО

Остальное придет со временем.

ДОН КАМИЛЬО

Я позвал ее, она пришла. Но не скрою от вас, что благо, которое она может принести мне, страшит меня больше, чем зло.

ДОН РОДРИГО

Так вышлите ее.

ДОН КАМИЛЬО

Ваша милость изволит насмеяться, но верите вы мне или нет, я бы уже давно отослал ее, если бы мог.

ДОН РОДРИГО

Я приду вам на помощь.

ДОН КАМИЛЬО

Здравый смысл и случай, честолюбие и приключение, я никогда не желал иных хозяев.

Она уже здесь, она вошла в мою жизнь, как судьба, перед которой я бессилён.

ДОН РОДРИГО

Как некогда Елена.

ДОН КАМИЛЬО

Вы, несомненно, считаете, что, едва вы уедете, едва ваши паруса скроются из виду,

Она тотчас упадет в мои объятия?

ДОН РОДРИГО

Я не скажу тотчас. Но положитесь на время и на ад, который окружает вас.

Она не выдержит долго, безнаказанно, одна у берегов вашего желания...

Я попросил бы вас, сударь, проводить меня в комнату, которую вы для меня приготовили.

ДОН КАМИЛЬО

Мои службы уже занялись починкой вашего корабля.

СЦЕНА XII

ДОН ГУСМАН, РУИС ПЕРАЛЬДО, ОЗОРИО,
РЕМЕДИОС, ИНДЕЙЦЫ-НОСИЛЬЩИКИ

*Поляна в девственном лесу в Америке,
на берегу реки, перегородженной островками
и заваленной стволами деревьев.
Лагерь экспедиционеров-бандейрантес³⁸,
расположенный среди зарослей желтого,
с зелеными полосками, тростника.*

ДОН ГУСМАН

И вы говорите, что на одной из этих плит вы узнали изображение Святого Креста?

РУИС ПЕРАЛЬДО

Не только на одной, но и на множестве других, равносторонний крест, окруженный кольцами, напоминающими змей.

ДОН ГУСМАН

Так значит, на гробнице мертвого народа, само имя которого уже исчезло, был крест! И они протягивают его

38 Португальские экспедиционеры, которые отправлялись из Сан-Паоло вглубь континента, часто в районы, считавшиеся непроходимыми, в поисках индейцев, которых потом продавали в рабство для работы на сахарных плантациях. Одновременно их деятельность способствовала расширению территорий Бразилии. Начало этих экспедиций относится к концу XVI века, но особенно развивается в период между 1628 и 1641 годом. После появления африканских рабов этот "промысел" постепенно приходит в упадок. Во время одной из экспедиций бандейрантес обнаруживают в Минас-Жерайс крупнейшие запасы золота, положившие начало столетней "золотой лихорадке".

из глубин своей гробницы живым, тем, кто с другого края света пришел сюда, на встречу с ними.

РУИС ПЕРАЛЬДО

Не только крест, там еще чудища или бутылка, которых я вам описал,

Гигантские изваяния, подобные низвергнутым Херувимам Священного Писания, все опутанные лианами, сквозь заросли этих проклятых деревьев обращают свои эфиопские лица к четырем сторонам света.

И представьте, одно из чудищ, самое большое, совершенно белое от помета попугаев, в тот момент, когда я его увидел, было полностью обвито огромным змием.

ДОН ГУСМАН

Эти слова только удваивают мое желание! Я хочу со шпагой в руке померяться силами с этими привратниками ада!

РУИС ПЕРАЛЬДО

Что касается лично меня, я сматываюсь, с меня хватит, я чувствую, как порча этого зачумленного места пробирает меня до костей.

Пусть Господь простит меня за то, что я проник в этот край, поганое кладбище, что должно было остаться сокрытым от глаз человеческих!

У меня осталось лишь единственное желание — увидеть море прежде, чем умереть, еще раз услышать шум морского прибоя о песчаный берег!

Все мои спутники погибли, со мной остались лишь оголодавшие индейцы.

ДОН ГУСМАН

Озорио, дай ему несколько пригоршней маиса.

ОЗОРИО

А как же мы сами, сеньор капитан, чем мы закончим экспедицию?

ДОН ГУСМАН

Можешь вернуться, если хочешь, с сеньором Перальдо.

ОЗОРИО

И оказаться в Сантареме лицом к лицу с ростовщиками, которые ищут меня, чтобы бросить в яму со вшами!

Нет уж, я дойду до самого конца, до самого предела! Я найду эти проклятые изумруды!

Я тотчас узнал те кресты, о которых только что рассказывал этот сеньор, именно про них говорил мне сержант Кастро, я знаю, что они означают, все это отмечено в моих бумагах.

ДОН ГУСМАН

А ты, Ремедиос?

РЕМЕДИОС

Едва я вернусь в Сантарем, я тут же попадусь своей жене номер один. Ваше превосходительство слишком хорошо знает, что тогда я рискую быть повешенным, а то и сожженным на костре.

ДОН ГУСМАН

Тогда вперед, с Божьей помощью!

РУИС ПЕРАЛЬДО

Но вы-то сами, сеньор Гусман, ведь не изумруды же привлекают вас в этих богом забытых краях, да к тому же и путь назад вам не закрыт никаким палачом.

ДОН ГУСМАН

Я хочу вернуть человечеству этот народ, дважды похороненный, я хочу возвести крест на его могиле, я хочу прогнать дьявола из его зловонного убежища, чтобы не было ни единого уголка в мире, где ему было бы вольготно!

Колумб открыл живых, а я хочу завладеть всеми народами, что смерть вырвала у короля Испании.

Я хочу умиротворить истинным крестом старых повелителей.

Этот старый мир, что был нашим завоеванием, хочу я превратить в наше наследие!

ОЗОРИО

Тогда вперед!

РУИС ПЕРАЛЬДО

Прощайте! Ни для вас, ни для меня нет никаких шансов вернуться назад.

СЦЕНА XIII

ДВОЙНАЯ ТЕНЬ

Двойная Тень мужчины и женщины, во весь рост, проекцию которой мы видим на экране в глубине сцены.

Я обвиняю этого мужчину и эту женщину, которые оставили меня в мире Теней тенью без хозяина.

Ибо из всех отражений, вереницей проходящих по стене, освещает ли их светило дня или ночи,

Нет ни одного, которое не знало бы своего создателя и преданно не повторяло бы его контур.

Но я, чьей тенью могу называться я? Ни этого мужчины, ни этой женщины порознь,

Но обоих одновременно, один в другом слившихся во мне

В новое существо, вышедшее из бесформенной тьмы.

Когда вдоль стены в неистовом лунном свете, прошел, минуя охрану, к жилищу, отведенному ему,

Этот мужчина, основа и корень меня самой,

Появилась другая часть меня самой, эта женщина в узких одеждах,

И она шла перед ним, он же ее не замечал.

И узнавание их длилось не дольше, чем потрясение, и потом единение их душ и тел в абсолютном безмолвии, не дольше, чем мое существование на стене.

И ныне обвиняю я этого мужчину и эту женщину, чьей волей я жила на свете только один миг, который не кончится уже никогда, чьей волей образ мой запечатлен на странице вечности!

Ибо что хоть раз существовало, навеки вошло в архивы, коих разрушение не коснется.

И ныне я спрашиваю: почему начертали они на стене, на свой страх и риск, этот Знак, запрещенный им Богом?

И почему, создав меня, так жестоко разделили меня, которая есть единое целое? Почему унесли на разные концы света две мои трепещущие половинки,

Как будто во мне не соприкоснулись они с собственной бесконечностью,

Как будто мое существование не единственно, как слово, вырвавшееся на мгновение за пределы прочитываемой земли меж взмахами исступленных крыльев.

СЦЕНА XIV

ЛУНА

Двойная Тень исчезает, и экран в течение всей этой сцены занимает проекция пальмовой ветви, она тихо колеблется, становясь все менее и менее различимой.

ЛУНА

Двойная Тень, что в глубине земной тюрьмы соответствует моему присутствию на вершине небесного свода, распалась,

И вместо обнаженной женской руки, с медленно, едва заметно колеблющейся кистью, этой единственной ветвью, отделившейся от нее,

Появилась пальмовая ветвь, и ее, после долгого напряженного ожидания, оживляет ветер с моря,
Свободную и все же плененную, живую, но лишенную силы тяжести.

Бедная! Разве не устала она за день защищаться от солнца?

Настало время явиться и мне. Ах, как хорошо! Как сладко спать со мной.

Я со всех сторон пронизываю ее, и одновременно я вне ее, но существо, мною любимое, знает — мой свет явственен лишь через ее темноту.

Ей больше нечего делать, ей больше незачем прилагать усилия к тому, чтобы восполнить все то, что отняла у нее жизнь,

Она поддается, она согласна, я здесь, чтобы поддержать ее, она знает, она верит, она умиротворена,

Она переполнена, она плывет, она засыпает.

Все создания, все люди, и злые и добрые, все погружены в милосердие Адоная!

Узнают ли они его свет, что не сотворен для глаз?

Свет, который нельзя видеть, но можно испить, дабы все человеческие существа испробовали, дабы всякая душа в час отдыха окунулась в него и отпила.

Какая тишина! И лишь изредка раздается слабый вскрик, подобный птице, что не может пробудиться.

Час Млечного моря, он наш, и если видят меня такой белой, это потому что я — Полночь, Млечное озеро, Вечные Воды.

Тех, кто плачет, касаюсь я своими невидимыми руками.

Сестра, почему ты плачешь? Разве не твоя брачная ночь сегодня? Посмотри, как освещены земля и небо! Разве ты думала провести эту ночь с Родриго иначе, чем на кресте?

Разглядите ее, вы, слушающие меня,

Только не ту, что телом своим могла бы перекрыть мой свет на этом экране,

Не тот мертвый оттиск, что с помощью моего искусства я могла бы вытащить из ее души на эту магическую поверхность,

Речь не идет об ее теле!

Но о той священной пульсации, чрез которую души узнают друг друга без посредника, как отец и мать в секунду зачатия: я здесь, чтобы выявить ее.

Я обрисовываю ее силуэт в моих водах, несущих ее.

И вдруг — порыв, отчаянный побег,

И открывшаяся предо мной бездна, отвратительный спад, пустота после ее исчезновения!

Преклоните колени перед страданием этой женщины, облаченной в мой свет!

Ничего бы не началось, если бы не мой поцелуй в самое сердце.

Все началось с этих жгучих слез, подобных тошноте агонии, тех, что рождаются не в голове, но в самой сердцевине глубоко раненного существа,

В душе, которую выворачивает наизнанку, в душе, прижатой железом!

И, может быть, она умерла бы на моих руках во время этого первого приступа, если бы в тот момент, когда остановилось сердце

(Тогда как вдалеке заблестела кромка моря и маленький белый парусник скользнул к этому Водоему Смерти),

Я бы не прошептала одно слово: “Никогда”.

“Никогда, Пруэз!”

“Никогда! — вскрикнула она, — единственное, что он и я, мы можем разделить вместе, это “никогда”, что он только что узнал из моих уст в поцелуе, соединившем нас в единое целое”.

“Никогда! В этом слове, по крайней мере, уже заключен момент вечности, которая тотчас может начаться для нас”.

“Никогда больше я не смогу обойтись без него, никогда больше он не сможет существовать без меня”.

“Как будто кто-то именем Бога навсегда сделал запретным для него мое тело”.

“Потому что он слишком любил бы его”.

“А я хотела бы дать ему много больше!”

“Но что выиграл бы он, получив меня? Как будто желание, что я читаю в его глазах, может ограничиться чем-то конечным!”

“Ах! У меня есть чем сполна ответить на его желание!”

“Да, недостаточно быть отсутствующей для него, я хочу предать его,

Именно это узнал он от меня в том единственном поцелуе, что слил наши души”.

“Почему отказывать ему в том, чего жаждет его сердце? Почему лишать его хоть мгновения той боли, которую, по крайней мере, я могу подарить ему, ведь не радости ждет он от меня? Разве он щадил меня? Почему же мне щадить то, что составляет самую его суть? Почему откажет ему в том предательском ударе, что, по его глазам я угадываю, он ждет от меня и уже предвидит, иначе откуда такая безнадежность во взгляде?”

“Да, я знаю, никогда он не женится на мне иначе, чем на кресте, и наши души не соединятся иначе, чем в смерти, и в ночи, вне всего земного!”

“Если я не могу стать его раем, то, по крайней мере, я могу стать его крестом! пусть душа его и тело будут распяты, я ведь стою тех двух пересекающихся кусков дерева!”

“И раз я не могу дать ему небо, по крайней мере, я могу оторвать его от земли”.

“Я одна могу подарить ему ненасытность, соразмерную с его желанием!”

“Я одна способна заставить его позабыть самого себя!”

“Нет ни единого уголка его души, ни единой фибры его тела, которая не была бы создана, чтобы прилепиться ко мне, нет ничего ни в его теле, ни в душе, что создала тело, что не смогла бы я удержать в себе навсегда во сне боли,

Как удерживал некогда Адам, когда почивал он с первой женщиной”.

“И когда я буду держать его глубоко вошедшими в меня гвоздями через все конечности его, и всю плоть, и через него всего целиком,

Когда не будет для нас больше никакой возможности оторваться друг от друга, когда он навеки прилепится ко мне в этом невозможном браке, когда не будет у него способа оторваться от мощного притяжения моей плоти, от этой безжалостной пустоты, когда я смогу засвидетельствовать его небытие моим, когда в его небытии не останется больше тайны, что не поверялась бы моим,

Вот тогда я отдам его Богу, беззащитного и растерзанного, чтобы Он ударом грома заполнил его разом, и тогда я получу супруга, и бога буду держать я в объятиях моих!”

“Господи, я увижу его радость! Я увижу это вместе с Тобой, и я буду причиной сего!”

“Он просил Бога у женщины, и она была способна дать его ему, ибо нет ничего на небе и на земле, что любовь не способна дать!”

Таков ход вещей в ее безумии, которое она спешит высказать, не замечая, что все это уже закончилось, и она сама, навсегда, в одно мгновение

Перенесена туда, где все уже закончилось,

Теперь в мире наступил покой,
Время полночь, — и переполнена уже до краев чаша
радости, что Бог дарует всем своим созданиям.
Она говорит, и я в сердце ее целую!
А что же до нашего мореплавателя, которого даже
ураган в своем беспорядочном усердии не мог сдержать,
когда его пылкий челнок плел нить между двумя мирами,
Он спит под спущенными парусами в самой
затерянной из моих бездн
Безбрежным сном Адама и Ноя.
Разве Адам тоже не спал, когда женщина была
извлечена из сердца его, и будет справедливо, если он
Уснет и в день брака своего, когда возвратили ему жену
его, и он пребывает в полноте счастья.
Где еще отныне место его?
Вовсе не сон, вовсе не сон это, но предвосхищение
иного таинства.
Когда чаша его наполнена до краев — а разве не
наполнила ее я? — как не опьянится он? Пусть лишь на
мгновение, но и этого достало!
Нельзя умереть, хоть единожды не соприкоснувшись
с миром иным!
И когда душа его отделилась от тела в поцелуе Пруэз
и, бестелесная, слилась с ее душой, кто мог бы утверждать,
что он был жив в этот момент?
В какое время и где произошло это, он больше не
ведает; нет больше ни “до”, ни “после”, прошлое и будущее
равно исчезли. Все, что могло совершиться, свершилось.
Одна из составляющих конечности человеческого
существа исчезла. Туда, откуда нет возврата.
Родриго, слышишь ли ты все еще голос, который зовет
тебя: “Родриго!”?
Знаешь ли ты теперь, что мужчина и женщина могут
любить друг друга только в раю?

“Рай, который Бог закрыл для меня, твои объятия
вернули мне на миг, о, женщина, ты возвращаешь мне рай
лишь с тем, чтобы сообщить, что я вновь изгнан!”
“Каждый из твоих поцелуев возвращает мне рай,
который, я знаю, запрещен для меня”.
“Отныне, где бы ты ни была, там будет сопровождать
меня невозможность вырваться из твоего мучительного
рая, отчизны моей, пронизывающей меня в каждой
частице тела, но на которую утратил я право”.
“О, женщина, ты открыла во мне то, что не могла
ты затронуть иначе, чем с закрытыми глазами! И вот
она во мне, эта рана, что не могла ты нанести иначе,
чем с закрытыми глазами!”
“Ты открываешь мне рай, и ты мешаешь мне остаться
в нем. Как могу я пребывать со всем Творением, если ты
запрещаешь мне существовать там, где нет тебя?”
“Каждое биение твоего сердца в такт моему вновь
обрекает меня на пытку, на это бессилие избежать рая,
дарованного тобой, из которого ты вновь изгоняешь
меня”.
И в этой боли я вновь обретаю тебя! Через нее
я впитываю тебя, как лампада масло,
Масло, от которого зажжется огонь вечный, никогда
не дающий света”.
Он говорит, и я в сердце его целую.

Конец Второго Дня

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Действующие лица Третьего Дня

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ
ДОНЬЯ МУЗЫКА
СВЯТОЙ БОНИФАЦИЙ
СВЯТОЙ ДИОНИСИЙ АФИНСКИЙ
СВЯТОЙ АДЛИБИТУМ
ЛИЦА, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ СВЯТЫХ
ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ
ДОН ФЕРНАНДО
ВИЦЕ-КОРОЛЬ (ДОН РОДРИГО)
АЛЬМАГРО
СОЛДАТЫ
ХОЗЯЙКА МЕБЛИРОВАННЫХ КОМНАТ
ДОН РАМИРО
ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА
ДОН КАМИЛЬО
СЛУЖАНКА
ДОНЬЯ ПРУЭЗ
АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ
СЕКРЕТАРЬ (ДОН РОДИЛАР)
КАПИТАН
ОФИЦЕРЫ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Церковь Св. Микулаша (Св. Николая) на Мала Страна в Праге, в Богемии, через некоторое время после битвы при Белой Горе. Заходящее солнце зимнего вечера проникает через витражи над входным порталом, окруженным с двух сторон, подобно пучкам света, ангелами и гирляндами труб органа, напоминающими призматические колонны пещеры Фингала³⁹.

Донья Музыка в длинной меховой шубе молится в центре собора. Полумрак хора⁴⁰, где теплится лампада. Вокруг хора, к которому выходят пустые ложи, установлены четыре пьедестала, пока никем не занятые, предназначенные для знаменитых Отцов церкви, что вскоре появятся на сцене.

Неплохо, если бы действие сопровождалось неотчетливо звучащей музыкой. Предположим, это органист настраивает свой инструмент, желательно не слишком неприятным образом.

Входит святой Николай, ему предшествуют трое детей.

39 Знаменитая пещера в Шотландии.

40 Хор — восточная (алтарная) часть католического храма.

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ

Завтра — день моего праздника. И уже по велению Божьему на поля, вытопанные войной, на замки, на руины церквей и монастырей, на разрушенные деревни

Ангелы расстелили снежную дорожку для прохода фиолетового Епископа.

И под ней теперь все едины: католики и унылые протестанты, все собрались, все сплотились, даже реки перестали разделяться и течь, все застыло.

Слишком стужено снаружи для воинов. Господа обогреваются возле каминов, что растапливают мебелью из ризниц и распиленными статуями святых; теологи спорят, сидя на постоянных дворах,

А бедняки, подобно озябшей птахе, спрятавшейся среди трех листочков падуба,

Потихоньку начинают оживать и надеяться.

“Не все ненастье”, как говорится.

Просыпайтесь, люди добрые! Но не рассчитывайте на меня, если хотите плакаться в ваш суп! Посмотрите-ка лучше на это жгучее солнышко!

Я лажу только с ребяташками, и мой день не зря прожит, если я вложил в их сердца немного суровой радости, пригоршню здорового смеха!

Я отогреваю замерзших, растерев их мордашки снегом.

И как зимнее солнце одним махом наполняет светом сто тысяч хижин,

Так и мне стоит только кончиком моей рукавицы поцарапать изморозь на ваших окнах, в одно мгновение святой Николай наступает по всей Германии.

Занимает свое место на предназначенном ему пьедестале.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

(с глубоким вздохом)

О Господи, как здесь чудно, и как я счастлива пребывать с вами. Невозможно больше избежать вас.

Нет больше надобности в словах, стоит только приблизить к вам мое утяжеленное тело и остаться в безмолвии подле вас.

Секрет, что я храню в моем сердце, известен лишь вам. Только нам с вами одним ведомо, что означает дать жизнь. Только с вами я разделяю таинство моего материнства:

Душа, создающая другую душу, тело, вскармливающее своей плотью другое тело.

Мой ребенок во мне, и мы оба пребываем с вами.

И мы все вместе молимся за этот бедный народ вокруг нас, весь израненный, и раздавленный, и растерянный, чтобы позволил он залечить свои раны и прислушался бы к советам зимы, и снега, и ночи,

Ко всему тому, что было невнятно мне ранее, когда радость приходила ко мне лишь извне — до тех пор, пока не появился этот ребенок во мне.

Пусть гнев и страх, боль и мщение

Уступят место обволакивающим дланям снега и ночи.

Ах! Снова у меня перед глазами окровавленные головы, выставленные по обе стороны Карлова моста по приказу моего мужа, меж которыми пришлось мне идти!

Входит святой Бонифаций, впереди которого следует коренастый фрисланец с огромной головой, похожей на бычью, и двумя маленькими рожками, растущими посреди рыжих, с завитушками, волос.

СВЯТОЙ БОНИФАЦИЙ

А каким иным способом, скажите мне, можно было помешать этому глупому народу отдаться моим германцам? Разве можно было позволить Черному Монаху⁴¹ обосноваться в центре Европы и отравлять воду ее истоков?

Пусть бы сидел с блуждающими огоньками на своих болотах и торфяниках!

41 Речь идет о Мартине Лютере (1483–1546).

Слава Всевышнему! Тем, чем был Пуатье⁴² в битве против Магомета, Белая Гора⁴³ станет теперь в борьбе против еретиков!

Хвала славным капитанам, что, набранные со всего христианского мира, защитили в Праге образ Пречистой Девы!

Их дело сделано, а я, святой Бонифаций, остался при моем, которое будет потяжелее. Ах, непросто быть апостолом германцев, епископом этой паствы, скрытной и замкнутой, этого народа, что находится в состоянии брожения, подобно вину в закрытом сосуде!

Господь не создал их, чтобы быть его руками, или веслом в море, или крылом за его плечами,

Но дабы пасть, попранными, к Его ногам, терпеть утеснения, гонения и преграды со всех сторон, перемешиваться с разношерстными народами и враждебными вероисповеданиями, дабы находиться в беспрестанных трудах, как бесформенная материя в вечном поиске формы, как порыв, бесконечно неудовлетворенный равновесием, и ко всему прочему они еще обожают набивать себе пузо всем, чем только можно!

Меж двух великих рек, одна из которых незримо течет к морю, тогда как другая поворачивает к истоку и к Азии,

Существовала бесформенная масса, колеблющаяся и всеядная, без зова к высокому, без призвания, без иной судьбы, кроме этого смещения и медленного, подспудного разрастания.

42 В 732 году Карл Мартелл разбил в битве при Пуатье вторгшихся во Франкское государство арабов и остановил мусульманскую экспансию в Европе.

43 Битва при Белой Горе у Праги. 8 ноября 1620 года здесь произошло сражение между чешскими войсками (Протестантская уния) и имперско-баварской армией (Католическая уния). Имперские войска Габсбургов одержали победу, а Чехия почти на 300 лет лишилась государственной независимости.

Народ, приученный не видеть вокруг себя противостоящих натиску его желаний природных границ, но лишь несходство других людей и языков, что не смешиваются с его собственным.

Узнать его можно, лишь заглянув ему в сердце, так как не дано ему лица.

Это я принес Христа саксонцам, и то, что было начато мной, по-своему закончил Лютер, все переиначив.

Ни об одном святом не сказано, что он должен был появиться, и только Лютер был необходим.

А как бы, скажите мне, могли они долго зреть всего Христа в своем тумане? И разве плоть, евангелизированная вслепую, способна сама вывести нас, подобно оку?

Одним истина, другим угрызения, и беспокойство, и недовольство, и желание.

Я хотел, чтобы существовал народ, близкий к первозданной материи, придавленный к ней, смешавшийся с ней, единственный, созданный для того, чтобы проникнуть в нее, и проникнуться ею,

Народ, не знающий всяческих сухих ограничений, непохожий на закоснелые нации, но такой, который был бы по отношению ко всякой вещи в состоянии неутоленного желания, великий резерв в центре Европы, лишь наполовину устоявшийся, утверждающее отрицание, порыв, что перекрывает, и разом заполняет все, и поддерживает весь ансамбль, человек духовный и не лишенный плоти, тот, в ком слово Господне претворится не в сиюминутном деянии, но обернется долгим обжигом, глубоким вызреванием.

Вот почему сегодня, когда Европа завоевывает землю, чтобы сердца ее хватило на новое тело, Господь и вложил посреди нее это противоречие.

Занимает предназначенное для него место на пьедестале.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Стушаются сумерки, теплится лампада, и я слышу вокруг меня стенания всех этих народов, что ищут примирения в ночи.

Как нужна была ночь, чтобы засветилась лампада, так нужно было все это гигантское потрясение, все это столпотворение вокруг Праги, где больше не на чем остановить взор,

Для того чтобы, едва закрыв глаза, я почувствовала внутри себя моего ребенка, простую маленькую жизнь, что только начинается!

По воле супруга моего и могущественного меча его, лавина, что грозила раздавить Европу,

Была остановлена на полдороге, возле этой хрупкой колонны, над которой высится статуя Девы Марии, и зима расстилает свое покрывало над разрозненными клочками поверженного в хаос христианского мира!

Мой король пришел и остановил этот хаос.

Теперь волей-неволей людям придется принять его тиранию, как они говорят, но я, узнавшая короля раньше их, я знаю, что его власть благая, ведь в его объятиях во мне зародилась эта другая жизнь.

Теперь, когда ограничена для них возможность творить зло, высвободилось плененное благо!

Вместо всего того зла, что они с великими трудами причиняли друг другу, увидят они, Господи, с великим удивлением, что способны подарить великую радость, стоит лишь их попросить об этом!

Посмотрите только, какова может быть власть женского взора или даже такой малости, как голоса, что выводит песнь.

Господи, ты дал мне дар, благодаря которому всем, кто смотрит на меня, вдруг хочется петь, как если бы я тихонечко подсказывала им такт.

Я назначаю им свидание на золотом озере!

Когда больше нельзя сделать ни шагу, чтобы не натолкнуться на преграды и препятствия, когда слово служит лишь для ссор, почему бы тогда не открыть для себя посреди хаоса подаренное нам незримое море?

Тот, кто больше не в силах говорить, пусть поет!

Достаточно одной доброй душе просто начать, как все, помимо своей воли, начинают прислушиваться, и постепенно втягиваются в пение, и начинают петь в унисон.

Над всеми границами мы создадим эту зачарованную республику, где души свободно посещают друг друга на воздушных челнах, коим для балласта достаточно одной слезинки.

Не мы сочиняем музыку, она существует помимо нас, вбирает в себя все, стоит только хорошо прислушаться, по самые уши погрузиться в нее.

Не препятствовать ходу вещей, но ловко вписаться в их благодатное движение.

Король, мой господин, принес в эту страну успокоение и мир, но также супругу свою возлюбленную, и, неузнаваемая, здесь хочу я остаться навсегда, я Музыка, отяжеленная плодом, что я ношу в себе.

Входит святой Дионисий Афинский, которому предшествует Ангел, напоминающий скульптуры Бернини, с большой зеленой пальмовой ветвью на плече.

СВЯТОЙ ДИОНИСИЙ АФИНСКИЙ

Да, как хорошо в этой укромной церкви,

Не наполненной никаким иным присутствием, кроме невидимого, официально представленного ложами справа и слева над нашими головами,

Слушать, как это милое создание молится от всего сердца, со сложенными руками, тогда как дух ее освободился от всех пут.

Отсюда ей видна лишь лампада, точка огня на капельке масла, но для нее глазница этих мест также устрашающая,

Как если бы темная завеса этого мира приоткрылась, и она

Зрела бы Купину неопалимую, или под крышкочо чистилища в раскатах грома⁴⁴, или Ангела на книге, запечатанной семью печатями.

Как хорошо услышать ее, возносящую благодарения Господу посреди этого мира на полпути к полному распаду, что лишь на миг, в минуту печали, согласился на передышку, а ей, бедняжке, кажется, что стоит только прислушаться к тому, о чем говорит сердце, чтобы все люди слились в единый круг блаженства!

Но человек-то знает, что он не был создан для счастья.

Нет в мире такого устройства, что способно сковать его, не родился еще тот монарх, которого бы признали все остальные державы, не найдена механика, прилаженная к его способу существования.

Тогда как Запад преуспевает в создании своих самых стройных построений, законов, систем, парламентов, рождает монарха, столь могущественного, что ни единый камень из построенного им здания не сможет упасть,

Вдруг ни с того ни с сего все человечество становится рассеянным, в круговороте времен года оно расслышало новую флейту,

И уже предчувствует, что мелодия этого мира, никогда не повторяющаяся, изменилась, что появился новый ритм, и новый призыв подсказывают ему наперебой ангелы;

Так как порядок существует только на небесах, и музыка, та, которую нам мешает расслышать земная мелодия, тоже только там.

А на земле нет ничего для счастья человека, и даже всего страстного упорства твоих саксонцев, о мой

⁴⁴ Левит, 16, 2.

Бонифаций, все равно не хватит, чтобы найти его, вся упорная борьба по освоению материи все равно сводится к тому, что тот, кто хочет проникнуть в нее, вынужден становиться бесформенным, как она.

И к тому же, чтоб уж все сказать, существует море славян, эта бездна без внятного будущего, где Европа берет свои истоки, и они-то всегда способны поставлять новые страдания, как только нам будет недостаточно своих.

Именно там, вдали от Океана, что достигает этого моря лишь через мизерные рукава, узкие проходы, закрытые на замки и искусные запоры,

Бьются волны другого человечества, которому не дано иных берегов, кроме чистилища,

В холоде, в ночи, на ветру, в снегу и грязи, что сковывают ноги и души, в отсутствие любого другого четкого ориентира, кроме реки, что течет вспять в мертвый Каспий, в отсутствие какой бы то ни было цели, стоящей пред ним.

Итак, чему иному посвятила себя большая часть человечества, кроме как констатации своей несовместимости с миром? Именно это и составляет и славу ее, и муку.

Ничего не поделаешь, человечество избегает страдания только для того, чтобы впасть в скуку. Достаточно ему внимательно посмотреть вокруг себя, чтобы убедиться — ничто из реально существующего не способно удовлетворить его.

Лишь на востоке от всего находим мы настоящий уровень человеческого познания! Мне, небесному мореплавателю, нужно было найти горизонт тяжелой ртуты, чтобы, исходя из него, строить свои наблюдения.

Вот почему, повинуюсь зову апостола Павла, я покинул Афины, о как отвратительны мне были все тамошние академии и сама святая Минерва, богиня всяческих профессоров!

Я не направил свои стопы на восток Европы.
Мне стало внятно — чтобы спасти Европу, слить в единое тело этот огромный летучий корабль, что бьет по волнам своими бесформенными крылами, пытаюсь оторваться от земли, сбросить с себя всю эту кучу грязи и найти дорогу,

Мне нужен нос корабля, крайняя точка, именно там мне пристало остановиться: впереди меня — лишь звезды, а позади — весь земной мир.

И чтобы вести людей через океан и ночь, какой фонарь согдится лучше, чем моя отрубленная голова⁴⁵ в моих руках?

Занимает свое место на пьедестале.

ДОНЬЯ МУЗЫКА

Господи, ты еси!

Господи, пребудущий вечно, я дарю тебе мое дитя!
О боже, он бьется во мне, и я знаю, что он существует!

Что мне все окружающее, если я знаю, что мой ребенок во мне стал плотью?

В нем я приумножусь, подобно зерну в пшенице, что насытит целые народы, в нем я сольюсь и протяну отовсюду руки свои народам, что еще не с нами.

Пусть почувствуют они мою плоть в их плоти, и в их душе — мою душу, что не укоряет ни в чем Господа, но благодарит и истово славит *“Аллилуйя”*!

Что мне хаос и горечь сегодняшнего дня, если в том начало нового, потому что

Будущее существует, потому что продолжается жизнь, бесконечное разрушение через нас неисчерпаемых запасов творения,

45 Сен-Дени, или святой Дионисий, епископ Афинский, по велению папы отправился проповедовать в Галлию, где был арестован и приговорен к смертной казни. По преданию, обезглавленный святой взял свою отрубленную голову и пошел по направлению к тому месту под Парижем, которое сейчас и называется Сен-Дени. Святого Дени принято изображать обезглавленным, с головой в руках.

Ведь никогда не прекращается движение руки, которой Господь пишет нами в вечности,

Проводя линии то короткие, то длинные, со всеми запятыми, до последней, самой неразличимой точки,

Книгу, что обретет смысл, лишь когда будет полностью закончена.

Так и искусство поэта состоит в том, чтобы образ из последней строфы вдруг разбудил мысли, дремавшие в начале поэмы, вдохнул жизнь во множество фигур, наполовину законченных, что словно только и ждали этого зова.

Все разрозненные движения, я знаю, сольются однажды в согласный аккорд — их теперь уже набралось достаточно, чтобы звучать диссонансом.

Господи, молю тебя, сделай так, чтобы плод чрева моего, этот ребенок во мне, которого я посажу на престоле здесь, в центре Европы, стал бы творцом музыки, и пусть радость входит в души тех, кто будет слушать его.

Входит святой Адлибитум⁴⁶, впереди него — своего рода Нимфа с зелеными волосами, в которые вплетены стебли тростника, в руках у нее позолоченное весло.

СВЯТОЙ АДЛИБИТУМ

Европа спит под снегом, ах, она заслужила этот короткий промежуток покоя.

Вскоре вновь соберет она свои силы, и в неисчерпаемом возобновлении почувствует, как отовсюду поднимается в ней неисчерпаемая тяга к морю.

Я люблю эту страну истоков, где каждая капля воды, падая, колеблется в выборе между многочисленными

46 Вероятно, от латинского Ad Libitum — по выбору исполняющего, что означает свободу выбора священником в этот день молитвы из требника для совершения службы. Адлибитум — своего рода святой без имени, по вашему усмотрению.

косогорами, но среди них есть один источник, который мне особенно дорог.

Все реки текут к Морю, что подобно Хаосу, и лишь Дунай течет в Рай.

Напрасно говорят нам, что на этих землях остались лишь пустыня, да нагромождения гор, столь высоких, что сразу становится ясно — они превосходят человеческое измерение.

Несомненно, Первозданный Рай должен был быть уничтожен, как поступают с проклятым городом, после которого перекапывают землю, где он стоял, а подступы перекрывают камнями, подобно сердцу, что опустошается покаянием.

Само место, во всяком случае, осталось по сей день свободным и незанятым, там дует Божий ветер, и никогда человеку не суждено было вновь обосноваться там.

Но именно там — Отчизна, ах, какое несчастье, что некогда нам пришлось покинуть тебя! Но и поныне оттуда приходит к нам солнце и весна!

Там цветет роза! Туда с невыразимым блаженством стремится мое сердце, в тех краях с превеликими восторгами слушает оно пение соловья и кукушки!

Ах, там хотелось мне жить! Туда стремится мое сердце!
Направляется к пьедесталу.

СЦЕНА II

Дон Фернандо, дон Леопольд Август

*В открытом море. 10° северной широты
и 30° западной долготы.*

*Задник сцены представляет собой голубую карту,
размеченную линиями долготы и широты.*

*Дон Фернандо, дон Леопольд Август, оба одеты в черное,
короткие плащи-мантелеты, маленькие фрезы
вокруг шеи и высокие остроконечные шляпы.
Они облокотились на поручни и вглядываются в море.*

ДОН ФЕРНАНДО

Море усеяно малюсенькими островами, украшенными белым плюмажем.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Говорят, что мы оказались посреди миграции китов, кстати, капитан сказал мне, что кит — вулгарный термин, которым обозначают обычно этот вид млекопитающих, *setus magna*.

Голова их подобна полой горе, переполненной жидкой спермой⁴⁷, в уголке челюстной кости обнаруживается маленький глаз, не больше пуговицы на жилете, а ушной проход такой узкий, что туда не просунуть даже карандаша.

Вы находите все это приличным? Да это просто возмутительно! Я назову это буффонадой! Подумать только, что природа переполнена такого рода абсурдными, возмутительными, чрезмерными созданиями!

Ни малейшего здравого смысла! Никакого чувства пропорций, меры и честности! В самом деле, просто не знаешь, куда и посмотреть.

ДОН ФЕРНАНДО

Именно! Вот один образчик, повернулся вертикально, как башня, и вращением хвоста поворачивается вокруг своей оси, доставая до горизонта. Будто ему это ничего не стоит!

Сады Фетиды всегда полны колокольцами, пузырями, бьющими фонтанами и другими гидравлическими фантазиями,

⁴⁷ Spermaseti — спермацет, так называют белое вещество в голове кита.

Как и сады Аранхуэса в течение пятнадцати дней в году, когда дожди позволяют, наконец, осуществиться замыслу их архитектора.

Прости Господи, вот один из этих монстров перевернулся на бок, а детеныш прицепился к его вымени,

Подобно островку, задумавшему завоевать гору!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Возмутительно! Отвратительно! Скандально! Тут, прямо на моих глазах, рыба сосет, как младенец!

ДОН ФЕРНАНДО

Это большая заслуга вашего Великолепия — подвергать себя таким неприличным встречам,

Покинув свою благородную кафедру в Саламанке, откуда вы повелевали великим множеством студентов.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Любовь к грамматике, сеньор, меня как бы похитила и вознесла!

“Но бывает ли чрезмерной любовь к грамматике?” — сказал Квинтилиан.

ДОН ФЕРНАНДО

Квинтилиан так сказал?

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Дорогая грамматика, дивная грамматика, дочь, супруга, мать, возлюбленная и кормилица всех профессоров!

Каждодневно я открываю в тебе новые красоты!

На все способен я ради тебя!

Воля всех школьных схоластов⁴⁸ Испании поддержала меня! Скандал перешел все границы! Мне пришлось пасть в ноги к королю!

⁴⁸ У Клоделя дословно *écolâtre* — от лат. *scholaster, -tri* — принадлежащий школе. Монах или другое духовное лицо, возглавляющее школу при католическом монастыре, аббатстве или храме.

Что происходит, спрашиваю я вас? Что происходит с кастильским языком? Вся эта солдатня, по-разбойничьи нагишом брошенная в этом отвратном Новом Свете,

Они что, собираются придумать язык для своего обихода и удобства, не спрашивая мнения тех, кто на вечные времена получил патент и привилегию на разработку способов выражения?

Язык без профессоров — это все равно что правосудие без судей или контракт без нотариуса! Какая ужасная вольность!

Мне дали почитать их письменные работы, я хочу сказать отчеты, докладные записки, депеши, как у них говорится. Я не переставал исправлять ошибки!

Самые благородные слова нашей речи, употребленные в новых и, что еще более ужасно, вульгарных значениях!

Слова, которых не найдешь ни в одном лексиконе, это что, язык тупи? Или ацтеков? Или особое арго банкиров и военных?

И оно распространяется повсеместно без всякого стыда, подобно вторжению карибов, украшенных перьями, на наш университетский совет в разгар присуждения ученых степеней!

А их манера соединять идеи! Ведь синтаксис, чтобы их соединить, выработал множество благородных оборотов, позволяющих этим идеям постепенно сблизиться и познакомиться.

А эти злодеи лезут напролом, не разбирая дороги, и когда не умеют одолеть трудности, просто-напросто через них перескакивают.

Вы находите это допустимым?

Благородный сад нашего языка превращается в загон для овец, ярмарочную площадь, его топчут во всех направлениях!

Они говорят, что так удобнее! Удобнее! Удобнее! У них только это слово на устах, посмотрим, посмотрим, как я им влеплю “ноль” за их “удобнее”!

ДОН ФЕРНАНДО

Вот что значит для страны позабыть свои традиции!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Традиция, вот именно, вы нашли точное слово!

Сразу чувствуется, что вы заглядывали в книги нашего основательного Педро, как мы его зовем, оплот Саламанки, профессор Педро де лас Вегас, что крепче любого известкового раствора!

“Традиция, в ней все!” — учит этот мудрый галисиец! Мы живем, опираясь на оставленное нам наследие. Нечто, что продолжает существовать вместе с нами и что мы, в свою очередь, должны продолжить.

Однако, спрашиваю я вас, в чем заключается традиция Испании? Она сводится к двум именам — Сид Кампеадор и святой Исидор Землепашец⁴⁹, война и сельское хозяйство.

Извне — неверные, внутри — наше родное поле сухого гороха.

Так зачем же, спрашивается, понесло нас на море? Что мы ищем на этих землях с бессмысленными названиями, без которых прекрасно обходились наши предки, а теперь наши идальго только заработали себе прозвища скоблильщиков кожи и жевателей кашу⁵⁰?

49 Святой Исидор, или Исидро Землепашец, покровитель Мадрида.

50 Смола кашу (или катеху), добываемая из плодов пальмы арека, — один из основных компонентов наркотической смеси бетель, обычай жевать который традиционно распространен в странах Юго-Восточной Азии. Название “бетель” происходит от бетелевой пальмы, в листья которой заворачивают смесь. Впервые подробно описали обычаи подавать и жевать бетель португальцы, добравшиеся до побережья Индии в 1498 году.

Разве славный кастилец, взяв нас за руку, привел за море к нашему заходу Солнца?

Нет, генуэзец⁵¹, чужак, авантюрист, безумец, романтик, одержимый, с головой, набитой пророками, лгун, интриган, спекулянт, невежда, даже не умеющий ориентироваться по карте, ублюдок турка и еврейки!

А тот другой, мало ему было открыть новую землю, нет, он вбил себе в голову еще открыть нам новый океан, как будто одного недостаточно с наших бедняг боцманов,

И каково же имя этого другого, я вас спрашиваю? Магальяйнш! Magellanus quidam!

Предатель португалец, без всякого сомнения, был подкуплен государем сего коварного народа, чтобы сбить нас с пути.

И все это, вместе взятое, чтобы отнять уважение перед начальством у вульгарного отребья, никого не оставить в неведении насчет того, что земля круглая и что я,

Король Испании, дамы, профессора из Саламанки, мы все ходим головой вниз, как мухи на потолке!

ДОН ФЕРНАНДО

Если бы этим только ограничивалась наглость злоумышленников! Не довелось ли вам недавно прослышать о слухах, касающихся идей то ли славянинского, то ли татарского попаки, некоего Берника, или Борника, каноника из Торна..

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Подождите-ка! Не идет ли скорее речь о Туре во Франции, иначе говоря, о Туронибусе, где архиепископом был святой Мартин, а типография Мам изготавливает молитвенники?

ДОН ФЕРНАНДО

Да нет, речь идет о Торуни в Швейцарии, где все говорят по-польски.

51 Речь идет о Христофоре Колумбе.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Для меня все одно. Вечно эти варварские страны по ту сторону Пиреней, добрый испанец краснеет лишь при мысли об их названиях.

Франция, Германия, Польша, всегда одни и те же туманы с той стороны гор спускаются к нам время от времени, чтобы смутить наш светлый испанский гений.

Ну, и что говорит Берник? Говорите без обиняков, благородный господин. Я приготовился ко всему. Ну же, я вас слушаю.

ДОН ФЕРНАНДО

Он утверждает — я едва ли осмелюсь произнести столь нелепую мысль, — Земля, — он утверждает, что не солнце вращается вокруг Земли, но Земля...

Усмехается, прикрыв лицо перчаткой.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Закончите, Земля вращается вокруг Солнца. Нет ничего сложного, достаточно занять позицию противоположную тому, что думают большинство порядочных людей.

Именно таким образом, за недорого достигается жалкая репутация оригинала.

К счастью, время от времени фарс заходит слишком далеко. Чтобы убедиться, что на самом деле именно солнце вращается вокруг земли, достаточно всего лишь раскрыть глаза. Нет нужды в вычислениях, хватит нашего крепкого испанского здравого смысла.

ДОН ФЕРНАНДО

Ненавижу этих сочинителей всяких теорий. Раньше такие вольности не позволялись.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Хорошо сказано, кабальеро! Следовало бы принять законы для защиты приобретенных знаний.

Возьмите хоть пример одного из наших славных учеников — скромный, прилежный, он уже с класса грамматики начал вести тетрадку для записи всяких изречений,

И потом двадцать лет кряду жадно внимал каждому слову преподавателей, чтобы, наконец, скопить для себя своего рода интеллектуальное состояние: в самом деле, разве эти накопления не принадлежат ему точно так же, как принадлежали бы дом или деньги?

И в тот момент, когда он уже готовится насладиться плодом своих трудов и в свою очередь занять профессорскую кафедру,

Появляется какой-нибудь неизвестный Борниш или Критуфель, любитель, невежа, ткач, представляющийся моряком, каноник, нахватавшийся по верхам математики, и все летит к черту,

Потому что он говорит вам, что земля, оказывается, круглая, и то, что недвижно, в самом деле движется, а то, что движется, напротив, недвижно, и вся ваша наука не больше, чем солома, и вам снова надо возвращаться в школу!

Ну, и что же мне тогда прикажете делать со всеми теми годами, что я провел в изучении системы Птолемея, на что она мне теперь, скажите на милость?

Я повторяю, все эти люди — преступники, бандиты, враги государства, настоящие воры!

ДОН ФЕРНАНДО

И может быть, просто сумасшедшие.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Если они сумасшедшие, пусть их держат взаперти! А если они нормальные, пусть расстреляют! Вот мое мнение.

ДОН ФЕРНАНДО

Я всегда слышал от моего покойного отца рекомендации опасаться новшеств.

“И к тому же, — тотчас добавлял он, — никаких новшеств и нет, что, в самом деле, может быть нового?”

Я бы еще больше укоренился в таком мнении, если бы не чувствовал за этим какую-то в своем роде нечестность, что-то здесь все-таки не до конца сходится.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Это оттого, что вы зашли слишком далеко и плохо читали труды нашего основательного Педро.

Нет, нет и нет, какого черта, невозможно вечно мариноваться в одном соку!

“Я люблю все новое, — утверждает благородный Педро, — Я вовсе не педант. И не ретроград.

Пусть подадут мне “нового”. Я люблю его. Я требую его. Я хочу “нового” любой ценой”.

ДОН ФЕРНАНДО

Вы меня пугаете!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

“Но какое именно “новое?” — добавляет он. — То “новое”, которое являлось бы законным продолжением нашего прошлого. Новое, но не чужеродное. Новое, которое являлось бы продолжением нашего родного ландшафта.

Новое, повторю еще раз, но так, чтобы оно в точности напоминало старое”.

ДОН ФЕРНАНДО

О, благородный Гипускоанец! О, золотые слова! Я запишу их для памяти.

Новое, повторю еще раз, но так, чтобы оно в точности напоминало старое.

Счастливое противопоставление взаимоуравновешиваемых терминов! Приправа к нашей кастильской мудрости! Плод почвы, глубоко проникшейся классической культурой! Лоза наших невысоких плоскогорий!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Вот что значит ум, проникшийся гибким методом нашего университета!

Мне нужны люди, подобные ему, решительно оставшиеся в естественных наших границах, границах богоданной Испании!

Высказать вам мою точку зрения до конца? Испания самодостаточна, Испании нечего ждать от остального мира.

Что еще можно добавить к нашим испанским добродетелям? К нашему чистому испанскому гению? К красоте наших женщин, к плодам нашей земли, к привлекательности нашей коммерции?

Увы! Если бы только наши соотечественники лучше знали самих себя, если бы оценивали себя по достоинству, если бы отдавали себе отчет во всех благах, подаренных нам небом!

Но у них есть огромный непростительный недостаток,

Это проклятое пристрастие все время умалывать свои достоинства и говорить плохо о себе самих!

ДОН ФЕРНАНДО

А разве я сам множество раз не страдал от этого пагубного дара все критиковать! Он никого не щадит, даже моего прославленного родственника, Вице-короля Индий, к которому я как раз сейчас и направляюсь.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

А я и не знал, что дон Родриго — ваш родственник.

ДОН ФЕРНАНДО

Он, если хотите, не мой прямой родственник, но скорее мой союзник,

Союзник, если так можно выразиться, по крови.

(Скромно усмехается.)

В самом деле, ни для кого не секрет, что некогда он нанес жениху моей сестры, многообещающему кабальеро дону Луису удар,

Я хочу сказать, оказал ему честь в виде отличного удара шпагой во время мрачной потасовки, которая и его самого едва не отправила утолять жажду из Стикса.

Позднее донья Изабелла вышла замуж за дона Рамиро, коего расположенье Вице-короля быстро возвело в первый ранг,

Вплоть до того, что Рамиро сделался его, так сказать, вторым Его!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Это еще не означает, что он сможет ему наследовать.

ДОН ФЕРНАНДО

Он не думает вовсе наследовать. Мы еще не думаем ему наследовать.

Но он может заставить Вице-короля выслушать свои мудрые советы. Сейчас его долг — проявить себя.

Я привез новости из Мадрида. Вице-король не любим в Мадриде. Слишком давно он уехал! И стал тем человеком по ту сторону моря⁵², по ту сторону мира, что никто уже не помнит ни звука голоса, ни лица.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

А эта его идея связать каналом два моря! Прошу вас, скажите мне, что думают об этом инженеры и банкиры?

ДОН ФЕРНАНДО

Идея совсем не такая уж нелепая. Речь идет, если я правильно понял, о своего рода дороге, по которой с помощью тросов и еще неизвестно каких гидравлических манипуляций

Можно перевести корабли, закрепленные на своего рода платформах, с одного полушария на другое.

52 Цит. по рукописи Bodmer.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Вот куда, оказывается, уходят деньги Испании, в которых мы так нуждаемся в системе высшего образования!

Корабли на платформах, скачущие через горы, хорошенькое дело!

Все в порядке вещей! Все в порядке вещей! Когда ткач притворяется моряком, вице-король прекрасно может сойти за инженера!

ДОН ФЕРНАНДО

Как вы только что заметили, все это означает, что Мадрид получит меньше денег. Выручки из Индий значительно уменьшились.

А жалобы на грабежи и насилия, что поступают к нам со всех уголков Америки! А ужасные бесчинства! А все это множество людей, которых собирают, как во времена фараонов, чтобы бросить на рытье траншей в горах Кулебры.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

От этого мурашки по телу идут.

ДОН ФЕРНАНДО

И все это вместо того, чтобы идти по верной дороге предшественников. Ребенку понятно, что невозможно предпринять ничего нового, не восстановив против себя все уже существующее.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

(высокопарно)

Nemo imprune contra orbem!⁵³

ДОН ФЕРНАНДО

Однако на его стороне король, который любит его и никогда не сместит. Слишком долгое заблуждение признать невозможно.

53 Никто не может безнаказанно противопоставлять себя миру (*лат.*).

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Я чувствую, вы хотели бы добавить еще кое-что.

ДОН ФЕРНАНДО

А что бы вы сказали, если бы Вице-король сам попросил своего увольнения?

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Он сам у себя самого?

ДОН ФЕРНАНДО

Он сам у себя самого от себя самого.

Вытаскивает из кармана бумагу.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Что означает эта бумага?

ДОН ФЕРНАНДО

Вам разве никогда не приходилось слышать о знаменитом *письме к Родриго*?

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Конечно, но я всегда думал, что это своего рода поговорка, или иносказательная история,

Вроде “Дома, что построил Джек”⁵⁴, и Дамоклова меча.

ДОН ФЕРНАНДО

Вот оно. Можете сами прочитать адрес.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Но оно запечатано.

ДОН ФЕРНАНДО

Если бы его вскрыли, оно бы утратило всю значимость.

54 У Клоделя дословно “Дом, который построил Пьер”. Так во Франции переименовали название знаменитой английской считалки.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Как оно у вас оказалось?

ДОН ФЕРНАНДО

От одного монаха, которому передал его некий грешник, повешенный тем же утром.

История письма довольно необычна с того самого дня в Могadore, когда персону, которую вы знаете, отдала его некому беглому каторжнику, который месяц спустя в Палосе,

Спустив все, до последней рубашки, поставил его на кон и, обчистив всю компанию, два часа спустя погиб от удара ножом.

И с тех пор десять лет письмо переходит из рук в руки,

Из Барселоны в Макао, из Антверпена в Неаполь,

Принося тому, кто, как последнюю ставку, выкладывает его на стол,

Успех, за которым следует немедленная кончина.

Самое время доставить его, наконец, адресату.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Но как заранее знать к каким последствиям это приведет?

ДОН ФЕРНАНДО

Что ж, я ставлю на удачу.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Письмо, которое может подтолкнуть его к отъезду,

Вы полагаете, что он примет его из ваших рук без подозрений?

ДОН ФЕРНАНДО

Ситуация в самом деле несколько щекотливая!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Отдайте его мне. Если Вице-король уедет, тем лучше.

Если же он останется, письмо послужит мне прекрасной рекомендацией в глазах его Высочества.

ДОН ФЕРНАНДО

Он сделает вас ректором системы образования, предыдущий как раз только что оочурился.

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Я ощущаю в себе качества настоящего Императора государственного образования.

ДОН ФЕРНАНДО

Вы можете рассчитывать на мою поддержку. Что же касается меня самого,

Вы знаете, что я сочинил несколько небольших произведений и позволил себе отправить в вашу каюту всю подборку,

Когда появится вакантное место в Академии, могу я надеяться занять там кафедру под сенью вашего Великолепия?

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Поговорим о доне Рамиро.

СЦЕНА III

ВИЦЕ-КОРОЛЬ, АЛЬМАГРО

*В открытом море на широте Ориноко.
Мостик флагманского корабля. Вдали видна
земля с богатыми плантациями, откуда
поднимается столб дыма: форт, возвышающийся*

*над факторией, и множество поселений,
все в огне. Низкое небо, застеленное дождевыми
тучами. На море — несколько кораблей,
стоящих на якоре или уже готовых к отплытию.
К кораблям причаливают переполненные
шлюпки с жителями разграбленных
поселений.*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ (РОДРИГО)

Альмагро, вы будете повешены.

АЛЬМАГРО

Я требую сначала суда, и потом, если меня признают виновным,

Пусть отрубят голову, как и подобает дворянину.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Тебя повесят, как и подобает предателю.

АЛЬМАГРО

Я не предатель. Я защищал от вас достояние короля, земли, открытые мною и принадлежащие только ему.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Достояние короля — это послушание его сыновей.

АЛЬМАГРО

Не послушанием создал я здесь новый Карфаген!

И не ваши деньги были у меня в кармане, когда я начинал, но мои и моих друзей

И те, что я честно добыл, со шпагой в руках, и те, что забрал из карманов моих врагов!

Когда я первым высадился на эти берега среди москитов и кайманов, то вовсе не для того, чтобы доставить вам удовольствие.

Эта бешеная страсть, которая двигала мною, через жару, голод, болезнь, нескончаемую пытку насекомыми,

не другой вселил ее в меня. Я следовал лишь моей собственной мечте.

Когда я копал каналы, вбивал сваи, когда строил мосты, склады и мельницы, когда поднимался по рекам, продираясь сквозь непроходимые леса,

Да, в те дни, когда я шел один, вперед, как маньяк, как идиот, без хлеба, без воды, оставляя за спиной лишь мертвых,

Когда я договаривался с дикарями, когда выгружал на свои плантации целые суда с неграми, которых я отбивал морским разбоем, когда я делил земли среди моих сыновей,

Не другой давал мне письменные приказы, это было таинство между мной и Богом, священная жажда, которую он вложил в мое сердце.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Тогда объясни-ка мне, Альмагро, кто подталкивал тебя? Какую выгоду и какое благо надеялся ты получить от того, что ты совершил?

АЛЬМАГРО

Я не знаю. Я никогда об этом не думал. Это как инстинкт, который бросает тебя на женщину.

Меня не подталкивали, а скорее, я бы сказал, было нечто впереди, что тянуло меня.

Мне надо было овладеть этой землей, войти в нее. Это было необходимое начало чего-то.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(указывая на землю)

Смотри. Она уничтожена.

АЛЬМАГРО

(долго созерцая ее)

Она уничтожена.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Тина заполнит твои каналы. Звери опустошат твои плантации. Джунгли быстро разрастутся. Это конец.

И в два года здесь не останется и следов от трудов и имени Альмагро.

АЛЬМАГРО

Всегда печально видеть, когда рушится старое. Но какую радость получаете вы, уничтожая это новое творение, которое только начинало жить?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Верно, я получаю радость оттого, что вижу, как огонь пожирает твоё творение. Даже если бы оно было еще ничтожнее, я бы все равно разрушил его.

Да, я получаю радость оттого, что уничтожаю творение, которое позволило себе существовать помимо меня.

АЛЬМАГРО

Вы никогда не понимали меня.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

А кто же способен был понять тебя лучше? Кто пристальнее наблюдал за тобой в течение этих десяти лет, кто больше желал тебе добра? Я даже затеял нечто подобное во Флориде.

И учился всему у тебя. Да, я даже иногда тайком помогал тебе, так что ты об этом не знал.

Я ценил твоё мужество, твоё здравомыслие, твоё глубокое усердие, твою справедливость по отношению к индейцам и неграм,

Твою проклятую гордость, твою ненависть ко мне, твою несправедливость ко мне, да, может быть, это я и любил в тебе больше всего.

Пауза.

АЛЬМАГРО

В вашем распоряжении вся Америка, разве нельзя было оставить мне этот уголок Ориноко?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

И Ориноко тоже принадлежит мне, и так получилось вдруг, что оно мне тоже понадобилось.

Мне необходимы были рабочие руки, Альмагро, у меня не было выбора.

АЛЬМАГРО

Для этой химерической дороги между двумя морями в Панаме?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Не суди о том, чего не можешь понять.

Тебе дано было создать лишь этот край, а мне — новый мир.

АЛЬМАГРО

А я думаю, что вы ревновали беднягу Альмагро.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Ты прав.

И это ты мне говорил только что, будто я не понимаю тебя!

Если бы я не понял твое творение, как мог бы я ревновать?

АЛЬМАГРО

Как можно понять то, что не любишь?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

А как любить твое дурацкое творение, если оно встало на пути того единственного, чего я желал?

АЛЬМАГРО

Чего же?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Твоей дружбы, Альмагро.

АЛЬМАГРО

Дружбы человека, которого вы собираетесь повесить?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Сын мой, неужели ты мог принять всерьез эту шутку?

Еще чего! Убить моего Альмагро? Отрезать мою правую руку? Уничтожить такого соперника, над которым каждый день можно одерживать победу,

Предложив ему место рядом со мной, почти равное моему!

АЛЬМАГРО

Я не хочу служить вам.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Несчастье в том, что у меня нет другого выхода, кроме того, что ты будешь служить мне.

АЛЬМАГРО

Я никогда не знал, что это значит — служить другому.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Ты увидишь, как этому интересно поучиться.

АЛЬМАГРО

Я предпочитаю быть повешенным.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Так-то ты оценил честь, которую я оказываю тебе, лично занявшись тобой?

АЛЬМАГРО

Я не просил вас ничего иного, кроме как оставить меня в покое там, где я был.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Это вздор, ты знаешь лучше меня, что все твои действия имели единственной целью бросить мне вызов и спровоцировать меня.

АЛЬМАГРО

Без сомнения, я смог бы добиться большего, будь у меня ваши возможности.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

И ты хочешь, чтобы я оставил подобного человека на берегах Ориноко?

АЛЬМАГРО

Если вам нужна только моя ненависть, я ваш.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Ненависть может завести тебя слишком далеко, Альмагро!

Сколько людей погибло, сожалея о том дне, когда они возненавидели меня!

АЛЬМАГРО

Вы человек несправедливый и жестокий.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Если бы я не был бы несправедливым и жестоким, ты бы не любил меня так.

АЛЬМАГРО

Жаль, что у меня нет оружия под рукой, чтобы я мог отплатить за вашу насмешку!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я как раз и хочу дать тебе это оружие.

Посмотрите-ка на этого непослушного ребенка, который хотел покусать меня, потому что я задел ногой его оловянных солдатиков,

Тогда как он должен был отблагодарить меня за то, что я поехал за ним аж на побережье его грязного Ориноко.

Альмагро, ты ошибся на сто лет. Через сто лет можно будет взяться за плуг, теперь же мы должны еще потрудиться мечом.

Позволю ли я и дальше моему льву пастись в лугах, как травоядному животному?

Там, где заканчивается моя Америка, там, где, устремляясь к Полюсу, она заостряется, как стрелка компаса, вся содрогаясь в магнетическом притяжении,

Там страна, которую я приготовил тебе. Надевай кирасу, Альмагро! Пристегивай шпагу на бедро! Разве время сейчас обрабатывать землю, когда впереди ждет тебя Империя из чистого золота и стынут в антарктической ночи чудовищные укрепления, которые ты должен брать штурмом.

И когда дойдешь ты до предела мира, он станет и твоим собственным пределом.

Тебе предназначено закрыть врата Неизвестного и сквозь бури и землетрясения поставить слово Конец в приключении Колумба.

За линией, которую я укажу тебе на карте, бери все и постарайся удержать, если сможешь.

В Панаме целая куча бешеных юнцов и отчаянных стариков ждут тебя. Я сам выбрал их для тебя.

Когда ты положишь их добрую половину, с другой ты войдешь в проклятый храм дьявола,

Ты пройдешь по костям уничтоженных народов, ты оторвешь золотые плиты от статуи Вицлипуцци.

И не бойся, что когда-нибудь у тебя не останется врагов. В тумане, в лесу, на извилистых тропах страшных гор, я тебе приготовил их про запас, так что хватит до смерти.

Я хочу, чтобы ты умер не в постели, но сокрушенный несколькими могучими ударами, один, на вершине мира, на какой-нибудь нечеловеческой высоте, под черным небом, полным звезд, на Великом Плато, откуда берут начало все реки, в центре страшного Плато, что день и ночь разрушается планетарным Ветром!

И никто никогда не узнает, где тело Альмагро ждет встречи с Богом.

АЛЬМАГРО

Вы предлагаете мне всю Индию к югу от Лимы?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Она там, и ждет тебя.

АЛЬМАГРО

Я согласен. Тем хуже для вас.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Возьми этот кусок моей Америки, Альмагро. Схвати ее за хвост. Я буду следить за тобой.

Если тебе не хочется любить меня, ты можешь заранее ковать свою ненависть. Я постараюсь, чтобы у тебя не было недостатка в поводах.

СЦЕНА IV

ТРОЕ ЧАСОВЫХ

Ночной дозор на крепостной стене Могадора.

В просветах между бойницами можно видеть переливающееся в лунном свете море.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Слушай! Снова начинается.

ВТОРОЙ

Я ничего не слышу.

ТРЕТИЙ

Можно не опасаться, что мы услышим сегодня еще что-нибудь. Господи! Я и так сыт по горло. О-ля-ля! Ну и крик же он испустил.

ВТОРОЙ

Так кричат, когда уже затронули самую фибру.

ПЕРВЫЙ

Какую фибру?

ВТОРОЙ

А это уже — дело палача. У одних она вот тут, у других — вон там. Ну чего говорить, фибра, и все тут.

ТРЕТИЙ

Теперь с доном Себастьяном покончено. Ему теперь начхать на это.

ПЕРВЫЙ

De profundis⁵⁵.

ВТОРОЙ

Святой Иаков, изображение которого он всегда хранил при себе, уж поможет ему перейти загробную таможню.

ТРЕТИЙ

Бедный дон Себастьян!

ПЕРВЫЙ

Не называй имена.

ТРЕТИЙ

Да и в самом деле он нас грязно предал.

55 Из глубины (*лат.*). — “Из глубины взываю к тебе, Господи” (Псалтирь, 129, 1).

ВТОРОЙ

А что ему делать-то было? С той поры, как эта проклятая сука Пруэз...

ПЕРВЫЙ

Кому сказал, не называй имена!

ВТОРОЙ

... с того момента, как наша старуха вышла замуж за нашего старика, ему пришлось сматываться. Куда лучше, как не к туркам?

ТРЕТИЙ

Я бы, черт побери, тоже так поступил, если бы мог.

ПЕРВЫЙ

Не ори так! Ты же знаешь, что наш старик любит прогуливаться ночью. И хотя поверх белого он всегда надевает черный плащ, его все равно видать. Глаза у него блестят, как у кошки.

ТРЕТИЙ

Ничего, надейся, я еще прижму его как-нибудь в теплом месте. Будь я тогда мелкой рыбешкой, если не всажу ему пулю!

ВТОРОЙ

(хватаясь за ружье)

Кто идет?

СЦЕНА V

Хозяйка меблированных комнат,
дон Леопольд Август.

Совершенно очевидно, что мы не можем далее отказывать воображению наших зрителей этот ряд окошек, наверху, под колосниками, отштукатуренных в приятно розовый

или голубой цвет, типичный для Генуи, которые для нужд местного колорита мы перенесли в Панаму. Каждое окошко украшено связками стручкового перца и чеснока. Посредине небольшой балкон.

Телесное присутствие дона Леопольда Августа сведено к его куртке, привязанной инурками к верху штанов, подвешенной на крючок удочки и надутой воздухом.

Впрочем, это не мешает ему раскачиваться на привольном послеполуденном бризе в своего рода танце, величавом и игривом одновременно.

ХОЗЯЙКА

(выбивая палкой пыль из дона Леопольда Августа)

Пам! Пам! Пам!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

(на каждый удар отвечает фонтаном пыли)

Пуф! Пуф! Пуф!

ХОЗЯЙКА

(бьет снова и снова)

Пам! Пам! Никогда бы не подумала, что в ученом может быть столько пыли. Пам! А ну-ка, получи еще, старина Филипп Август!

Не повезло, однако. Два дня в Панаме, и — как! Всего-то успел снять шляпу да оттереть пот,

И вот нате вам, стрела лучника Аполлона, как сказал бы наш секретарь мирового судьи,

Уложила его, всего почернелого, на мостовой. Еще один, которому письмо к Родриго не принесло счастья!

Так чего же так усердствовать и хранить его?

Отдай его мне, Леопольд! Позволь ему упасть!

Не хочешь? Прошу тебя!

(Еще удар.)

Умоляю!

(Удар.)

Мне обязательно нужно это письмо, чтобы пьеса продолжалась и не зависла так по-глупому между небом и землей.

Посмотри, видишь там внизу — господин и дама ожидают нас, в печали.

Смиренно представляю мое прошение благосклонному вниманию вашего Великолепия.

(Удар.)

Вы скажите, что мне ничего не стоит самой вытащить письмо из этого Филиппа Августа.

Но я не осмеливаюсь. Ведь письмо приносит несчастье.

Предпочитаю чтобы оно само, так сказать, естественным образом упало с него, как слива с дерева.

(Удар.)

Пам, пам и пам! Пам, пам и пам! Пам, пам и пам!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

(трясется, но все еще сохраняет важность)

Пуф! Пуф! Пуф! Пуф! Пуф! Пуф!

Письмо падает.

ХОЗЯЙКА

Наконец-то! Еще один, последний раз, чтобы закончить!

Пам! Пам!

ДОН ЛЕОПОЛЬД АВГУСТ

Пуф!

Сначала задник вместе с Хозяйкой, затем и сам Леопольд Август взвиваются к колосникам.

Показывается верхняя часть декорации с неопределенного вида тропической растительностью. Потом снизу появляются, начиная с головных уборов, лица персонажей, за ними следуют все остальные части тела, затем целиком нарисованные на заднике изображения сцены VI.

СЦЕНА VI

ДОН РАМИРО, ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Сидят на скамейке, оба в черном, в костюмах, строго соответствующих эпохе, похожие на фигуры из колоды Таро. На самом деле это лишь нарисованные на заднике силуэты с отверстиями вместо головы, через которые проглядывают лица актеров.

ДОН РАМИРО

(глухим голосом)

Вице-король больше не любит меня!

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Да что вы! Именно в тот момент, когда он только что вручил вам правление Мексикой,

Королевством в десять раз больше и прекраснее Испании, с рудниками, и плантациями, и нефтью, и выходом в Бесконечность, на Севере;

Я вдруг слышу ваши жалобы: вице-король больше не любит меня?

ДОН РАМИРО

Если бы он любил меня, он не удалил бы меня так далеко от себя.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Но разве не вы сами попросили у него Мексику?

ДОН РАМИРО

Я позволил вам просить его.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Тогда отчего вы мне позволили просить его?

ДОН РАМИРО

Я позволил вам просить его, чтобы убедиться.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Убедиться в чем?

ДОН РАМИРО

В доверии, которым вы пользуетесь у его Высочества.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Лучше уж обвините собственный ревнивый и неуравновешенный нрав,

Эту вашу меланхолию, которая заставляет вас задираться и навлекать на свою голову именно то, чего вы боялись больше всего.

ДОН РАМИРО

Вы ему нравитесь больше, чем я.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Разве я этого хотела? И вы полагаете, что у меня есть веская причина любить его, когда именно ему я обязана честью быть вашей женой?

ДОН РАМИРО

Вы правы. Оставьте меня теперь, я хочу поразмышлять над этим текстом в одиночестве.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Он не любит меня!

ДОН РАМИРО

Однако мы знаем, что в любой час вы можете войти к его Высочеству.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Как и его собаки. Сколько раз мне привелось входить и выходить, а он даже не обратил внимания! Он слушает меня, только когда я пою.

ДОН РАМИРО

Стоило вам лишь намекнуть, что ваше здоровье требует

высокогорного климата, и на следующий же день он предложил мне Мексику.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Да, в этом-то и заключается его странное безразличие. Подумать только, накануне он вел себя со мной так доверительно и непринужденно. Родриго — и почти ласковый! А потом достаточно было произнести одно слово!

Справедливости ради, я должна сказать, что никогда бы не поверила, что он меня отпустит с такой легкостью.

ДОН РАМИРО

Вы здесь ни при чем. Это я оскорбил его.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Вечно эта болезненная подозрительность!

ДОН РАМИРО

Ах, я не могу вынести мысль, что он презирает меня.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Сколько раз я слышала, как вы обвиняли и проклинали его.

ДОН РАМИРО

Один его взгляд, одна его улыбка заставляли меня все забыть!

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Вы полагаете, что вы и я ему совершенно безразличны?

ДОН РАМИРО

Я знаю только, что жизнь без него невозможна!

Когда он останавливает на мне свой глубокий взгляд, когда я замечаю, что он смотрит на меня, во мне будто происходит нечто, заставляющее меня встать навытяжку. Господь дал ему своего рода право и власть надо мной, так что то, что он просит у меня, тотчас перестает мне принадлежать.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Что же вам теперь делать?

ДОН РАМИРО

Я должен был попросить у него пост директора строительства Королевских дорог. Только это затронуло бы его сердце.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Почему же он вам сам не предложил его?

ДОН РАМИРО

Я сам должен был предложить. Он этого ждал.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Вы сошли с ума, о должности, на которой наверняка умрешь через несколько месяцев, вы должны были его просить как о милости?

ДОН РАМИРО

Ах, как я упрекаю его в том, что он слишком серьезно отнесся к минуте слабости!

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Какой слабости?

ДОН РАМИРО

Одна, одна-единственная минута слабости! Ах! Я упрекаю себя в том, что позволил вам попросить у него Мексику!

Почему он ведет себя так непредсказуемо и безжалостно? Хватит и того, что он отдал этот пост в Панаме другому.

Почему он меня презирает до такой степени? Что я сделал, чтобы он посчитал меня неспособным отдать мою жизнь ради него?

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Мне тоже следует умереть?

ДОН РАМИРО

Вы могли бы вернуться вместе с детьми в Испанию.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Я вижу, как я мало значу для вас по сравнению с ним.

ДОН РАМИРО

Вы в моей власти, а я — в его.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Ну что ж, я тотчас иду к нему и скажу, что вы отказываетесь от Мексики.

ДОН РАМИРО

Бесполезно. Он не прощает людям, которые ему служат, колебаний.

Тем, кто, как я, имели возможность хорошо узнать его. Он меня отбросил, все кончено. Он не любит тех, кто раскаивается.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Он тебя отбросил? Мы тоже его отбросим.

Настало время тебе жить собственным умом. Достаточно долго ты уже был околдован и пленен этой зловредной звездой.

Рамиро, я не люблю вас, но я глубоко с вами связана. Мы не поедem в Мексику.

Мы вообще никуда не уедем, это он должен уехать. Нужно, чтобы Родриго исчез, вообще перестал существовать здесь.

А место его должен занять ты.

ДОН РАМИРО

Как, отобрать у него Америку? Да это все равно что украсть у него даже больше, чем жену.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

А что вы скажете, если он сам ее покинет?

ДОН РАМИРО

Он нас не покинет. Он с нами навсегда. Я верю в него.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Боже Всевышний! Отчего нет у меня письма к Родриго!

ДОН РАМИРО

Того письма, что ваш брат привез из Испании?

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

И отдал из суеверия этому дураку,
Которого солнечный луч угасил сегодняшним утром.

ДОН РАМИРО

Лучше было бы, если бы письмо потерялось.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Вы опасаетесь испытания для вашего кумира?

ДОН РАМИРО

Я ничего не боюсь!

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Отдайте только мне письмо к Родриго

Письмо падает.

*Его подбирает рабочий сцены и помещает перед глазами
дона Рамиро.*

ДОН РАМИРО

Возьмите его, сеньора. Оно перед вами.

СЦЕНА VII

Дон Камильо, Служанка

Могадор. Шатер у самого берега океана, прямо на песке.

Внутри — спальня, слабо освещенная подвешенным

*к потолку светильником. Пол застлан коврами.
В глубине — драпированный полог из легкого газа.*

ДОН КАМИЛЬО

(вполголоса)

Донья Пруэз здесь?

СЛУЖАНКА

Она отдыхает и запретила мне будить ее.

ДОН КАМИЛЬО

Откройте полог. Я хочу отдать ей эту бусинку из ее четок,
которую она потеряла. Я провел весь день в поисках. Вот она.
*(Служанка приоткрывает полог. Видна донья Пруэз,
возлежащая на низком ложе. Светильник слабо освещает
вытянутую руку и открытую ладонь.)*

Она вытянула руку, как будто приготовилась получить
эту водную каплю, что я принес ей.

*Он вкладывает бусинку из хрусталя
в ее руку.*

ДОН КАМИЛЬО

Как странно! Мы одни под этим шатром, и однако же мне
все время кажется, что он заполнен еще неисчислимым
множеством.

*Слышна одна-единственная настойчивая
музыкальная нота.*

Так же, как это случилось со мной когда-то в Атласских
горах, где я встретился с отшельником-марабу, который
принял меня в комнате без света.

Я думал, мы с ним одни, но, пока я говорил, мне
неожиданно показалось, что комната наполнена
невидимой и плотной толпой, которая слушала меня, не
издавая ни единого звука.

Уходит.

СЦЕНА VIII

ДОНЬЯ ПРУЭЗ, спящая; АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я снова нашла потерянную бусинку! Одна бусинка.
Но из-за нехватки одного этого зернышка разрывается
внутренняя связь молитвы.

Я снова нашла тебя, утерянное мной число⁵⁶.
Прозрачный камешек. Я сжимаю тебя в своей руке.
Застывшая слеза. Нерушимый алмаз. Бесценный жемчуг.
Вновь обретенные воды.

Та капля воды, что так жаждал получить богач из конца
перстов Лазаря и что есть за все воздаяние во сто крат.
Упование мое. Семя жизни будущей.

*На экране в глубине сцены появляется
вначале расплывчато, потом все более отчетливо
голубеющее изображение земного шара.*

Но не сказала ли я только что, что держу эту водную
каплю? Тогда как я сама заключена в ней.

Кто-то положил ее в мою руку, эту бесценную
жемчужину, это основное звено, без которого распались
бы четки небес.

И Земля говорит *Аве Мария*.

Как она мала между тысячами городов Иудиных⁵⁷.
Так мала, совсем крошечная. Так мала посреди лавины
света.

56 Nombre, число, по-латыни — calculus, что означает одновременно и число и камешек.

57 Парафраз с книгой пророка Михея, где он говорит о грядущем Мессии: “И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными?” (Михей, 5, 1). Многие исследователи Клоделя обращают внимание на связь между размышлениями Пруэз и библейской Премудростью, в частности отсылают к книге Премудрости Соломона “Весь мир пред Тобою, как колебание чашки весов, или как капля утренней росы, сходящей на землю” (Премудрость Соломона, 11, 23).

Так мала, что ни один неопытный глаз не сумеет найти
тебя, Вифлеем. И все-таки сын Божий не захотел иной
матери, чтобы родиться в мир, и от нее произошло все
остальное.

*Земной шар начинает медленно вращаться, и теперь
можно видеть лишь Океан.*

Я жажду!

Я знаю, возлюбленный мой по ту сторону моря.
Родриго!

Я знаю, мы пьем с тобой вместе из одной чаши. Она —
общий горизонт нашего изгнания.

Это она появляется передо мной каждое утро,
переливаясь в лучах восходящего Солнца,

И когда я опорожняю ее до дна, он, в свою очередь,
получает ее от меня, уже в сумерках.

*Земной шар снова начинает вращаться,
и теперь по линии горизонта, на самом верхнем
изгибе появляется извилистая линия Панамского
перешейка, за которым начинают поблескивать воды
другого океана.*

Между двумя морями, на горизонте Запада,
Там, где совсем тонкий барьер между двумя частями
Континента разделяет его посередине,

Именно там ты обосновался, ибо там находятся те
Врата, что дано тебе было открыть свыше.

На глобусе опять только Океан.

Море! Свободное море!

*Теперь за светящимся экраном появляется тень руки,
которая покрывает все пространство.
Голос Родриго, доносящийся из-за экрана.*

Пруэз!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго! Это я! Я здесь! Я слышу! Я услышала!

Голос Родриго, еще тише, почти неразличимый.

Пруэз!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Зачем удерживать меня на этом уже наполовину не существующем пороге? Зачем не пропускать меня к вратам, тобою же самым открытым?

Как помешать тому, чтобы приняли меня за этим прорванным барьером! То не морские волны в пелене тумана, то неисчислимы полчища Господни приливом устремились мне навстречу!

Та граница, что воды двух морей разъединяет, которые и через преграду стремятся слиться вместе, ужели тебе она казалась непреодолимой?

Не более чем граница, что сердце женщины когда-то перед тобой воздвигло!

Позволь мне начать мое покаяние в лоне вечной радости! Позволь мне стать той последней каплей воды, что вернет ее твоему сердцу! Позволь мне отказаться от плоти моего тела, чтобы не было больше перегородок между мной и твоим желанием! Позволь моему лицу перестать существовать, чтобы глубже проникнуть в твое сердце!

Не удерживай больше на приоткрывшемся пороге наполовину не существующую женщину!

Она прислушивается.

Я больше ничего не слышу.

Земной шар на экране продолжает вращаться. На горизонте теперь различимы очертания Японских островов.

Что там вдали за острова, словно неподвижные облака, чья форма, местоположение, выемки и ущелья напоминают музыкальные инструменты, собранные в таинственное созвучие, одновременно стройное и разлаженное?

Я слышу бесконечное Море, что разбивается об эти вечные берега!

И возле столба на песчаном берегу я вижу поднимающуюся вверх каменную лестницу.

Облака, не спешащие рассеяться, завесу дождя,

Едва позволяющую время от времени различать чернильно-черный пояс гор, водопад между деревьями, тайник внутри темных лесов, на которых вдруг остановится обличительный луч солнца!

Факелу луны вторит отражение подземных огней, и барабан под соломенной крышей сливается с пронзительной флейтой.

Что означают эти облака цветов время от времени, в которых все исчезает? Невиданное золото ежегодного урожая, собираемого прежде, чем выпадут снега?

И над горами и лесами поднимается, вглядываясь в море, большой Белый Ангел.

Остров Хонсю постепенно приходит в движение и принимает облик Стража в мрачных доспехах, наподобие тех, что можно увидеть в храме Нары.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты меня не узнаешь?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я не знаю. Я вижу только едва различимые очертанья, как тень в тумане.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А это я. Я был здесь, никогда не покидая тебя.

Твой Ангел Хранитель.

Ты и вправду думаешь, что до сих пор жила без меня? Связь между нами никогда не прерывалась. Ты соприкасалась со мной.

Так бывает ранней осенью, когда еще так тепло! небо голубое, ласточка повсюду еще находит обильный корм,

И, однако, как узнает она об этом? пришло время, и ничто не сможет помешать ей улететь. Так надо, и она улетает, не боясь дальних морей.

Не беспокоясь о направлении.

Так бывает иногда во время беседы, если кто-нибудь, в увлечении и азарте разговора, вдруг услышит где-то поблизости скрипку или просто-напросто два-три удара топором в лесу.

И тогда он постепенно смолкает, он прерван, он, как говорится, уже не здесь, и весь уходит в слух.

А ты сама, скажи мне, возможно ли, что ты никогда не чувствовала в глубине своего существа, где-нибудь между сердцем и печенью этот глухой удар, резкую остановку, настоящее прикосновение?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я их слишком хорошо знаю.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Это был мой крючок, который я закинул в глубину твоей утробы и руководил леской, как терпеливый рыбак. Вот, посмотри, она намотана вокруг моего запястья. Осталось всего несколько сажений.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Значит, это правда, что я скоро умру?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А кто знает, не мертва ли ты уже? Откуда бы иначе в тебе появилось это безразличие к местонахождению, это неощущение веса твоего тела.

Так близко от последней черты, кто знает, в какую сторону в моей власти заставить тебя по моему желанию, играючи, переходить и возвращаться?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Где я и где ты?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Вместе и отдельно. Вдалеке от тебя с тобой.

Но чтобы проникнуть тебе в этот союз времени с тем, где нет времени, расстояния с тем, где нет пространства, движения с иной формой движения, мне нужна была бы та музыка, что твои уши еще не способны переносить.

Где, говоришь ты, аромат? *Где*, скажешь ты, звук? Между ароматом и звуком что общее? Они существуют в одном времени. Так я существую с тобой.

Я существую, так слушай же меня. Позволь переубедить тебя этим водам, что постепенно освобождают тебя. Брось эту землю, напрасно кажется она тебе прочной, она — лишь пленница,

Хрупкая, каждую секунду пульсирующая смесь бытия с небытием.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах! Когда ты так говоришь, я снова чувствую в глубине себя леску! Прямое притяжение твоей воли против течения, хватку и ослабление которой я испытывала столько раз!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Рыбак уносит свою добычу из реки на сушу. А мое ремесло состоит в том, чтобы привести рыбку в те воды, где обитаю я сам и к которым изначально принадлежит и она.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но разве смогу перейти я туда с грузом моего тела?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Тебе придется оставить его немного позади.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как мне обойтись без него?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Тебе не кажется, что ты немножко запоздала с таким вопросом?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Та оболочка, которую я вижу вон там, брошенную на песке, это и есть я сама, не так ли?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Попробуй, может быть, ты еще сможешь снова к ней приспособиться.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Воск не может лучше принять форму оттиска, вода — вазы,

Чем я наполнить это тело, каждую частицу его, впрочем, наполнить или понять? Вдова отныне,

Та, которая захотела бы вдохнуть в него жизнь, никогда не сможет вернуть ему мои уста.

Так внутри я или снаружи этого тела? Я живу в нем, и вместе с тем я вижу его как отдельное. Всю его жизнь я проживаю целиком в одно мгновение.

Ах! бедная донья Пруэз! Какую жалость она внушает мне! Теперь я все вижу и все понимаю.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты видишь себя одну?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Нет, через нее я вижу другую тень, мужчины, и он куда-то шагает в ночи.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Смотри лучше, что ты видишь?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго, я твоя!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Леска на моем запястье раскручивается снова.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго, я твоя!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Он услышал, он останавливается, он вслушивается. Тишина, слабый шелест пальм, одна душа из чистилища поднимается на Небо.

Огромное облако посередине остановившегося воздуха, неяркое солнце, которое освещает бесчисленные волны морские, то солнце, про которое сразу ясно — это не дневное светило, это луна посреди Океании!

И снова, словно пленное животное, преследуемое слепнем, я вижу, как лихорадочно мечется он между двумя стенами, возобновляя свою горькую вахту.

Неужели он никогда не остановится? Ах, какую безнадежную дорогу он прошел между этими двумя стенами!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я знаю. Днем и ночью я не перестаю слышать его шаги.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты довольна, что он страдает?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Перестань, жестокий ловец! Не дергай так свою леску! Да, я довольна, что он страдает из-за меня.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты думаешь, что это для тебя он был создан и явился на свет божий?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Да, да! Да, я верю всем сердцем, что он был создан и явился на свет божий для меня.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты полагаешь, тебя достаточно для мужской души?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Да, достаточно для него.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

И так ты мне отвечаешь на пороге смерти.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Брат, надо побыстрее дать умереть этому бедному созданию, чтобы больше не страдать от его глупости.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Кто удерживает тебя на пути к нему?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Твоя леска.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

И если бы я отпустил тебя..

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах! Тогда не рыбу, но птицу увидишь ты, улетевшую в мгновение ока. Мысль не так находчива, стрела не так быстро пересекает воздух,

Как я была бы уже по ту сторону моря супругой, смеющейся и рыдающей в его объятиях.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Разве не знаешь ты, что повиноваться Господу нужно в сердце своем, а не потому что воля твоя столкнулась с вынужденным препятствием?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я повинуюсь, как могу.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Значит, пора мне дернуть за леску.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но я тоже могу дернуть обратно так сильно, что она разорвется.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Что бы ты сказала, если бы я попросил тебя выбрать между Богом и Родриго?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ты.. ты — слишком искусный ловец.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Слишком искусный для чего?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Чтобы задавать мне такой вопрос, зная, что я не готова к ответу. В чем же тогда твое искусство рыболова?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А если бы я его все-таки задал?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я глухая! Я глухая! Глухая рыба! Я глухая и не слышала!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ну что ж, если этот Родриго — мой враг, кто удержит меня от удара? Ведь не только лескою может управлять моя рука, но и трезубцем.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А я так хорошо спрячу его в своих объятиях, что ты его больше не увидишь.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты причиняешь ему только зло.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но он каждую ночь говорит мне другое.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Что же он говорит?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это тайна между нами.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Твоих слез достаточно, чтобы открыть ее.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я Агарь в пустыне! Без рук, без глаз, и кто-то горько сходитя со мной в пустыне!

Это желание сжимает в объятиях отчаяние! Это Африка женится через море на отравленных землях Мексики!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Сестра, нам пора учиться переходу к более счастливым сферам.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

То, в чем я клянусь ему каждую ночь, не в моей власти опровергнуть.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Так и рыба считает себя умнее рыбака.

Она бунтует и бьется на песке, не подозревая, что каждое ее трепыханье

Веселит старика, укрывшегося в тростнике,
Который держит ее и не даст убежать.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Почему ты играешь с ней так жестоко? И если все-таки не выбрасываешь на берег, почему не отпускаешь на свободу?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А что, если ты для меня не только добыча, но и приманка?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Так мной ты хочешь заманить Родриго?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Этот гордец, у меня не было иного способа заставить его понять ближнего, и вживить этого ближнего в его плоть;

У меня не было иного способа дать ему понять зависимость, потребность и необходимость в нем этого ближнего,

Власть над ним этого другого существа по той единственной причине, что и оно существует.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И что же! Значит, это было дозволено? Любовь друг к другу двух божьих созданий? Значит, правда, что Бог не ревнует их? Мужчина в объятиях женщины...

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Как мог Он быть ревнив к тому, что есть Его творение
И разве не все, Им созданное, служит Ему?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

...Мужчина в объятиях женщины забывает Бога.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Можем ли забыть Его, пребывая с Ним? И разве можно быть вне Его, приобщаясь таинству Его творения,

На краткий миг возвращения в Эдем, через врата унижения и смерти?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Любовь вне таинства брака — не грех ли это?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Даже грех! Грех тоже служит.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Значит, было благом, что он любил меня?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Благом было то, что ты научила его желанию.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Желанию иллюзии? Тени, что всегда ускользала от него?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Желание — это что есть, иллюзия — это то, чего нет.

Когда желают через иллюзию,

Это значит, что желают того, что есть, через то, чего нет.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но я не иллюзия, я существую! Благо, которое я могу ему дать, существует! Благо, которое я, единственная, могу ему дать, существует!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Именно поэтому ты должна дать ему благо, а никак не зло.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но удаленная твоей жестокостью, я вообще ничего не могу ему дать.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Значит, ты хочешь принести ему зло?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Да, скорее, чем оставаться здесь, бесплодной и бесполезной, ведь именно это ты называешь злом.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Зло не существует.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Соединим тогда наше двойное небытие!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Пруэз, сестра моя, сын Божий существует.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но какой смысл ему существовать, если я не существую для Родриго?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Как иначе могла существовать Пруэз, если не для Родриго, ведь через него только она и существует.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Брат, я тебя не расслышала!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Именно ради него ты была необходима.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

О, как сладостно для меня слышать эти слова! Позволь мне повторить их за тобой! Что ж! Я была ему необходима?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Но не такая, как ты теперь, презренное и несовершенное создание у меня на крючке, не эта грустная рыба.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А какая же?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Пруэз, сестра моя, дитя Господне в вечном свете, которую я славлю.

Та Пруэз, что лицезреют ангелы с Небес, именно на нее, сам того не зная, обращает он взор свой, и прежде чем отдать ему эту Пруэз, ты должна стать ею.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И это будет та же Пруэз?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Пруэз навсегда, над которой не властна смерть.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вечно прекрасная?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Вечно прекрасная Пруэз.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И он всегда будет любить меня?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

То, что делает тебя такой прекрасной, умереть не может. То, что заставляет его любить тебя, не умрет.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И я буду принадлежать ему навсегда и душой и телом?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Тело придется немного отодвинуть.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И что же? Он никогда не узнает его вкуса?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Душа создает тело.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Тогда почему создала она его смертным?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Это грех сделал его смертным.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Так прекрасно было быть просто женщиной для него.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А я сделаю из тебя звезду.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Звезда! Именно этим именем он всегда зовет меня в ночи. И мое сердце глубоко содрогалось, когда я слышала его.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Не была ли ты всегда для него звездой?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Разлученной!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Путеводной.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И вот она угасает на земле.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А я зажгу ее снова на небе.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как засияю я, слепая?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

В дуновении Божьем.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я всего лишь затухшая головешка на пепелище.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ну а я, я сделаю из тебя звезду, пламенеющую в дыхании Святого Духа.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Прощай тогда все там, внизу! Прощай, прощай, мой любимый! Родриго, Родриго, прощай, навсегда.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Почему прощай? Почему там? Ведь ты вскоре будешь ближе к нему, чем ты сейчас есть, соединившись с другой стороны небес с первопричиной его самого.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Он ищет, и больше никогда меня не найдет.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Как найдет он тебя во внешнем мире, когда ты будешь пребывать нигде иначе, как в его сердце, в нем самом?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ты говоришь правду, я действительно буду там?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Как крючок, глубоко вошедший в его сердце.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И он всегда будет желать меня?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Есть те, кому достаточно простого понимания. Один дух напрямую обращается к другому.

Но есть и другие, те, для кого необходимо, чтобы и плоть тоже постепенно была евангелизирована и обращена. А какой плотью можно сильнее привлечь мужчину иначе, чем женской?

Отныне он не сможет больше желать тебя, не желая одновременно и неба, где ты будешь пребывать.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Неужели небо будет для него когда-нибудь столь же желанно, как и я?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

(как будто натягивая леску)

За такую глупость ты будешь сейчас же наказана.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(вскрикивая)

Ах, брат, продли, продли для меня еще это мгновение!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Приветствую тебя, сестра моя возлюбленная! Добро пожаловать, Пруэз, в пламя!

Теперь ты знаешь те воды, к которым я хотел привести тебя!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А, я не могу пресытиться! Еще! Верни же мне ее, наконец, воду моего крещения!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Вот она со всех сторон омывает тебя и проникает в тебя.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Она омоет меня, но не смогу я вкусить ее! Она подобна лучу, что прожигает меня, и мечу, что разрубает меня надвое, и раскаленному железу, страшно прошедшему по самому нерву жизни, она — вскипающий источник, что овладевает всей моей плотью и соками, чтобы их растворить и вновь соединить, и небытие, в которое я погружаюсь каждый миг, и прикосновение Господа к моим губам, воскрешающее меня, и превосходящая все блаженства, немилосердная тяга жажды, омерзение этой невыносимой жажды, что делает меня беззащитной и распинает!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты просишь, чтобы я вернул тебя к прежней жизни?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Нет, нет, не разлучай меня больше никогда с вождленным пламенем! Пусть расплавят и уничтожат эту отвратительную скорлупу, пусть сожгут все путы, что связывали меня ранее, пусть разрушат этот отвратительный панцирь, все то, что не было сотворено Господом, всю эту одеревенелую материю иллюзий и греха,

этого идола, эту отвратительную куклу, что я сама из себя сотворила вместо животворного образа Божия, который отпечатан был в моей плоти.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

А для твоего Родриго, как ты думаешь, где ты будешь полезней, на этом свете или в тех сферах, что ты теперь познала?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах, оставь меня здесь! Ах, не возвращай меня еще мгновение! Пока он там, в тех мрачных местах, заканчивает свой бег, оставь меня догореть, как свеча у ног Пресвятой Девы!

И пусть на чело его время от времени прольется капля моего неопалимого масла.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Довольно. Еще не наступил для тебя час окончательно пересечь Священную Границу.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах, будто возвращаешь ты меня в гроб! И вновь члены мои входят в ножны ограниченности и бремени. Вновь надо мной власть конечного и случайного!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Это уже ненадолго.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Два существа, что вдалеке, никогда не соприкасаясь, тем не менее уравнивали друг друга, как на противоположных чашах весов,

Теперь, когда один из них исчезнет, разве положение другого будет прежним?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Ты права. Чтобы он уравнивал твой вес на небе, нужно будет поместить его на другую чашу.

Нужно, чтобы на этом маленьком глобусе он закончил бег по своей орбите, подражая тем огромным небесным путям, что мы дадим тебе, неподвижной, в распоряжение.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Он просил лишь каплю, но ты, брат, помоги мне подарить ему Океан.

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Разве не этого он ждет по ту сторону мистического горизонта, что столь долго

Был горизонтом старого человечества? Те воды, что ты так желала, разве не они сейчас излечивают его от земли?

Этот проход, им открытый, разве не ему первому предназначено пересечь его

Через тот высший барьер от полюса до полюса, что Заходящее солнце наполовину проглотило в самой середине?

Он в пути, чтобы через неизведанное обрести вечное.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

С другой стороны океана есть острова, которые ждут его.

Те таинственные острова на краю земли, откуда, я видела, явился ты,

Но как ты поступишь, чтобы завлечь его туда, ведь больше не сможешь ты воспользоваться моим телом, как крючком?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Не телом твоим, но отражением его в горьких водах изгнания,

Твоим отражением на изменчивых водах изгнания, что без конца исчезает и появляется вновь.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Теперь я вижу твое лицо! Ах! Какое оно строгое и грозное!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Другое ты узнаешь после. Это больше подходит к месту суда и покаяния.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Что же, и он тоже должен покаяться?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

И для него настало время ступить на прямой путь, указанный Господом.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я должна помочь ему переступить порог?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

То, что он желает, не может быть одновременно на небе и на земле.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Что же ты медлишь с моей смертью?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Я жду, чтобы ты согласилась.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я соглашаюсь! Я согласна!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Но как ты можешь согласиться отдать мне то, что не принадлежит тебе?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Моя душа больше не принадлежит мне?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Разве не отдала ты ее Родриго в ночи?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Значит, я должна просить, чтобы он вернул мне ее?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Да, ты должна получить его разрешение.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Позволь мне, любимый, позволь! Позволь мне уйти, Позволь мне стать звездой!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Смерть, которая превратит тебя в звезду, согласна ли ты принять из его рук?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ах, я благодарю Тебя, Господи! Иди сюда, дорогой Родриго! Я готова! Подними свою смертоносную руку на это существо, всецело принадлежащее тебе! Принеси же скорее в жертву это существо, всецело принадлежащее тебе! Умереть, умереть через тебя мне сладостно!

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Теперь мне нечего тебе больше сказать, кроме как до встречи на небесах! Я завершил то, что было мне поручено сделать для тебя. До встречи, дорогая сестра, в вечном свете!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не покидай меня так скоро! Божественный орел, возьми меня еще раз в свои когти! Приподними еще хотя бы на мгновение!

Позволь узреть мне совершенный круг, очерченный тобой вокруг наших с ним существований!

И дорогу, что суждено ему пройти, позволь мне накрутить ее вокруг запястья, чтобы не было в его жизни ни единого шага, к которому я не была бы причастна,

Ни единого, чтобы в конце он не встретил меня, ни единого, который не привел бы ко мне.

Но что это за камень в твоей руке?

АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ

Камень, о который вскоре разобьется его баркас,

он один спасется, и с головой, побелевшей от морской пены, устремится к неизвестной земле.

Но что за малость кораблекрушение, главное, он оказался в цели! Теперь речь не идет об открытии Нового Света, но о Старом и потерянном, который должно вновь обрести.

Он оставил там отпечатки своих шагов и своей руки, он закончил начинание Колумба, он выполнил великое обещание Колумба.

Ведь Колумб обещал королю Испании не новый кусок Вселенной, а объединение земли, и представительство народам, дыхание которых вы чувствовали за спиной, и отзвук поступи человека по земле, предвозвестнице утра, и пути Солнца!

Родриго дошел до Начала всего по дороге Восходящего солнца!

Он встретил эти неведомые жаждущие народы, эти бесчисленные скопища, что в затворении топчутся по ту сторону Зари.

Глобус поворачивается, показывая весь Азиатский континент от Индии до Китая.

Ты полагаешь, что Бог случайно мог бросить свое создание? Ты полагаешь, что форма той земли, что Он создал, может быть лишена смысла?

В то время как ты направляешься в Чистилище, ему на земле тоже будет явлен образ Чистилища.

После того, как он подержал и отбросил эту двойную мощну Америки, эту двойную персь, предназначенную для материального вождения в послеполуденное время,

Он тоже пересечет барьер,

И достигнет другого мира, того же, но с обратной стороны.

Здесь страдают и ждут. И за сводом, столь же высоким, как само небо, там, в высоте, здесь внизу начинается другой берег, мир, откуда он явился, Церковь воинствующая.

Он узнает коленопреклоненные народы, пригвожденные и сжатые дольки, что обречены искать не выход, но собственный центр.

Одна имеет форму треугольника, другая — круга,

А третья состоит из разрозненных островов, что бесконечно терзают буря и огонь.

Распятая Индия покорно варится в обжигающем пару; Китай, застрявший в вечном эксперименте, в котором вода становится грязью, утаптывает этот ил, смешавшийся с его собственными нечистотами.

Третья же с яростью раздирает сама себя.

Таковы народы, что страждут и ждут, с лицом, повернутым навстречу восходящему солнцу,

Именно к ним и отправится он посланником.

Он принесет с собой достаточно собственных грехов, чтобы разобраться в их мраке.

Бог подарил ему достаточно радости, чтобы он смог понять их отчаяние.

Это Небытие, на берегу которого они столь давно застыли, эта Пустота, возникшая за отсутствием Бытия, где играет ответ Неба, нужно же было принести и им Бога живого, чтобы они полностью поняли его.

Не сам Родриго принесет с собой Бога, но для того, чтобы его отсутствие оказалось явственно для всего этого сидящего скопища, нужно было, чтобы появился Родриго.

О Мария, Царица небесная, вкруг которой разворачиваются четки Небес, сжался над всеми этими народами в состоянии вечного ожидания!

Он входит в Землю, которая сжимается и постепенно становится не больше булавоочной головки. Весь экран заполняется усыпанным звездами небесным сводом, посреди которого вырисовывается гигантское изображение Девы Марии Непорочного Зачатия.

СЦЕНА IX

ВИЦЕ-КОРОЛЬ (РОДРИГО), СЕКРЕТАРЬ,
ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Спальня во дворце Вице-короля в Панаме.

Это просторная комната со стенами, слегка покрытыми плесенью. Часть потолка обрушилась, обнажив перекрытия, на полу еще валяется осыпавшаяся штукатурка. Мебель в беспорядке, какие-то предметы великолепны, другие либо говорят о крикливой роскоши, либо совсем изувечены.

Через открытую дверь в углу видна часовня, украшенная голубым фарфором и резьбой из позолоченного дерева, в духе высокопарного и перегруженного стиля эпохи. Горит светильник. После полудня. Влажно и жарко. Дождливое небо. Через окна виден океан цвета ракушки мидий. Вице-король в кресле. Секретарь рядом с ним за столом, заваленным бумагами, с усердием их разбирает. Донья Изабелла, довольно небрежно одетая, сидит на скамье, поджав под себя ногу.

За сценой маленький оркестрик, весьма плохонький, исполняет что-то вроде аллеманды или паваны.

СЕКРЕТАРЬ

(не поднимая головы)

Этот оркестр совсем плох. Я не понимаю, как ваше Высочество может терпеть его.

РОДРИГО

Был бы он лучше, я бы слышал что он играет, а это так скучно!

СЕКРЕТАРЬ

Что касается меня, во всем я ценю только совершенство.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

(сопровождая каждый слог нотой на гитаре в форме восходящей гаммы, которая заканчивается альтерацией)

Дон Родилар!

СЕКРЕТАРЬ

Мадам?

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Ах! Как было бы любезно с вашей стороны познакомить нас с образцами ваших стихов, которые, как мне рассказывали, вы иногда читаете друзьям.

СЕКРЕТАРЬ

(просто и решительно, продолжая писать)

“... тюков хинного дерева, двести кампешевого дерева”.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

(полунапевая)

Слоги там так верно подсчитаны, рифмы так точно продуманы, отмерены и подогнаны, что даже одна щепотка табака могла бы разрушить хрупкое чудо.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Для меня совершенная поэма подобна закупоренному сосуду.

СЕКРЕТАРЬ

(подавая ему письмо для подписи)

Я знаю, что ваше Высочество обожает сравнения.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(он подписывает зевая)

Кто наваял мне следующее? Осколок разбитого нефрита ценнее, чем целая черепица.

СЕКРЕТАРЬ

Это китайское изречение.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Предполагаю, что его вам передали рыбаки, которых давеча подобрала наша береговая охрана возле Острова Черепах.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

То были не китайцы, а японцы.

Напомните мне песенку, что они пели все вместе, которая мне так нравилась.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

(напевая)

По равнине Океана
К Восьмидесяти о-стровам
Я на веслах приближаюсь
Та-ра-ра-та-та-та! Та-ра-ра-та-та-та!

*Настукивает по деревянному корпусу гитары кулачком.
Оркестр, под сурдинку подхвативший ее мелодию, еще
несколько тактов играет один, потом неожиданно
прерывается.*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Ах, я тоже по равнине океана к Восьмидесяти островам
Когда, наконец, отправлюсь в путь?

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Как, монсеньор, вам наскучила ваша Америка?

СЕКРЕТАРЬ

Вот уже более суток, как их Высочество и я,
мы немножко устали от *нашей*, как вы изволили
выразиться, Америки.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Не вы ли так часто повторяли мне раньше, когда строили
этот дворец, теперь так грустно разваливающийся,
что она была словно частью вашего собственного тела?

СЕКРЕТАРЬ

Человек устает и от собственного тела.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

И разве вам не удалось все, что вы задумали?

СЕКРЕТАРЬ

Слишком хорошо удалось. Взять хотя бы этого
Альмагро, на которого мы возлагали столько надежд,
а он оказался настоящей трусливой овечкой!

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

А Америка, которую вы создали, обойдется ли она без вас?

СЕКРЕТАРЬ

Очень хорошо. Даже слишком хорошо обойдется.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Сеньор, почему вы все время молчите и позволяете
отвечать вместо вас этому лакею?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Разве его ответы не стоят моих? Я люблю слушать Родилара.

Весь день, пока я изображаю Вице-короля,
он сидит за письменным столом и пишет, переписывает,
переносит с одной бумаги на другую

Мою судьбу, без сомнения.

И время от времени одаривает меня несколькими
размышлениями и побочным комментарием.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Вы меня не любите.

СЕКРЕТАРЬ

(с резким криком)

А! Ей-богу, вы заставляете меня делать ошибки!

Я чуть не написал: "Вы меня не любите" на конверте.

*Господину коррехидору⁵⁸ Руису Зебаллос
в Выменянелюбите.*

Не слишком подходящее место для коррехидора.

Я не знаю, заметило ли ваше Высочество, до какой
степени эта дама, здесь присутствующая, влюблена в нас.

58 Магистрат или судья в Испании.

Слабость сердца. Нежное чувство.

Любит ли она дона Родриго или Вице-короля?

Неизвестно.

Легко заинтересовать этих немного грузных дам,
которые начинают стареть.

Немного грузных, но все еще красивых.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

(напевая едва слышно)

Забывая...

*Ее продолжает высокий звук флейты decrescendo
на одной ноте.*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(опустив глаза, почти неразличимо)

Нет, нет, любовь моя, я не забыл вас.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Ах! Я знала, что смогу найти слово, которое заставит
вздрагнуть ваше сердце.

СЕКРЕТАРЬ

Вы достучитесь до его сердца только через дверь
воспоминаний.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Чтобы заставить слушать себя, я должна позаимствовать
голос другой женщины.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Закончите. Я хочу услышать продолжение.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Я забыла

(берет несколько аккордов на гитаре. Поет.)

Я забыла.

(Опять говорит.)

Я не помню. Я забыла. Я сама себя забыла.

(Поет.)

С тех пор как ты покинул меня, я позабыла сама себя.

*От стены доносится, pianissimo, совершенно
какофоническая музыка. Постепенно инструменты один
за другим затихают.*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я люблю манеру, в которой поет наша Изабелла,
не по нотам, а так, словно птица в лесу, та, которую
называют gialejo!

И еще мне нравится, как продолжается это дребезжание
из-за стены, еще и после того, как она закончила петь!

Подобно тому как, стоит только бросить камень
в лесную заросль, тотчас услышишь, как и другие камни
приходят в движение, а с ними вместе и все крылатое
взлетает.

Изредка даже какой-нибудь зверек вдалеке, вскочив,
спасается бегством.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Когда я с другими, я пою иначе.

Зачем заставлять себя, монсеньор, спотыкаться
на этих мрачных дорогах?

Наедине с собой я предпочитаю вспоминать одну
из песен нашей старой Испании,

Одну из тех мелодий, что слышны вечерами у фонтана
под высокими каштанами.

“Muuy mas clara che la luna..” “Desde aquel doloroso
momento..”

Той Испании, что ни вы, ни я, мы больше не увидим.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Мне все равно. Кто только что говорил мне
о воспоминаниях?

Я ненавижу прошлое! Я ненавижу воспоминания! Голос,
который только что, как мне показалось, я услышал внутри

меня, позади меня, он доносился ко мне не из прошлого, он впереди, он зовет меня! Если бы он был уже позади, откуда бы в нем взялась такой горечи и такой нежности!

Пронзи мое сердце еще раз этим новым голосом, этой песней, что никогда не существовала!

Как мне нравится этот сломанный ритм, на одной искаженной ноте!

И мелодия, что словно выражает нечто прямо противоположное словам, и то же самое и противоположное!

И этот голос, что пытается дать мне услышать неведомое, но совершенно не способен выразить что-либо вразумительно, но и то, что невразумительно, мне тоже нравится!

СЕКРЕТАРЬ

Я не в состоянии выразить возмущение и осуждение, которые вызывают у меня слова вашего Высочества.

Из-за стены возникает тихая музыка, ищущая мелодию, которая постепенно складывается.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

(вслушиваясь в мелодию)

Я позабыла сама себя.

Но кто позаботится о твоей душе.

Певица и музыка прерываются одновременно.

СЕКРЕТАРЬ

Хорошо бы что-то в этом роде: *Теперь, когда ты позволил мне уйти.* Но получается скверная просодия.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

(поет одна, в то время как музыка смолкла)

Но кто позаботится о твоей душе

Теперь, когда меня нет,

Теперь, когда меня нет с тобой!

Но кто позаботится о твоей душе,

Теперь, когда меня больше нет с тобой!

(Говорит.)

Навсегда.

(Опять поет.)

Навсегда! Навсегда!

Теперь, когда меня больше нет навсегда!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(отпустив глаза)

Тебе стоило сказать лишь слово, и я бы остался с тобой навсегда.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

(напевает)

С тобой навсегда! С тобой навсегда!

(Говорит.)

Но это единственное слово, кто знает, не произнесла ли она его?

СЕКРЕТАРЬ

Ваше Величество, наверное, никогда не слышало о письме к Родриго?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Письма к Родриго нет.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Есть письмо к Родриго.

И там, вдали от нас, по ту сторону моря,

Есть женщина, которая в течение десяти лет ждет ответа.

Она поет. Оркестр за стеной мешает ей.

Из ночи, где я пребываю в одиночестве,

До восхода солнца,

Как долго тянется время,
Как медленно идут часы,
Ты знаешь ли об этом? Ты знаешь, ответь мне?

СЕКРЕТАРЬ

Ваше Высочество, может быть, позволит мне ответить
за него, что Оно знает.

*Наступают сумерки.
Слуга приносит и ставит на стол
зажженный канделябр.*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Изабелла, где это письмо?

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Там, на столе, я его отдала вашему секретарю.

СЕКРЕТАРЬ

Ваше Высочество простит меня. Я как раз собирался отдать
его вам, как только мы покончим с документами.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Дай мне письмо.

Смотрит на подпись.
Это действительно мое имя. Это действительно
ее почерк. Пруэз, десять лет тому назад.
*Открывает письмо и пытается читать. Но у него
дрожат руки.*

Я не могу читать.

СЦЕНА X

Дон Камильо, донья Пруэз
*В Могадоре, шатер на берегу моря. Ковры, расстеленные
один на другом. Снаружи ощущение слепящего солнца
и сильной жары.*

*Дон Камильо в просторном арабском бурнусе, в руках
маленькие магомтанские четки.
Донья Пруэз полулежит на диване, тоже в арабских
одеяниях.*

ДОН КАМИЛЬО

(с закрытыми глазами, вполголоса)

Только от меня самого зависит обнять эту обнаженную
ножку.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Она ваша, как и остальное. Разве я не имею чести быть
вашей супругой?

ДОН КАМИЛЬО

Я поклялся больше не дотрагиваться до вас. Я отступил
перед вашим оскорбительным равнодушием.

У меня достаточно женщин там, наверху, в этом
курытнике, который прекрасно снабжают Африка и море.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Мне льстит предпочтение, которое вы мне оказываете
в данный момент.

ДОН КАМИЛЬО

А ведь признайтесь, если бы я не смотрел так на вас,
вам бы чего-то не хватало.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это верно, я привыкла к вашим насмешливым и горестным
глазам, пробегающим по моему лицу, потом по рукам,
и к этому вечному неутоленному вопросу, что я читаю в них.

Сколько приятных дней мы провели вместе таким образом,
Без единого слова!

ДОН КАМИЛЬО

Почему вы вышли за меня замуж?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Гарнизон предал меня, не была ли я полностью в вашей власти?

Мой муж к тому времени уже умер. Как нам было не воспользоваться случаем, пославшим нам этого славного бравого францисканца, которого мы как раз захватили?

ДОН КАМИЛЬО

(улыбаясь в свои четки)

Это скорее я в вашей власти.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вечно эта лукавая фальшивая улыбочка на вашем смуглом лице,

Которую так обожала, и остерегалась ваша мать, и которая меня, да, меня тоже немного коробит.

ДОН КАМИЛЬО

Но я в самом деле в вашей власти.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это верно лишь наполовину. Естественно, если бы я не была уверена в некоторой власти над вами, зачем бы я вышла за вас замуж?

Король не освобождал меня, дон Камильо, от миссии, которую он доверил мне на побережье Африки.

Только мое присутствие здесь помешало вам совершить все то зло, на которое вы были способны.

ДОН КАМИЛЬО

Неужто в самом деле? Часто ли мне приходилось просить вашего драгоценного совета, мадам?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А вы полагаете, что я бы его вам дала?

Нам нет необходимости в словах. Вы обо всем догадываетесь и так.

Не было ни единого вашего поступка, в котором бы отсутствовала и который не делался бы с обычной для вас задней мыслью

Либо мне понравиться, либо причинить мне боль, и я всегда наверняка знала, что вы тотчас прибежите ко мне с вашим жадным взором!

Скажите, застали ли вы меня когда-нибудь врасплох.

Я читаю в вас, а вы ничего не можете добиться от меня.

ДОН КАМИЛЬО

Есть, по крайней мере, одна вещь, которая всегда в моей власти — приказать вас высечь.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Мое тело в вашей власти, но ваша душа — в моей!

ДОН КАМИЛЬО

Когда вы мне выворачиваете наизнанку душу, разве не в моем праве немного помучить ваше тело?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Самое главное — вы делаете то, чего хочу я, и вот уже десять лет, да, за исключением нескольких смехотворных проявлений вашего дикого нрава,

В целом у меня нет к вам претензий, и я полагаю, что и король тоже доволен.

ДОН КАМИЛЬО

Какое счастье! Так значит, чтобы оказать ему услугу, достаточно было перестать ему повиноваться.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но не так легко было перестать повиноваться мне. Все-таки нелегко не обращать внимания на того, кто постоянно находится рядом.

ДОН КАМИЛЬО

(*мягко*)

Но кто знает, будет ли еще возможно для вас в ближайшее время это грубое телесное присутствие?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если в таких эlegantных терминах вы пришли объявить мне о смерти, то нет нужды в пространных выражениях. Я готова.

Благодаря вам эта мысль всегда была мне близка, достаточно было крика птицы, звука падающего серебряного прибора, невидимого слова, прочерченного пальцем на песке, курящихся благовоний,

Чтобы я восприняла это как предупреждение.

ДОН КАМИЛЬО

Так примите его из моих уст.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я уже получила его сегодня ночью от другого.

ДОН КАМИЛЬО

Ваш обычный посетитель, несомненно, и есть отец моего ребенка?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Кто осмелится посетить меня, одинокую, в глубине моей тюрьмы?

ДОН КАМИЛЬО

Родриго, ночью, каждую ночь, которому ни стены, ни море не могут помешать.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Только вы, Очиали, и вы знаете это не хуже меня, навязывали мне свое грубое телесное присутствие.

ДОН КАМИЛЬО

Но я знаю также, что он один отец этой девочки, которая

моя дочь по крови и по плоти, но похожа только на него.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Неужели *это* правда, и на твою голову, дорогая девочка, ложится груз нашего тройного наследства!

ДОН КАМИЛЬО

И мое также? Так вы не сомневаетесь, Пруэз, в том, что я буду сопровождать вас, где бы вы ни были?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А что думаете вы, вы сами?

ДОН КАМИЛЬО

Я думаю, что письмо к Родриго не может скитаться вечно, и в один прекрасный день оно дойдет до своего адресата.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Призыв, что в минуту отчаяния, закрыв глаза, я бросила в море?

ДОН КАМИЛЬО

Уже десять лет оно странствует из Фландрии в Китай и из Польши в Эфиопию. Не раз, я это знаю, оно опять проходило через Могадор.

Но напоследок у меня есть все основания думать, что Родриго наконец получил его и готовится ответить.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Конец Каша-Дьябло, как вас здесь называют, и его маленькому королевству в Африке!

ДОН КАМИЛЬО

Конец Пруэз и ее маленькому капитанству в аду!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Конец хитроумному балансированию и хрупкому равновесию
Между королем и султаном, христианством и Африкой,

И в самой Африке между всеми князьками, каидами, марабу, заговорщиками, незаконнорожденными и предателями.

И вы среди всех, тот, кто всем дает деньги в долг и всем продает порох, общий ненадежный источник для всех партий, которого все опасаются и все ублажают,

Всегда готовый в удобный момент вмешаться, подобно молнии.

Ваша великая стратегия, как вы мне объяснили.

ДОН КАМИЛЬО

Еще до того, как вы удостоили меня этого разговора, они начали терять ко мне интерес.

И я перестал получать новости из-за той линии кокосовых деревьев, белого песка и пены, что за морем простирают невидимую границу Испании.

Особая склонность к балансированию, что всегда была моим отличием,

Этот своего рода подвес в духе Кардано⁵⁹, как для корабельных компасов, выдающий сообразительную голову,

И глаз, видящий сверху донизу, и уши, которые все улавливают — что слева, что справа,

Больше не работает во мне, подобно второй натуре, что включает невидимый поршенок, благодаря которому моментально срабатывает решение принять тот или другой выбор.

Желание постепенно уступает место любопытству.

А само любопытство уже тайно подорвано.

59 Жероним Кардан или Джироламо Кардано (1501–1576) — итальянский врач, математик и философ. Построил корабельный компас, остающийся в горизонтальном положении при любой качке.

Люди относятся ко мне с недоверием. Они перестали меня понимать.

Есть даже целая куча глупцов, которые начали откровенно готовить против меня заговор,

В самом Могадоре и за его стенами. Мне об этом время от времени доносят.

Но ничто не в состоянии нарушить очарование этого получаса ожидания. Все эти турки с саблями наголо, и я у ваших ног, перебирающий четки под пальмами,

Составляем вместе своего рода живую картинку, ради удовольствия зрителей остановленную по мановению палочки волшебника.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Так значит, все то, что окружает нас и кажется таким реальным, на самом деле уже в прошлом?

ДОН КАМИЛЬО

Разве ты не чувствуешь, до какой степени, ты и я, мы уже таинственным образом отъединены от всего этого?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Мне не слишком нравится “ты и я”.

ДОН КАМИЛЬО

Уже подымается к нам с моря последняя волна, что вскоре излечит меня от всех этих поэтических мечтаний, “ты, роза моя!” навсегда.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если вы поднимете на меня сейчас глаза, я прочту в них иные речи.

ДОН КАМИЛЬО

Зачем мне поднимать глаза на вас, если я заранее знаю, что я прочту в ваших.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Все-таки стоит взглянуть на единственный кусочек вселенной, который еще может вас заинтересовать.

ДОН КАМИЛЬО

Вашей обнаженной ножки мне вполне достаточно.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Прощайте, сеньор! Я убираю мою ножку. За мной пришли, теперь я свободна.

ДОН КАМИЛЬО

И я тоже свободен.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я рада быть свободной, но мне не нравится мысль, что и вы тоже свободны. Сколько я жила, я всегда чувствовала, что вы не имеете права быть свободным.

ДОН КАМИЛЬО

Смерть пришла заменить вас.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не уверена. Я беспокоюсь оставить вас так. Кто знает, а вдруг вместе с моим телом вы узнали от меня такой секрет, который не ведом даже моей душе?

ДОН КАМИЛЬО

Вы правы. Вы не смогли помешать, чтобы мы с вами вместе все же образовали некое целое

И вопреки вашей воле продолжали тайно общаться.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но вскоре у меня не будет тела.

ДОН КАМИЛЬО

Но ведь ваша религия учит, что вы сохраните от него все, что нужно для его восстановления.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Тут ваша власть кончается.

ДОН КАМИЛЬО

Вы так в этом уверены? Неужели напрасно я в течение десяти лет приучал вас жить так, как навязывало вам мое сопротивление?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вам хватает дерзости думать, будто есть во мне что-то, созданное специально для вас?

ДОН КАМИЛЬО

А иначе какая власть держала меня у ваших ног

И заставляла в течение десяти лет прислушиваться к биению вашего сердца?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Оно занято другим.

ДОН КАМИЛЬО

Другой занимает ваши мысли, но не сердце, каждую секунду дающее вам жизнь.

Сердце, которое дает вам жизнь, оно создано не Родриго.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Оно было создано для него.

ДОН КАМИЛЬО

Допустим, однако когда я вслушиваюсь в его биение, в то самое сущностное в вас, созданное еще до вас самой во времена сотворения мира, что вы лишь унаследовали от другого, но говорит мне совсем иное,

Оно не произносит имени смертного.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я знаю, что во мне начинает оно Имя,

Которое Родриго заканчивает по ту сторону моря.

ДОН КАМИЛЬО

Я бы скорее сказал, что он помогает вам угасить дух, дышащий в вас.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Разве не благодаря Родриго, научившего меня жертвовать всем, я здесь, с вами?

ДОН КАМИЛЬО

Достаточно было заменить его.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

И разве не отреклась я от него в этом мире?

ДОН КАМИЛЬО

Чтобы лучше владеть им в другом.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Останусь ли я без вознаграждения?

ДОН КАМИЛЬО

А! Я ждал этих слов. Они вечно на языке у вас, христиан.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Тем лучше, если они служат мне, чтобы заставить замолчать отступника.

ДОН КАМИЛЬО

(доверительно)

Скажите-ка, вы ведь остались верной дому, мне всегда было страшно любопытно узнать о том эффекте, что произвел мой блестящий уход,

И удалось ли мне в самом деле причинить боль старику хозяину?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Тому, кто есть источник радости, невозможно причинить боль.

ДОН КАМИЛЬО

Ля-ля-ля! Вы говорите сейчас, как скворчонок, который повторяет насвистанную ему мелодию.

Я верю в другое. Постарайтесь вслушаться в мои доводы. На помощь, мои школьные воспоминания!

Действующий, да это именно то слово, которое я искал.

(Менторским тоном.)

Все, что против желания действующего, наносит этому действующему страдание, соответствующее его природе.

Если я ударю по стене, мне будет больно, если я ударю с большой силой, мне будет очень больно.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Это справедливо.

ДОН КАМИЛЬО

(прижимая свои кулаки один к другому)

И если я ударяю с бесконечной силой, я делаю себе бесконечное зло.

Таким образом, я, поскольку я конечен, если смогу выдержать, кладу конец всемогуществу; бесконечность через меня познает в страданиях ограничение и сопротивление, и я ей навяжу это против ее природы, я стану причиной ее несчастий и бесконечных страданий!

Страсти такие, что сумели оторвать Сына от Отца! Следуя тому, что вы, христиане, проповедуете.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Мы проповедуем бескорыстную благодать, а не ваше “оторвать”, и доброту, а вовсе не страдание.

ДОН КАМИЛЬО

Говорите, что хотите. Но только что Он сделает, если я не хочу его доброты?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Бога не заботит судьба отступника. Тот погублен.
Как если бы не существовал.

ДОН КАМИЛЬО

А я думаю, что Создатель не может бросить свое чадо.
Если оно страдает, Он страдает вместе с ним. Потому что
Он сам создал в нем то, что страдает.

В моей власти помешать Ему сотворить образ,
для которого Он предназначал меня.

Тот, что, насколько я знаю, незаменим. Если вы
уж так убеждены, что каждое творение на все времена
единственно и незаменимо,

Вы поймете, что в нашей полной власти лишить
милейшего Художника незаменимого шедевра, частицы
Его самого.

Ах, я знаю, эта заноза всегда будет свербеть в Его сердце.
Я нашел ход к самой глубине Его существа. Я та, насовсем
пропавшая овца, что сто других никогда не возместят.

Я страдаю из-за Него в моей конечности, но Он
страдает из-за меня в бесконечности и навечно.

Эта мысль согревает меня в Африке, к которой
я приговорен.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Какая отвратительная жестокость!

ДОН КАМИЛЬО

Жестокость или нет,

Я имею дело с кем-то гораздо более сложным и менее
простодушным, чем вам кажется. Мне нет выгоды
проигрывать.

Я занимаю крепкую позицию. Я знаю нечто
сущностное. И в состоянии лишить Его чего-то
сущностного. Он нуждается во мне. Я здесь.

(*С ухмылкой.*)

Множество невежественных поклонников, только
и знающих, что повторять при любом случае “Аминь”,
не стоят одного просвещенного критика.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если Бог нуждается в вас, не кажется ли вам, что вы,
со своей стороны, тоже нуждаетесь в Нем.

ДОН КАМИЛЬО

Я в самом деле некоторое время лелеял эту благоразумную
и спасительную мысль. Опасный старик, о котором
нам твердят священники, почему бы нам не поладить
с Ним?

Это почти ничего не стоит, Он ведь никого
не стесняет и занимает так мало места!

Поклон, и Он уже доволен. Несколько внешних
знаков внимания, немного ласки, все то, что не оставляет
стариков нечувствительными. В сущности, мы знаем,
что Он слеп и немного слабоумен.

Так что легко можно расположить Его к себе
и пользоваться Им для поддержания наших маленьких
удобных сделок —

Родина, семья, собственность, богатство для
богатых, чесотка для паршивых, самая малость для людей
низкого звания, и ничего для тех, у кого нет ничего.
Нам выгоду, Ему почет, почет, которые мы разделяем
с Ним.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Мне отвратительно слушать ваше кощунство.

ДОН КАМИЛЬО

Я совсем забыл! Прекрасный любовник для влюбленных
женщин в мире этом, или ином.

Счастливая вечность, о которой нам твердят священники,
Существует лишь для того, чтобы дать добродетельным

дамам в мире ином удовольствия, которые другие присваивают себе в этом.

И это я кощунствую?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Все эти непристойности, вызывающие у вас усмешку, тем не менее способны зажечь человеческое сердце и стать молитвой.

А с чем, по-вашему, мне молиться?

Все, чего лишены мы, заставляет просить.

Святой молится со своими упованиями, а грешник со своими грехами.

ДОН КАМИЛЬО

Лично я ничего не прошу. Я верю вместе с Африкой и Магометом, что Бог существует.

Пророк Магомет пришел, чтобы сказать нам, что на веки вечные единого существования Бога достаточно.

И я желаю, чтобы Он оставался Богом и не рядился в другие одежды.

Почему Он о нас так плохо думает? Почему Он считает, что нас можно привлечь только подарками?

И он непременно должен изменить себе лицо, чтобы мы узнали Его.

Мне больно видеть, как Он унижается и делает нам авансы.

Это мне напоминает историю того министра, что вбил себе в голову, будто должен обязательно присутствовать на свадьбе своего рассыльного, и в результате добился только всеобщего смятения.

Пусть Он остается Богом и пусть оставит нам наше небытие. Если мы перестанем быть полностью Небытием,

Кто займет наше место, чтобы полностью свидетельствовать, что Бог существует?

Он на своем месте, а мы — на нашем, на веки вечные.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ
Любовь требует, чтобы существовало не два места, но одно.

ДОН КАМИЛЬО

Раз Он не может нам дать то единственное, что делает Его тем, кто Он есть, то пусть оставит нас в покое, там, где мы есть. Остального мне не нужно.

Я не могу стать Богом, а Он не может стать человеком, и мне не доставляет удовольствия видеть Его в нашем телесном обличье.

Наше тело такое, какое оно есть. Но кто не почувствует себя задетым, увидев, как наша честная рабочая одежда

Становится для другого маскарадным переодеванием.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Распятие на кресте не было переодеванием.

Союз, заключенный Им с женщиной, был подлинным, и небытие, что Он пришел искать в самом ее лоне.

ДОН КАМИЛЬО

Так значит, именно небытия возжелал Бог в лоне женщины?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Чего другого Ему не хватало?

ДОН КАМИЛЬО

И это небытие с тех пор, судя по вашим словам, нам не принадлежит?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Небытие нам принадлежит только для того, чтобы, признавая его, позволить

Еще больше существовать Тому, кто есть.

ДОН КАМИЛЬО

В таком случае молитва — не что иное, как свидетельство нашего небытия?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не столько свидетельство, но и само состояние небытия.

ДОН КАМИЛЬО

Значит, когда только что я говорил “я есть небытие”, это была молитва?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы делали прямо противоположное, потому что единственное, в чем Бог нуждается,

Вы, опираясь на ваше основополагающее различие, хотели сохранить для себя,

Предпочитая тому, что существует.

ДОН КАМИЛЬО

Таким образом, как ловкий ловец, я привел вас именно туда, куда хотел.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(взволнована, словно что-то припомнила)

Почему вы говорите о ловце?

Ловец... ловец людей... мне, кажется, уже показали одного такого.

ДОН КАМИЛЬО

Пруэз, когда вы молитесь, всю ли себя отдаете вы Богу? И когда вы обращаете к Нему ваше сердце, наполненное Родриго, какое место оставляете вы для Него?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

(глухо)

Достаточно не сотворить зла. Разве Бог может требовать, чтобы ради Него мы отказались от всех наших привязанностей?

ДОН КАМИЛЬО

Слабый ответ! Да, есть привязанности, дозволенные Богом, составляющие часть Его Святой воли.

Но Родриго в вашем сердце не имеет никакого отношения к Его воле, но только к вашей. Это ваша страсть.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Страсть всегда связана с крестом.

ДОН КАМИЛЬО

Каким крестом?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго навсегда для меня крест, к которому я пригвождена.

ДОН КАМИЛЬО

Почему же не дать ему возможность закончить работу?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Разве не ради этого прибывает он с другого конца света?

ДОН КАМИЛЬО

Но вы ведь соглашаетесь принять смерть от его руки только с тем, чтобы стать ближе к его душе.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Разве все, что было во мне способно страдать крестную муку, не отдано ему?

ДОН КАМИЛЬО

Крест будет полным лишь тогда, когда все, что есть в вас не от воли Божьей, будет уничтожено.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ужасные слова!

Нет, я не откажусь от Родриго!

ДОН КАМИЛЬО

Тогда я проклят, ибо моя душа может быть искуплена только вашей и только на этих условиях я отдам ее вам.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Нет, я не откажусь от Родриго!

ДОН КАМИЛЬО

Так умрите тогда через задушенного в вас Христа,

Призывающего меня страшным криком,
а вы отказываетесь мне его дать!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Нет, я не откажусь от Родриго!

ДОН КАМИЛЬО

Пруэз, я верю в вас! Пруэз, я умираю от жажды!

Ах, перестаньте же быть только женщиной и дайте
мне наконец увидеть на вашем челе лик Бога, что вы
бессильны удерживать далее,

Дайте мне достичь в глубине вашего сердца тех вод,
что Господь сделал вас сосудом!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Нет, я не откажусь от Родриго!

ДОН КАМИЛЬО

Но откуда тогда этот свет на вашем лице?

СЦЕНА XI

ВИЦЕ-КОРОЛЬ, ДОН РАМИРО, ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА,
ДОН РОДИЛАР

*Испанский флот на широте Дариена в Мексиканском
заливе, готовый к отплытию в Европу. Полуют
Адмиральского корабля.*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Господин лейтенант, я в самом деле сожалею, что
вынужден лишать вас флота в такой критический момент.

Я действительно знаю, что эти разбойники готовят
экспедицию против Картахены.

И если вы спросите меня, как противостоять
этим господам, не имея кораблей, без припасов,
которые я вынужден был забрать у вас, к тому же
без лучших войск, которые я позволил себе занять у вас,
и без денег тоже,

То я отвечу вам: выпутывайтесь, как можете.

ДОН РАМИРО

Я постараюсь суметь.

ДОН РОДИЛАР

Кстати, в отсутствие вашего Высочества, было
бы безнравственно и неприлично, чтобы все шло хорошо.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(туманно и с легкостью)

Король призывает меня.

ДОН РОДИЛАР

Один из тех безмолвных призывов, рождающихся
в тайной глубине личной королевской часовни, о которых
верноподданный должен не только догадываться,
но и предвидеть.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

У меня скопилось много серебра и золота для отправки
в Испанию, и я не хочу доверять их сопровождение
никому другому.

Надо и мне, наконец, появиться в Мадриде.

А заодно я воспользуюсь этим путешествием,
чтобы раз и навсегда покончить с африканскими пиратами,
что из года в год перехватывают мои корабли.

Пора наладить надежную связь между двумя
Испаниями.

ДОН РОДИЛАР

Вроде той, о которой говорил давеча оратор из муниципалитета,

Не она ли через Анды и этот чудовищный орган между двумя Америками, которым мир затворен,

Только что вытянула ваш корабль, как колесницу самого Юпитера

От безбрежных пространств Тихого океана до областей этих нетерпеливых и всегда беспокойных вод.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(стуча ногой по палубе)

Дело сделано, господин Умник! Я выиграл!

Громоздкая машина, что родилась у меня в голове, сработала!

То, во что все здравомыслящие умы с яростью отказывались верить, дышит, работает! Эта огромная машина из веревок, блоков, противовесов скрежещет от берега до берега в своей триумфальной абсурдности! Греки и римляне никогда ничего подобного не видели!

Что там рассказывают в школе о победах Аннибала с его слонами?

Я же во главе дюжины кораблей поднялся на горы, и стаи поугаев запутались в тросах моих судов!

И под моими форштевнями я открыл море гор и лесов!

Сто тысяч человек, уложенных под землю, с той и другой стороны этой дороги, что я воздвиг, свидетельствуют, что благодаря мне они жили не зря!

Я действовал не как строитель, но как государственный муж.

Я создал центральный проход, общий орган, сделавший из этих двух разрозненных Америк единое тело.

Я занимаю срединное положение между двумя континентами, верхом на двух склонах.

Этот своего рода засов не позволяет ни одному из моих врагов соединиться с другим, это самый короткий путь во все стороны, ключ, который вооружает весь материк против каждой из его частей.

Этот ключ отправляюсь я вручить королю Испании.

Настало время привезти ему новости из другого Океана, открытого мной, с другой стороны этого барьера из золота, серебра и пряностей, и для того развернуть моего коня,

И заставить его пересечь, словно планку манежа, этот предел, где останавливается время,

И увидеть его взмыленную грудь подо мной погружающейся в воды этого плененного Моря.

*Дон Родилар вытянул перед собой руку,
как бы читая по ней.*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Что вы читаете по руке, сеньор Секретарь?

ДОН РОДИЛАР

Историю Карла Великого.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

И что же там такого интересного в жизни Карла Великого?

ДОН РОДИЛАР

Карл Великий каждую весну, когда у его псарей все было готово, имел привычку седлать коня и отправляться на охоту.

Саксонцев крестили целыми толпами, в Марсель приводили длинные вереницы почитателей Магомета, дабы наполнить галеры его Величества.

Фанфары, речи, фейерверки, триумфальные арки, отчеты в газетах. Осенью император возвращался в Аркей-Кашан.

Роланд один оставался в арьергарде:

И сегодня можно увидеть в детских книжках,
как напрасно он изо всех сил дует в свой рожок, призывая
на помощь.

От этой истории и произошло известное выражение
“Поступать как Карл Великий”.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Если я уподобляюсь Карлу Великому, то верный Рамиро
будет у нас Роландом, и берегитесь, сарацины, вздумавшие
сунуться к нему.

Бери себе Америку, мой дорогой Роланд, рыцарь
без страха и улыбки, и постарайся сохранить ее как
полагается.

На случай, если у тебя возникнут затруднения,
я оставляю тебе маленькую книжечку, целиком
переписанную рукой Родилара. Тебе останется только
обратиться к ней,

Там есть алфавитный указатель в конце.

ДОН РАМИРО

Я умоляю ваше Высочество не уезжать.

От имени всех тех, кто от края до края Нового Света,
веря в вас, встали под ваше начало, я прошу сегодня ваше
Высочество, очень серьезно и торжественно, не уезжать.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

А почему бы мне не уехать, господин мой заместитель?

ДОН РАМИРО

Вы поклялись быть верным Америке до самой смерти.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Боже мой, если бы это было правдой, ты вызвал бы у меня
огромное желание предать ее.

ДОН РАМИРО

Не уничтожайте в тех, кто любит вас, образ, который
они себе создали.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Он неинтересен.

ДОН РАМИРО

Не покидайте из-за женщины доверенный вам пост.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Женщина? Какая женщина? Не женщина заставляет
меня уехать.

ДОН РАМИРО

Так вы будете утверждать, монсеньор, что уезжаете
не ради некой известной нам женщины?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(с легкой усмешкой)

Нет, сеньор Любопытствующий. Только долг.

(почти напевая)

Долг, только долг зовет меня.

ДОН РАМИРО

(низко кланяясь)

Остается только проститься с вашим Высочеством.

Я желаю вашему Высочеству счастливого пути.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Сеньор, прощайте.

Дон Рамиро уходит.

ДОН РОДИЛАР

*(кланяясь в свою очередь, передает Вице-королю
миниатюрный томик)*

Я позволил себе преподнести вашему Высочеству
Obras completas, мое полное собрание сочинений.
В знак моего глубокого уважения.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Прощай, дорогой мой Родилар! Только ты понял меня.
Дон Родилар уходит.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Только Родилар понял вас, монсеньор?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Только Родилар понял меня.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Почему вы так врали дону Рамиро?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Меня забавляет иногда врать, и делать то, что я хочу
под прикрытием вымышленного Родриго, которого
я выставляю напоказ.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Он любит вас.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я ненавижу фамильярность.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

А мне вы не хотите сказать любезное слово перед отъездом?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Прощайте, я буду иногда думать о вас.

ДОНЬЯ ИЗАБЕЛЛА

Ненавижу.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Тем лучше. Я так устроен, что ненависть и презрение
людей мне легче терпеть, чем их любовь.

И ЗАТЕМ

СЦЕНА XII

*Два месяца спустя, испанский флот в виду Могадора,
мрачное послеполуденное время при полном штиле.
Входит капитан с подозрительной трубой, которую он
протягивает Вице-королю (Родриго).*

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(вглядываясь в побережье)

Все кончено. Мавры убегают со всех ног. Черт возьми,
они свое получили. И сегодня больше атаковать не
полезут.

КАПИТАН

Ей-богу, этот Очиали, дон Камильо, крепкий орешек!

Право жалко, если он закончит свою карьеру иначе,
чем на христианской виселице.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Может быть, вам бы хотелось, чтобы мы его поддержали
против неверных?

КАПИТАН

Это точно, ей-богу, вся наша армия с удовольствием
пришла бы на помощь дону Камильо, Каша-Дьябло.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Гораздо забавнее, не сделав ни одного пушечного выстрела,
наблюдать, как он погибает на моих глазах.

Представляю, как каждое утро он всматривается в море,
где мрачное присутствие наших кораблей день и ночь
застилает ему горизонт.

Не стоило отбирать войска у дона Рамиро. Можно
было предвидеть, что как только наши намерения станут
известны, мавры не захотят оставить нам такую богатую
добычу, а Могадор — Испании.

КАПИТАН

Но разве мавры в Могadore для нас намного лучше, чем дон Камильо?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я хочу вообще покончить с этим искушением, с этой старой африканской заразой, которая у нас в крови.

Я пресеку навсегда все эти пагубные интрижки, что готовят нам новую экспедицию в духе дона Себастьяна⁶⁰.

В мои планы не входит, чтобы Испания вновь заинтересовалась Африкой. Достаточно с нее Нового Света.

КАПИТАН

Но что на это скажет Король Испании?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(с сухим смехом)

Вы же знаете, сударь, я тут ни при чем. Я даже не сделал ни одного выстрела из пушки.

Моя ли вина, что несвоевременный мертвый штиль уже две недели держит нас перед Могадором?

Отвечаю ли я за объяснение, которое эти дикие дураки дали нашему присутствию?

И мог ли я догадаться, что войска нашего ренегата, дона Камильо, были готовы восстать?

КАПИТАН

Неужели вы ничего не можете сделать хотя бы для вдовы дона Пелайо, которую этот разбойник держит в плену?

60 Легендарный португальский король Себастьян (1554–1578), организовавший крестовый поход против султана Марокко Мулея и убитый в битве при Алязаркивире (1578).

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Не в плену, сеньор, но, насколько мне известно, как свою почитаемую супругу.

КАПИТАН

Может быть, он отпустит ее, если мы ему что-нибудь пообещаем?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Мне нечего ему обещать. Я жду предложений от него.

КАПИТАН

(хватая подзорную трубу и направляя ее на побережье)

Сигнал! Я вижу белый флаг, который поднимается и опускается на мачте крепости. У нас просят разрешения послать парламентаря.

Пауза.

Как прикажете ответить?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Мне не хочется отвечать.

КАПИТАН

Монсеньор, я умоляю вас выслушать, что хотят нам сказать эти несчастные испанцы.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Хорошо. Пусть посылают своего парламентаря.

Офицер отправляется, чтобы передать приказ. Пауза.

КАПИТАН

Я вижу баркас, отплывающий из гавани. На борту женщина! Точно женщина. Да, на борту женщина и ребенок.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Дайте мне подзорную трубу. Нет, вы разглядите лучше меня. Вы абсолютно уверены, что на борту женщина?

СЦЕНА XIII

ВИЦЕ-КОРОЛЬ, ДОНЬЯ ПРУЭЗ, ОФИЦЕРЫ
Палуба флагманского корабля закрыта полотнищами таким образом, что напоминает своего рода большой шатер. Перед изображением святого Иакова на стене задней палубы зажжен массивный фонарь. Вице-король восседает в большом позолоченном кресле. За его спиной стоят командиры судов и высшие офицеры.

ОФИЦЕР

(*входя*)

Посланник коменданта Могадора прибыл.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Пусть его пропустят.

Входит донья Пруэз, ведя за руку маленькую девочку.

Пауза.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Вы и есть посланник сеньора Очиали?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Его жена и его посланник. Вот мои полномочия.

Она отдает ему бумагу, которую он, не читая, передает стоящему за ним офицеру.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я вас слушаю.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Могу ли я говорить перед всеми собравшимися?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я хочу, чтобы слышал весь флот.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Уезжайте, и дон Камильо сохранит Могадор.

Вы только что могли наблюдать, как мы еще способны защищаться. И среди осаждающих крепость у нас тоже немало сторонников.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Меня мало интересует, сможет ли дон Камильо, как вы его называете, или Очиали, или какое там еще имя у этого предателя,

Сохранить Могадор.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Господа, я прошу вас, послушайте, что ответит ваш командующий. Я спрашиваю вас: разве вы здесь по желанию Короля Испании?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

(*с саркастической улыбкой*)

Письмо заставило меня приехать, призыв, желание, которому мне нечего противопоставить.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы услышали его слишком поздно.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Как только он дошел до меня, я бросил все, и вот я здесь.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Значит, вы предпочитаете призыв женщины служению вашему монарху?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Почему бы мне немного не повоевать против своих?

Как некогда другой Родриго, мой покровитель, которого прозвали Сидом.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Так значит, для того, чтобы объявить нам эту личную войну, вы бросили ваши Индии?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Почему бы мне не включить Марокко в ту новую конфигурацию вселенной, которую ваш призыв,

Как предсказанье гороскопа,

Приглашал завершить моим отъездом?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Больше никто не зовет вас, уезжайте.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Больше никто не зовет, говорите вы? Но вовсе не это говорит мне мое сердце, которое умеет слушать.

К тому же у берегов Могадора неподвижное море удерживает мой отягченный корабль.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Господа, если бы король Испании захотел уничтожить Очиали, вы думаете, он сам не нашел бы способ это сделать?

И если он нас так долго терпит, значит, у него есть на то свои причины?

Эта Африка у самых дверей королевства, этот огромный чердак с саранчой, который уже три раза у нас перехватывали во времена Тарифа, Юсуфа и Альмохадов,

Вы полагаете, что ее можно оставить без присмотра?

Разве не лучше было все-таки сохранить за собой возможность контроля и вмешательства изнутри?

Очиали-отступник оказал больше услуг королю, чем дон Камильо-балъи, королевский чиновник.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я никогда не позволю себе сказать, что король Испании нуждается в услугах вероотступника.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А я уверена, что против зла всегда можно со смирением что-то предпринять,

Я скажу, что если бы царственный пастух не доверился сторожевой собаке, которой я пробыла здесь десять лет,

Волк сожрал бы еще больше овец.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Не сторожевой собакой, но верной супругой, которой мы все восхищаемся.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Его супругой, это правда, я согласилась стать его супругой!

Потому что у меня не оставалось больше верных войск, не было никакого другого способа продолжить

Мое капитанство в Могадоре, вверенном мне королем,

Не было иного способа сдерживать его и командовать этим бешеным зверем в течение десяти лет.

ОФИЦЕР

Это правда, я могу подтвердить. Множество освобожденных пленников, множество кораблей, по ее приказу спасенных от пиратов, множество потерпевших кораблекрушение, отпущенных без выкупа, могли бы засвидетельствовать то, что сделала здесь донья Пруэз для королевства.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Список преступлений Очиали можно было бы продолжить.

Его излюбленной добычей было все то, что отправлял в Испанию именно я.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я не всегда могла ему помешать, но я была сильнее его.

Много раз он меня бил и мучил. Но потом подчинился.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я не ослышался, вы говорите, что он вас бил и мучил?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

В первый раз это случилось, когда я написала вам письмо, письмо к Родриго.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Ах, я не должен был оставлять вас с ним!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Почему же? Удары побежденного не причиняют вреда.
А потом и вы тоже его мучили.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Должен ли я думать, что только телом вы были с этим человеком?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго, все, в чем я клялась вам каждую ночь, правда.

Через море я все время была с вами, и ничто нас не разделяло.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Горький союз.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Горький, говорите вы? Ах, если бы вы лучше слушали, если бы ваша душа, едва расставшись со мной,

Не испила вод забвения,

Как много могла бы она вам рассказать!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Но тело властно над душой.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Душа над телом еще больше.

Что доказывает этот ребенок, плод сердца моего, полного вами.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Чтобы привести этого ребенка, вы и пришли ко мне?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Родриго, я вверяю тебе мою дочь. Оставь ее при себе, когда у нее не будет больше матери.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Так значит, если я правильно понял, вы хотите вернуться к Очиали?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Мне осталось услышать, как вы откажетесь от последнего предложения, которое мне поручено вам передать.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Говорите.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Если вы уведете свой флот, он предлагает отпустить меня с вами.

Пауза.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Что вы на это скажете, господа?

ОФИЦЕР

Я не вижу, что нам мешает ответить утвердительно. И спасти эту женщину, которая, в конце концов, была супругой благородного Пелайо.

ДРУГОЙ ОФИЦЕР

А я полагаю, что нужно закончить то, что мы начали, и не заключать перемирия с этим вероотступником.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Прежде всего он хотел бы избавиться от меня, он хочет начать жить заново.

Это я мешаю ему продолжать.

Нужно ли говорить, что он добавил, монсеньор?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

И что же?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Что он был очень счастлив тем, что вы получите из его рук это маленькое обязательство.

Он говорит, что отдает меня вам. Он вверяет меня в ваши руки.

Он поручает меня вашей чести.

Его замысел состоит в том, чтобы унижить нас друг через друга.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я прибыл сюда, чтобы ответить на ваш призыв освободить вас от этого человека.

И я вас освобожу.

Я не хочу больше никаких связей между этим подлецом и вами.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Дорогой Родриго, нет иного способа освободить меня, как через смерть.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Почему же? Кто помешает мне удерживать вас на борту моего корабля, пока мавры не освободят меня от Камильо?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Честь помешает. Я поклялась ему вернуться, если его условия не будут приняты.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я не участвовал в вашем обещании.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Вы же не будете заставлять меня нарушить данное слово. Вы не дадите ему этого преимущества над нами.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Значит, я должен вас отпустить в руки мавров?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Все готово, чтобы взорвать крепость сегодня вечером. В полночь вы увидите сильное пламя, а когда оно погаснет, взрыв.

Тогда можете уезжать. Что-то закончится навсегда.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Что закончится, Пруэз?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Все кончится для Пруэз, что мешало мне начаться вновь.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Офицеры, товарищи по оружию, все собравшиеся здесь, чье едва различимое дыхание я ощущаю вокруг меня в темноте.

Вы все слышали о письме к Родриго и о долгом желании между этой женщиной и мной, что за десять лет уже стало притчей во языцех между Старым и Новым Светом,

Так посмотрите же на нее, как те, чьи глаза уже закрыты, смотрели на Клеопатру, Елену, Дидону или Марию Шотландскую,

Всех тех женщин, что были ниспосланы в мир для уничтожения Империй и ее Полководцев, для разрушенья городов и флотилий.

Любовь закончила свое творенье в тебе, возлюбленная моя, и смех на твоём лице уже сменился болью, и золотой

венец вокруг твоего чела — таинственной снежной короной.

Но то в тебе, что некогда давало мне обещанье,
под этой оболочкой, сегодня близкой к исчезновению,

Не перестало ни на миг существовать в ином времени,

Это обещание между твоей душой и моей, через
которое время остановилось на мгновение,

Это обещание, которое ты мне дала, это обязательство,
что ты приняла, это долг по отношению ко мне,
что ты взяла на себя,

Оно так велико, что даже смерть

Не сможет избавить тебя от него.

И если ты не выполнишь его, моя душа из глубин Ада
навечно проклянет тебя перед тронем Всевышнего.

Умри же, если ты так хочешь, я согласен! Уйди с миром,
скрой от глаз моих навсегда блеск твоего обожаемого
присутствия!

Заверши твое отсутствие!

Раз пришел день, когда ты кончишься в этой жизни,
и волею Провидения не кто иной, как я сам, призван
помешать тебе отныне оставаться угрозой обществу
и морали,

Присоединив к твоему обещанию смерть, что отныне
делает его безвозвратным.

Обещание, не так ли, старинное, вечное обещание!

И все же откуда пришла к Цезарю, и к Марку Антонию,
и ко всем великим мужам,

Имена, которых я только что вспоминал и чье плечо
я ощущаю ровень с моим,

Внезапная власть этих глаз, и улыбки, и губ, словно
никогда раньше они не целовали лица женщины,

Как не от неожиданного вмешательства благодати
в их жизнь, дотоле подчиненную сиюминутным деяниям?

Им стал явствен отблеск, в сравнении с которым весь
мир показался отныне мертвым, далеким,

Обещание, которое ничто миру не способно
удовлетворить, ни даже сама эта женщина, что на какое-то
мгновение облекла его в себя, подобно сосуду,

И потому обладание ею оборачивается видимостью,
пустыней.

Позвольте мне объясниться! Позвольте мне выбраться
из спутанных нитей мысли! Позвольте мне развернуть
перед всеми ту паутину, что многие ночи напролет

Я ткал, шагая из конца в конец моей горькой веранды,
подобно челноку в руках чернокожих ткачих!

Разве радость человеческого существа не заключается
в совершенстве? И если наше совершенство заключается
в том, чтобы быть самим собой, тем, кем предназначено
судьбой,

Откуда тогда берется это глубокое ликование, подобно
тому, что охватывает заключенного, когда он слышит
сквозь стену, как роют подкоп, что разломит ее в тот же
миг, когда копьё смерти вонзается, дрожа, в его ребро.

Так и видение этого ангела было для меня подобно
копью смерти! Ах, как долго мы умираем, и даже самой
долгой жизни слишком мало, чтобы научиться
соответствовать этому неустанному призыву!

Рана на моем ребре, подобно пламени, что постепенно
вытягивает весь огонь из лампы!

И если совершенство глаза не в его строении,
но в свете, что способен он воспринимать, и во множестве
предметов, которые он делает зримыми,

И совершенство руки не в красоте пальцев,
но в произведении, что она способна сотворить,

Почему тогда совершенство всего нашего существа
должно всегда ассоциироваться с необъяснимостью
и сопротивлением,

А не с поклонением, и страстью, и вечным предпочтением иного, и способностью превратить свои отбросы в чистое золото, и отдать земное время ради вечности, и обнажить свою душу, и разломиться наконец, и раскрыться наконец в состоянии невыразимого растворения?

И нам ведомо, что к этой развязке, к этому мистическому освобождению мы не способны сами по себе, вот откуда власть над нами женщины, что подобна Благодати.

А теперь, правда ли, что ты сейчас покинешь меня, не дав никакой клятвы? Рай, что женщиной был закрыт, правда ли, что ты не способна была его открыть? Ключи от моей души, что тебе, единственной, я вручил, правда ли, что ты уносишь их с собой, навсегда закрыв для меня все исходы

Из ада, в который ты ввергла меня, приоткрыв свой рай?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

О, Родриго, ради этого я и пришла сюда, и если я действительно дала тебе обещание,

Ради этого я и пришла, дорогой Родриго, чтобы просить тебя вернуть мне его.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Таков, значит, был тот неустанный зов, что день и ночь в течение десяти лет искал меня между небом и землей, не давая никогда мне покоя!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Дорогой Родриго, обещание, что когда-то дало тебе мое тело, я не способна исполнить.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Так что же, ты хочешь внушить мне, что оно было лживым?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А как ты сам думаешь?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Ты можешь сейчас говорить что угодно, но я глубоко убежден, что тело твое не лгало мне, и радость, что обещало оно мне, была истинной.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

А теперь оно исчезнет.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Твое тело исчезнет, но обещание, что было им дано мне, не исчезнет.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Так ты думаешь, что я могу подарить тебе радость?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я знаю, что, если захочешь, ты можешь мне подарить ее, и вечность покажется нам секундой.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Но чем хотеть, дорогой Родриго? Как сделать, чтобы снова хотеть, если другому вверила я мою волю? Как шевельнуть хотя бы мизинцем, если я вся целиком связана и пленена? Как говорить, если любовь — повелитель моей души и языка?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Так это любовь, наложив на тебя запрет в мире этом, Не обещает мне тебя в мире ином?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Любовь навсегда запрещает мне покидать вечную свободу, что держит меня пленницей!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Но для чего нужна такая любовь, скупая и бесплодная, в которой нет места для меня?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не спрашивай меня, для чего она нужна, я не ведаю,
блаженное создание, с меня достаточно, что я служу ей!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Пруэз, там, где ты сейчас, услышь этот крик моего
отчаяния, что в течение десяти лет не переставал
я обращаться к тебе!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я слышу его, но как могу я ответить иначе, как безмолвным
возвеличением света вечного, в сердце той, к которой
он взывает?

Как заговорить мне, пленнице?

Как обещать, ведь не осталось во мне ничего,
принадлежащего мне?

Я хочу лишь того, что хочет Тот, кому я принадлежу;
и в хотении Его, Того, Кто меня сокрушил, должен ты
искать меня, чтобы вновь обрести!

Только самого себя, Родриго, можешь ты винить!
Того, что ни одна женщина не в силах предложить,
отчего требовал ты от меня?

Почему впился ты в мою душу своими ненасытными
глазами? То, что ты просил от меня, я постаралась
возьметь, чтобы отдать тебе!

Зачем же теперь злиться на меня, если я больше не могу
обещать, но только дарить, а предчувствие, и дар, и я сама
составляем отныне единую вспышку?

Ты вскоре навсегда забыл бы меня, если бы отныне
во мне не начиналась для тебя связь с бесконечным!

Ты вскоре перестал бы любить меня, если бы я вся
не была для тебя безвозмездным даром!

Тот, кто верует, не нуждается в обещании.

Отчего не верить этому слову радости, и требовать
иного, чем это слово радости тотчас, которому все мое

существование служит лишь залогом, и желать не какого-
то там обещания, но меня саму!

Меня, Родриго!

Меня, меня, Родриго, я — твоя радость! Меня, меня,
Родриго, я — твоя радость!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Слова не радости, но разочарования.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Отчего делать вид, что ты не веришь мне,
ведь ты безнадежно веришь мне, несчастный безумец!

С той стороны, где больше радости, там и есть истина!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Зачем мне радость, если ты не можешь мне ее дать?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Откройся, и она войдет в тебя. Как дать тебе радость, если
ты не хочешь открыть ту единственную дверь,
через которую я могу войти?

Невозможно обладать радостью, это радость обладает
нами. И ей не ставят условий.

Когда ты откроешь в самом себе строй и свет,
когда ты станешь доступен для понимания, лишь тогда
она поймет тебя.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

И когда же случится это, Пруэз?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Когда ты оставишь для нее место, когда ты сам немного
подвинешься, чтобы оставить место для нее, для этой
дорогой радости!

Когда ты будешь просить ее ради нее самой,
а не для того, чтобы возвеличить в тебе то, что
противостоит ей.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

О подруга моего изгнания, так значит, мне суждено вечно слышать из твоих уст только это *нет*, и еще раз *нет*!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как, неужели благородный Родриго согласился бы взять неверную жену?

И даже потом, когда дон Пелайо умер, и я отправила тебе письмо,

Было предпочтительнее, чтобы ты его никогда не получал.

Иначе я превратилась бы вскоре в твоём сердце просто в смертную женщину, вместо той звезды вечной, что ты жаждал!

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Зачем мне звезда, с которой никогда невозможно соединиться?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ты прав, о Родриго, не в силах человеческих преодолеть то расстояние, что разделяет нас.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Тогда где же она, дорога между мной и тобой?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

О Родриго, зачем искать ее, если она сама разыскала нас?

Сила, что призывает нас вырваться за пределы нас самих, отчего

Не довериться и не последовать за ней? Отчего не поверить в нее и не ввериться ей? Зачем искать понимания, и мельтешить, и навязывать ей условия?

Будь же благороден в свой черед! То, что сделала я, не мог бы и ты это сделать в свою очередь! Освободись от всего! Отбрось все! Отдай все, чтобы все получить!

Если мы идем к вечной радости, какая разница, что случится на этом свете с нашей телесной видимостью?

Если я ухожу к вечной радости, как поверить, что это для твоего страдания? Ты в самом деле веришь, что я пришла в мир для твоего страдания?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Нет, вовсе не для страдания, Пруэз, радость моя! Не для страдания, нет, Пруэз, любовь моя, Пруэз, отрада моя!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Как хотела я подарить тебе радость! Ничего не оставить для себя! Вся расплавиться в нежности к тебе! Перестать существовать, чтобы отдать тебе все!

Как поверить, что меня не будет там, где царствует радость? Там, где больше радости, там полнее всего ощутишь ты присутствие Пруэз!

Я хочу быть с тобой вместе в самой сущности!

Я хочу слиться с первопричиной тебя самого!

Я хочу, чтобы Господь научил меня ничего не беречь для себя, стать благой и щедрой, той, что ничего не бережет для себя, той, у которой все можно взять!

Возьми же, Родриго, возьми, сердце мое, возьми, любовь моя, возьми Бога, наполнившего меня!

Сила, заставляющая меня любить тебя, неотличима от той, что дала тебе жизнь.

Я навсегда буду связана для тебя с тем, что дает тебе жизнь вечную!

Кровь не так сильно соединена с плотью, как Господь дал мне чувствовать каждое биение твоего сердца, что сжимается и разжимается

Во всякую секунду блаженной вечности.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Слова по ту сторону Смерти, и я едва различаю их смысл!

Но я смотрю на тебя, и мне этого достаточно! О Пруэз,
не покидай меня, останься в живых!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я должна уйти.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Если ты уйдешь, не будет больше путеводной звезды
для меня, я остаюсь один!

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Не один, нет.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Не видя тебя на небе, я забуду тебя. Кто дал тебе
уверенность в том, что я не смогу перестать любить тебя?

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Пока я существую, я уверена, что ты существуешь вместе
со мной.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Дай мне только это обещание, и я сохраню мое.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Я больше не способна обещать.

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Я еще хозяйин здесь! И если захочу, я могу помешать тебе
уйти.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ты и вправду полагаешь, что можешь помешать мне уйти?

ВИЦЕ-КОРОЛЬ

Да, я могу помешать тебе уйти.

ДОНЬЯ ПРУЭЗ

Ты в это веришь? В самом деле? Ну что ж, скажи только
одно слово, и я останусь. Не нужно будет применять силу.

Одно слово, и я останусь с тобой. Одно только слово,
неужели так сложно его вымолвить? Одно слово, и я
останусь с тобой.

Тишина. Вице-король опускает голову и плачет. Донья

Пруэз с головы до ног закутывается в вуаль.

РЕБЕНОК

(вдруг начинает кричать)

Мама, не покидай меня!

*К воображаемому кораблю причаливает длинный баркас
с двумя рядами гребцов без лиц. Из него выходят два черных
раба, которые подхватывают Пруэз под руки и относят
в траурный челн.*

РЕБЕНОК

(с пронзительным криком)

Мама, не покидай меня! Мама, не покидай меня!

Конец Третьего Дня

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОД ВЕТРОМ БАЛЕАРСКИХ ОСТРОВОВ

Действие этого Дня проходит на море, в виду Балеарских островов. Оркестр в 12 тактов раз и навсегда устанавливает горизонт

Действующие лица Четвертого Дня

АЛЬКОШЕТТЕ
БОГОТИЛЬОС
МАЛЬТРОПИЛЬО
МАНДЖИАКАВАЛЛО
ШАРЛЬ ФЕЛИКС
ДОН РОДРИГО
ЯПОНЕЦ ДАЙБУЦУ
ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ
ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ
БАКАЛЕЙЩИЦА
КОРОЛЬ ИСПАНИИ
КАМЕРГЕР
АКТРИСА №1
АКТРИСА №2
КАНЦЛЕР
ПРИДВОРНЫЕ
ПРОФЕССОР БИДЕНЦИЙ
ПРОФЕССОР ХИННУЛУС
КАМЕРИСТКА
ДИЕГО РОДРИГЕС
ЛЕЙТЕНАНТ
ДОН АЛЬСИНДАС
ОДИН-ДВА-ТРИ-ЧЕТЫРЕ-ПЯТЬ-ШЕСТЬ
МИНИСТРОВ
СОЛДАТЫ
БРАТ ЛЕОН
ПРИВРАТНИК
МОНАХИНЯ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

РЫБАКИ АЛЬКОШЕТТЕ, БОГОТИЛЬОС,
МАЛЬТРОПИЛЬО, МАНДЖИАКАВАЛЛО,
*у этого последнего, очень волосатого и черноволосого,
вид особенно тупой. На заднем плане*
МАЛЬЧИК ШАРЛЬ ФЕЛИКС с удочкой в руках.

АЛЬКОШЕТТЕ

(окунает свой палец в море и сосредоточенно сосет его)

Сладко!

БОГОТИЛЬОС

*(Зачерпнув в одну руку пригоршню воды,
переливает ее в другую, затем с силой трет обе руки,
вдыхая запах.)*

Ежели это вам не глоток виноградного, пущай⁶¹ меня
занесут в дополнительный список Налоговой инспекции.

МАЛЬТРОПИЛЬО

*(Он зачерпывает чашкой морской воды и, выпучив глаза,
ополаскивает ею небо, а потом сплевывает,
как это делают дегустаторы вин.)*

61 В этой сцене Клодель использует простонародные выражения и произношение.

Щас я вам скажу точно, ежели это на что похоже, так на мальвазию, эту мальвазию мне как-то ввечеру давал пробовать сторож монастыря.

АЛЬКОШЕТТЕ

Ну, попробуй же, Манджиакавалло.

МАНДЖИАКАВАЛЛО

(неуверенно, но в то же время уже наклонился)

Вы хотите меня принудить.

БОГОТИЛЬОС

(засовывая его голову в море)

Да будешь ты пробовать наконец, артист!

МАНДЖИАКАВАЛЛО

(с него стекает вода, чихает)

Аа-пчхи! Фрр! Ппш!

МАЛЬТРОПИЛЬО

Чегой-то не пойму, элось сухое или розо?

МАНДЖИАКАВАЛЛО

Идиоты несчастные! Никогда в жизни не пробовал ничего солонее этого! Вот уж точно винные склады именно здесь!

АЛЬКОШЕТТЕ

Потише там! Наш Шарль Феликс на что-то уже напал.

МАНДЖИАКАВАЛЛО

Додумались тоже — заставлять шарить в морских глубинах десятилетнего мальчугана!

АЛЬКОШЕТТЕ

Да ты-то чего сам можешь почувствовать своими лапищами, толще акульих? Ты, небось, головешки горячие даже если возьмешь, и то не обожжешься.

БОГОТИЛЬОС

Это дельце тонкое, скажу я вам! Да, эта вот веревка, друзья мои, сделана из манильской пеньки, она потоньше нерва будет! И изгибается, что уж! Часики, туфельку, подставку под блюдо, все найдет в глубине морской. Но чтобы воспользоваться ей, нужно тельце нежное, ручки свеженькие, как лепесток розы. Смотри мне, поросеночек!

МАЛЬТРОПИЛЬО

Это все чепуха, но кто, скажите мне, придумал прицепить на удило руку?

МАНДЖИАКАВАЛЛО

Какую руку?

МАЛЬТРОПИЛЬО

Гляньте-ка на него — и ничего он не знает! Ничего не видит! Никуда не смотрит!

Ты чего, чурбан ты этакий, не видел, штоль, руку на конце веревки?

МАНДЖИАКАВАЛЛО

Ну видел нечто вроде желтого кончика.

МАЛЬТРОПИЛЬО

“Нечто вроде желтого кончика”, это рука Левия, ювелира, ну повесили которого в прошлом месяце за то, что делал фальшивую деньгу как настоящую!

Мне ее честь по чести продал сам палач за полтора фунта свежей рыбы, уж давно хотелось приобрести руку эту.

Рука ростовщика охотится сама по себе. Где есть золото-серебро, так намертво цепляется прямо к ней. Такая за кошельком прямо в карман залезет.

Ежели чего есть на дне моря, рука Левия вам это точно достанет.

АЛЬКОШЕТТЕ

Раз мы ищем вино, тебе бы лучше было подвесить на конец веревки не руку ювелира, а нос пьяницы.

МАЛЬТРОПИЛЬО

Для этого и мой сойдет. Всем известно, что море в этих местах какого-то чудного цвета.

Как будто оно, как говорится, перебродило.

И третьего дня, когда Боготильос притащил мне ушат с водицей, набранной в этом самом месте,

Вкус у нее был точь-в-точь, по-другому не скажешь, как вино с Канарии, что пьют в Греции.

МАНДЖИАКАВАЛЛО

И точь-в-точь как соленая вода, когда она соленая.

БОГОТИЛЬОС

А ты здесь не для того, чтобы рассуждать. Тебе платят, чтобы грести, вот и греби. Надо будет, тебя спросят.

Всем известно, что где-то здесь есть винный источник, эдакий откупоренный бочонок.

МАЛЬТРОПИЛЬО

Чего в этом удивительного, винный источник, находят же масляные источники по всей Бразилии.

Там и огонь горит поверху.

АЛЬКОШЕТТЕ

А не здесь ли как раз Малькальзадо нашел Ледяную Тетку?

МАНДЖИАКАВАЛЛО

Это кто такой, Малькальзадо?

МАЛЬТРОПИЛЬО

Сразу видать, что ты нездешний, сардина ты из Сардинии!

Все здесь знали Малькальзадо, высокого малого, такого всего смуглявого, у которого вечно штаны спадали и к тому же была жена, что его изрядно поколачивала,

У него всегда был такой вид, будто он откровенно хохочет, рожа растянута до ушей, словно он хотел зубами подцепить свои штаны, чтоб не потерять.

Как-то раз спустился он, значит, чтобы высвободить зацепившийся якорь, и вдруг оказался на палубе старинного корабля, когда-то давно потонувшего,

И пока он тама копошился, то вдруг почувствовал, это, почувствовал, словно он крепко так обнимает Ледяную Тетку,

Здоровенный труп голой женщины, такой же твердой, как камень.

С тех пор бедолага только то и делает, что ищет ее, совсем она ему мозги свихнула.

БОГОТИЛЬОС

Все было вот в этом самом месте.

АЛЬКОШЕТТЕ

А мне он рассказывал, что это была вовсе не женщина, а что-то вроде огромного кувшина или горшка, такого большого, что и в руках не удержать.

И горшок этот ходуном ходил и бурлил, словно живот ведьмы!

БОГОТИЛЬОС

(указывая на приближающееся к ним судно)

Внимание! Прикиньтесь, что вы делаете совсем другое!

Сюда приближаются! Постарайтесь все сделать вид, как будто вы не делаете вид.

В глубине сцены за легкой занавеской появляется корабль дона Родриго, идущий под одним кливером.

*Между двумя мачтами натянуты канаты, на которых
подвешены рядами картинки большого размера, грубо
нарисованные и раскрашенные.*

МАЛЬТРОПИЛЬО

Это корабль дона Родриго.

АЛЬКОШЕТТЕ

О-ля-ля! Он выставил на свежий воздух всю свою лавчонку картинок! Все святые из Рая там! Смотрите-ка, какой он установил фальшборт! На рыбацком баркасе, что возвращается после трехдневной ловли, и то столько парусов и снастей на просушку не вывешивают.

БОГОТИЛЬОС

Сейчас самое времечко для коммерции. Флотилия, которая возвращается из Америки с золотом и серебром из Перу, как раз подошла. А флотилия Хуана Австрийского, что должна отправляться на драку с турками,

Еще тоже здесь, скоро отплывает. И караван судов, который собрали для подкрепления нашей Армады против Англии, тоже, однако, еще здесь. И Король со всем двором тоже здесь,

Финансы, дипломатия, суды и все прочее.

Вся Испания здесь и вытанцовывает на красивеньком море. Люди, в конце концов, заметили, что живется лучше всего на воде.

Ну и конечно, друзья мои, рыбаки тут в самый раз! Лодки для провизии, лодки для слуг, для актеров, для шутов, для жандармов и целый корабль для священников, чтобы читать мессу под колокольный звон!

Со всех сторон виднеются лишь черные точки, словно мухи на клейкой бумаге!

МАЛЬТРОПИЛЬО

Особенно захватывающе все выглядит ночью, со всеми этими зажженными огнями,

Со вспышками, с пылающими и искрящимися печами кухонь,

Переключением с борта на борт, с танцами и оркестрами, пушечными выстрелами, женскими и мужскими голосами, словно поющими в унисон, нет, что ни говори, не каждый день такое можно увидеть,

А то вот еще длинный красивый траурный кортеж на море, как давеча для господина Адмирала,

Весь величайший испанский Рамадан на море,

А море, скажу я вам, как своего рода гигантский оркестр, что невозможно заставить замолчать из глубины, он, без передыху, тихо так бормочет мелодию, отбивает такт и сам же танцует!

Никто больше не помышляет вернуться на сушу, и если есть в чем надобность, корабли просто-напросто отправляются на Майорку.

Пока они говорят, иллюзорный оркестр объясняет их слова.

АЛЬКОШЕТТЕ

Если бы я был королем Испании, меня бы коробило видеть, как посреди всего этого великолепия прогуливается одноногий дон Родриго.

БОГОТИЛЬОС

Не вина Короля Испании, если у него не хватает одной ноги.

АЛЬКОШЕТТЕ

Ну не скажи, он все-таки десять лет был Вице-королем Индий, потом попал в немилость и его отправили на

Филиппины, и там, сражаясь с японцами, он и попался в плен.

А теперь ему приходится продавать картинки из Календаря⁶² Святых бедным рыбакам, чтобы прокормиться.

БОГОТИЛЬОС

Море — лучшее место для всех обломков. Король Испании не обязан интересоваться судьбой всех тех, что оканчивают здесь свое плавание в мутных водах.

АЛЬКОШЕТТЕ

Но этот-то нахально плавает прямо у него под носом, такой же гордый, как трехпалубное судно.

БОГОТИЛЬОС

Лично меня на его месте, наоборот, забавляло бы показать всем этим раззолоченным придворным с напускными завитушками, что может статься с человеком, к которому я утратил свой интерес.

МАЛЬТРОПИЛЬО

Но как раз больше похоже на то, что скорее Родриго утратил интерес к королю Испании! Надо видеть, с каким видом Родриго устраивается на своей деревяшке, как он стучит по палубе корабля,

Резко, жестко, смотрите, это я!

Словно говорит тем, кто бы чего возразил, что им нечего больше сказать, кроме как помалкивать! А сам-то как взгромоздился на деревяшку, чтобы высказаться!

62 Feuilles de Saints, “Календарь Святых”, точно так же называется цикл стихов самого Клоделя, написанный в 1918 году (первая публ. в 1925). И, подобно Родриго, который рассказывает Дайбуцу, что тот должен был изображать на картинках Святых, сам Клодель описывал позы и костюмы персонажей балета, “Человек и его желание”, которые потом рисовала его приятельница, Одри Пар.

БОГОТИЛЬОС

Я думаю, что все это плохо кончится для него.

АЛЬКОШЕТТЕ

Пока же все покупают у него картинки святых. Их всегда не хватает. Только их и можно видеть на всех стенах Балеарских островов, вплоть до алжирской каторги. Отцы Ордена Богоматери Милосердия⁶³ пачками отправляют их несчастным узникам.

МАЛЬТРОПИЛЬО

Самое забавное, что он никогда даже не пробовал сам раскрасить или нарисовать картинку, он объясняет свой замысел живущему с ним вроде японцу, что ли, которого он привез из Японии, и тот рисует для него на деревянной дощечке. С помощью туши, красок и пресса можно отпечатать сколько хочешь картинок.

БОГОТИЛЬОС

Прошлого дня он подарил мне раскрасивого такого Сантьяго! Изобразил как раз в тот момент, когда он возвращается в Испанию.

У него нечто вроде черных баков, глаз нет, большой нос, точь-в-точь железный нож, он весь в наколках, как моряк до пояса, и все его тело кажется одним сплошным напряжением мускулов.

Правой ногой он упирается в нос своего корабля, колено на уровне груди,

И набрасывает на Испанию что-то вроде якорной цепи в форме спирали, что не перестает поворачиваться и разматываться в небе,

Прямехонько к видной издали колонне,

63 Орден Богоматери Милосердия, или Орден Искупления, был создан в 1223 году и посвящен выкупу пленников из магометанского плена.

Геркулесову столбу, колу, протыкающему Испанию ровно посредине, последнему жестко заверченному болту, что всей Европе не дает сдвинуться.

МАЛЬТРОПИЛЬО

А у меня есть совсем другой Сантьяго. Он по величине точнехонько охватывает расстояние между небом и землей.

Он выходит из моря, одной ногой еще по щиколотку в воде, и такой огромный, что вынужден сгорбиться, упираясь в самый свод облаков,

К тому же у него длинная рука, которая свисает с правого плеча, и кисть на конце руки раскачивается как крюк,

А под ней, на берегу, со своими лавками и колокольнями видится маленький городишко, весь белый, как мучной след.

АЛЬКОШЕТТЕ

Есть также святой Иосиф на горе Арарат, которому предоставили Ноев ковчег. Но сам-то я купил святого Иуду, покровителя безнадежных дел.

На картине изображен вроде как перекресток в шахте, где встречаются три или четыре галереи на много миль под землей.

И человек в одиночестве, он сидит за столом, уронив голову на руки.

А из одной из галерей исходит пучок света, подобно приближающемуся фонарю.

БОГОТИЛЬОС

Да и других немерено! Не успеваешь всех и разглядеть, когда оказываешься у него. Можно подумать, что кто-то подсказывает ему образы, а он их подбрасывает своему японцу, а тот всегда тут как тут возле него, вроде повара со своей разогретой сковородой, в которой уже закипело масло.

МАНДЖИАКАВАЛЬО

Все это хорошо, а непонятно, что мы будем делать с нашим огромным бочонком вина после того, как мы его поймаем.

АЛЬКОШЕТТЕ

Нам останется только стать трактирщиками и поить всю Испанию.

БОГОТИЛЬОС

А как на это все посмотрит Святая Инквизиция, а также Администрация Таможни и Государственного Управления? Я такого мнения — лучше подарить его королю Испании, и пусть их Величество сделает нас всех дворянами!

В этот момент леска резко натягивается и раскручивается в руках Шарля Феликса.

ШАРЛЬ ФЕЛИКС

На помощь! На помощь! Я что-то поймал! Я что-то поймал!

СЦЕНА II

Дон Родриго, японец Дайбуцу,
дон Мендес Леаль

Каюта на корабле дона Родриго.

Дон Родриго стоит; он постарел, у него седые волосы, одна нога — деревянная. Возле него, за столом, заваленным бумагой, кистями и красками, рисует японец Дайбуцу⁶⁴. В углу — гравировальный пресс. В другом углу — дон Мендес Леаль, вниз головой. Он представляет собой просто силуэт, вырезанный в черной материи.

⁶⁴ Дайбуцу (в просторечии изображение Будды) — так принято называть две гигантские статуи Великого Будды, одна находится в Наре, другая — в Камакуре.

При желании, в глубине сцены можно установить экран, на который будут проецироваться соответствующие эпизоды и рисунки таким образом, чтобы публика не скучала, пока актеры будут рассказывать свои побасенки.

ДОН РОДРИГО

(описывая)

На самом верху два толстых столба с широкими прорезями, с массивными капителями цвета яичного желтка, выполненные в романском стиле.

Богородица, в синих одеяниях, восседает, прислонившись к правому столбу. На уровне груди вообще никаких цветных красок, видна только пухлая ручка ребенка, хорошо прорисованная.

У ее ног — лестница, спускающаяся до края рисунка. Наверху два царя-волхва; нарисуй-ка мне какого-нибудь аристократа из твоей страны в парадной одежде с каммори преувеличенных размеров на голове, тело и руки-ноги закутаны в двенадцать слоев шелка, так что со спины и костюм и его хозяин представляются единым целым.

Иобрази-ка ты мне этакое дубину европейца высоченного роста, черноволосого, непреклонного, как правосудие, с островерхой шляпой, огромным носом и деревянными икрами, а на шее — орден Золотого руна.

Пониже, с левой стороны, виден со спины царь негритянский, с диадемой из гривы льва, на абиссинский манер, и ожерельем из когтей. Прислони его к чему-нибудь с одной стороны, а в другой руке, вытянутой во всю длину, пусть держит дротик.

Самый низ рисунка представляет верблюда, тело которого наполовину срезано, так что он кажется одной горбатой линией. Седло, конская сбруя, красный султан на голове и колокольчик под подбородком.

За столбами, наверху, будут горы, как те, что возвышаются за Пекином, с башенками и стенами с бойницами, наобум наброшенными на склоны, словно ожерелье. Чувствуется, что сразу за ними начинается Монголия.

Вакаримаска?⁶⁵

ЯПОНЕЦ

Вакаримасс⁶⁶.

ДОН РОДРИГО

Все это занимает лишь левую часть длинного рулона бумаги. А справа и снизу останется место для вереницы испанских стишков, с их игреками и вопросительными знаками наоборот. Пусть все будет благочестиво, с множеством квадратных скобок и орфографических ошибок.

У меня некогда был секретарь, который ненавидел наивные стишки такого рода. Одна мысль о моем бедном Родиларе вызывает у меня желание сочинить что-нибудь.

ЯПОНЕЦ

(указывая на дона Мендеса Леаля)

Не слишком ли заждался нас в таком неудобном положении этот добрый господин?

ДОН РОДРИГО

Закончи-ка лучше свою работу, пока мы оба разогреты! Я чувствую, что у тебя получится! Я чувствую, как мое вдохновение уже дышит на кончиках всех твоих десяти пальцев!

ЯПОНЕЦ

Как ваше превосходительство могло когда-либо заниматься чем-то иным, кроме живописи?

65 Ты понял? *(яп.)*.

66 Я понял *(яп.)*.

ДОН РОДРИГО

Вопрос, что я сам себе не перестаю задавать. Сколько потерянного времени! И к тому же как я мог так долго довольствоваться двумя ногами, на манер косолапых, когда на одной и то слишком хорошо стоять?

Теперь меня забавляет так вот ковылять между небом и землей с одной ногой и крылом!

ЯПОНЕЦ

Другая нога моими стараниями навсегда увековечена под маленьким надгробием на боле битвы при Сэндигахаре⁶⁷.

ДОН РОДРИГО

Я о ней ничуть не сожалею! Японцы, я слишком люблю вас! Стоило лишиться ноги ради того, чтобы попасть в вашу страну!

ЯПОНЕЦ

Так это пушечными выстрелами выражали вы нам вашу симпатию?

ДОН РОДРИГО

Приходится пользоваться тем, что оказалось под рукой, а в моем распоряжении никогда не было ни цветов, ни нежностей.

Вы были слишком счастливы в этой вашей сухой норке посреди моря, в вашем садочке, наглухо закрытом от остального мира, где вы попивали глоточками чай из маленьких чашечек.

Мне скучно смотреть на счастливых людей, это, в конце концов, аморально, у меня так и свербело внутри от желания вторгнуться в ваши церемонии.

67 Местность в 100 км к северо-западу от Токио, в окрестностях городка Никко.

ЯПОНЕЦ

Оказавшись среди нас, волей-неволей вам пришлось некоторое время учиться покою и неподвижности.

ДОН РОДРИГО

Я еще и сегодня вижу себя там, на последнем этаже замка в Нагойе, служившего мне тюрьмой! Что за тюрьма! Скорее я сам, застрыв в суставе ее главных сочленений, удерживал всю Японию целиком, это я обладал всей Японией целиком через мои семьдесят окон!

Господи, как же там было холодно!

С одной стороны — сельская местность, зима, поля, покрытые трещинами, и розовая земля, и черные рощицы, и даже самая малейшая деталь казалась деликатно прорисованной кисточкой из кабаньего ворса на тончайшем фарфоре,

С другой стороны город заполнял до половины ряды моих окон, выходящих на запад, и я до сих пор помню то единственное темное голубое пятнышко, которое образовывала витрина красильщика на серой чешуе крыш.

Там-то я и познакомился с тобой, старина Дайбутсу! Сколько рулонов со священными изображениями мы развернули с тобой вместе! Сколько длинных свитков медленно прошло сквозь мои пальцы, подобно реке рисунков и букв!

ЯПОНЕЦ

Если бы вы захотели, я мог бы научить вас рисовать в нашей традиции.

ДОН РОДРИГО

Я никогда бы не научился! Недостало бы терпения! У меня руки словно деревянные колодки.

Я не смог бы подарить природе мое воображение, как абсолютно чистый лист бумаги, пустой папирус,

На котором постепенно проступают тени,
 обрисовываясь и окрашиваясь в разные краски,
 Те, что можно выразить, но не те, что созданы, дабы
 навсегда остаться в наслаждении и тайне несказанного света,
 Как те воды, откуда рождается лотос и сами ваши
 Острова, четыре-пять камней в океане.
 Я не для того пришел к вам, чтобы позволить
 зачаровать меня.

ЯПОНЕЦ

*(говорит, как если бы хотел запечатлеть каждую мысль
 иероглифом на бумаге)*

Высшие истины передаются только через тишину.
 Если вы хотите приручить природу, не стоит шуметь.
 Подобно земле, которая отдается проникающим в нее
 водам. Если вы не хотите вслушаться, вы не сможете
 услышать.

ДОН РОДРИГО

И ты полагаешь, что я ничего не услышал все эти долгие
 зимние дни, лишенный ног, когда я расшифровывал
 архивы ваших священнослужителей и отшельников?

Или когда разыгрывал в своем воображении, одну
 за другой, росписи на ширмах комнаты, где вы меня
 заперли? Пленник не стен и железных решеток, но гор,
 и моря, и полей, и цветов, и лесов,

Бесконечно расстилавшихся вокруг меня на тонкой
 бумаге.

Я слышал! Я расслышал

Два слова, что не переставали сопровождать меня, шаг
 за шагом, в чудном странствовании по дороге из бумаги.

И одно из этих слов: почему?

Почему? Какой секрет обо мне самом завязывался
 и развязывался в сердцевине этих иероглифов, подобных
 пузырькам, поднимающимся от одной только мысли?

Есть нечто, без конца повторяющее: почему?
 С ветром, морем, утром и вечером, и каждой частицей
 обитаемой земли.

— Почему этот бесконечный ветер мучает меня? — говорит
 сосна. — За что так необходимо изо всех сил цепляться?
 — Что так умирает в экстазе? — восклицает хризантема.
 — Что есть такого мрачного, чтобы существовал
 я, кипарис?

— Что зовется лазурью, чтобы я был таким голубым?

— Что существует столь нежное, чтобы я стала такой
 розовой?

— Какое невидимое прикосновение заставляет мои
 лепестки терять свой цвет, один за другим?

— До чего сильна эта вода, если благодаря ей у меня
 сильный хвост и жакетка из чешуи!

— Каких руин, спрашивает утес, я обломок? К какой
 несуществующей надписи приготовлен мой склон?

Все выступает, все проявляется с тайной улыбкой
 великого пробела⁶⁸, сокрытого золотой дымкой.

ЯПОНЕЦ

И какое же второе слово?

ДОН РОДРИГО

На этих картинах никого нет! Напрасно художник
 нарисовал корабли на воде и светящийся в солнечных лучах
 большой город в бухте мрачного залива,

Все это не способно ответить на ожидание гор,
 громоздящихся друг над другом, дабы лучше видеть,

Ни уменьшить одиночество, как не может его
 уменьшить хор лягушек и цикад.

68 В тексте, опубликованном в издании de la Pléiade, ошибочно упо-
 треблено слово "lagune" (лагуна), мы даем вариант по рукописи
 Bodmer, где можно читать "lacune" (пробел).

ЯПОНЕЦ

Да, художники поместили вокруг нас великий урок тишины. Даже эта ватага играющих малышей в мгновение, когда бумага схватывает их под кистью, становятся

Тишиной и неподвижностью, зрелищем для вечности.

ДОН РОДРИГО

Друг Дайбуцу, не для того же, в самом деле, чтобы в свою очередь превратиться в тишину и неподвижность, рассек я посредине континент и пересек два моря.

Но потому лишь, что я человек вселенский, католический, и хотел, чтобы соединились воедино все части человечества, чтобы не было ни одной, которая считала бы себя вправе жить в своей ереси,

Отделившись от всего остального человечества, как если бы оно в ней не нуждалось.

Ваш барьер из цветов и чар, да и он тоже должен быть разрушен, как все другие, и именно для этого и пришел к вам я, вышибатель всех запоров и странник всех дорог!

Вы больше не будете в одиночестве! Я принес вам целый мир, всю полноту слова Божьего, всех ваших братьев, которых, нравится вам это или нет, вы волей или неволей должны узнать, всех братьев в одном прародителе.

И раз уж вы лишили меня ноги, раз уж вы заперли в тюрьму то, что оставалось от моего тела,

Мне, чтобы вырваться, не оставалось ничего другого, кроме души, и воображения, да еще возникшие через посредство рук твоих, брат Дайбуцу, которыми я завладел,

Эти картинки, к которым вы подтолкнули меня, эти великие свершения для меня самого, что я рисовал на клочках бумаги.

ЯПОНЕЦ

Вы говорите, что все эти святые — ипостаси вас самого?

ДОН РОДРИГО

Они значительно больше похожи на меня, чем увядшее тело и вытравленная душа!

Это какая-то частица меня, которой все удалось, и она добилась своего восшествия на престол!

Они полностью живые! В них нет больше сопротивления и пассивности! Они все полностью повинуются духу, который ими движет. Они как великолепные кисточки в руках совершенного художника, как те, которыми пользовался Сессю⁶⁹, когда рисовал свой круг бесконечного совершенства в храме Киото.

Вам ничего другого не остается, как красиво украшать вашу тюрьму. Что касается меня, моими рисунками я выстроил нечто, выходящее за пределы всех тюрем!

Я придумал рисунок, который приспосабливается к движениям вашей души, как колесо водяной мельницы к потоку воды. Тот, кто принимает через глаза прямо в глубину души образ этого бездонного заряда, который весь движение и желание,

Обнаруживает в себе силу, несовместимую отныне со всякого рода ограждениями!

Так некогда, во время моего там пребывания, проявили себя ваши мученики с Южного острова, которых распинали и обливали жидкой серой!

ЯПОНЕЦ

Сеньор Родриго, ваши рассказы мешают мне рисовать. Я понял, чего вы хотите. И уже сделал разметки. Теперь сюжет больше не принадлежит вам, и если вы позволите, я закончу сам.

69 Величайший мастер монохромной живописи XV века Тойо Ода (1420–1506), более известный под псевдонимом Сессю. Круг, о котором говорит Родриго, сам Клодель видел в феврале 1922 года в храме Дайтокудзи в Киото.

ДОН РОДРИГО

Постарайся только не испортить все, как давеча со святым Георгием. Ты ничего в нем не понял, мой бедный старина.

Но приходится пользоваться твоими услугами, за неимением лучшего. Ну, нечего надуваться!

Лучше заканчивай побыстрее работу, у меня уже появилась новая идея. Гораздо забавнее сеять Святых, чем производить их самому.

ЯПОНЕЦ

(показывая на дона Мендеса Леаля)

А пока что будем делать с этим добрым господином, что там в уголке весь изошелся уже от ожидания и разных мыслей?

ДОН РОДРИГО

Ему не помешает немножко помедитировать и обдумать еще некоторое время послание, которое через него передает мне король. А его расположение поможет спуску новых мыслей.

Я обратил внимание, что у большинства людей в голове образуются пустоты, в которые залезает плесень.

Надо обращаться с ними, как с бутылками, кои слегка наклоняют все время, пока они ожидают своего часа в глубине погреба.

Таким образом, вино всегда чуть-чуть давит на пробку.

ЯПОНЕЦ

Разве вам не любопытно узнать, что именно король при помощи и через дона Мендеса Леаля, здесь присутствующего, хотел вам передать?

ДОН РОДРИГО

Еще как, я просто умираю от желания, хорошо, что ты мне напомнил. Да к тому же добрый господин начинает

проявлять нетерпение, я вижу, как его бакенбарды начинают колыхаться от переполняющего их желания жить. На ноги, сеньор!

(Ставит его на ноги.)

Здравствуйте, сеньор. Слушаю вас.

ЯПОНЕЦ

Но как вы хотите, чтобы он говорил, когда он не надут?

ДОН РОДРИГО

Я сейчас заложу ему нос, и ты увидишь, как он тотчас наполнится воздухом, кой и есть его субстанция.

ЯПОНЕЦ

Но откуда, скажите на милость, появится этот воздух и субстанциональный, так сказать, ветерок?

ДОН РОДРИГО

Мой бедный Дайбуцу, я вижу, ты не в курсе достижений современной науки,

Которая учит нас, что все возникает из ничего и что дыра сама постепенно образует пушку.

Таким образом, примитивная амеба,

Раздувая свой собственный пузырь, при посредничестве богини по имени Эволюция закончила тем, что превратилась в слона, которому в свою очередь, никакого сомнения, предназначено не менее лестное будущее.

А вот и наш человек, облегченный от нервного урчания в животе!

Посмотри-ка на его превосходительство, терзаемого внутренним гением, будто он собирает тайные испарения сейсмического источника, начинающего подниматься и бурлить, дабы вырваться из жизненно необходимой зашипки, которую я ему вставил. Будьте любезны, потерпите еще минуточку, сеньор.

Я сейчас завяжу ему нос, так будет надежнее. Ну-ка, передай мне завязку с твоего башмака.

Завязывает нос завязкой с башмака.

ЯПОНЕЦ

Зачем завязывать ему нос?

ДОН РОДРИГО

Я ему завязываю нос, чтобы он сказал правду. Как раз через нос и выходят враки. Потому и детям, которые врут, говорят: смотри, твой нос начинает шевелиться.

ЯПОНЕЦ

Вы правы. Нос как указатель посреди лица, который указывает населенный пункт. У нас, когда кто-нибудь хочет сказать: это я, то показывает свой нос.

ДОН РОДРИГО

Ну что ж, значит я сделал узелок на его “я”, теперь он больше не сможет улетучиться, как газ. Смотри, как он постепенно наполняется и набирает формы и округлости.

Ничто породило пустоту, пустота — впадину, впадина — дуновение, дуновение — раздутые меха, а те в свою очередь — самодувную субстанцию,

О чем свидетельствует господин посланник, здесь присутствующий, весь натянутый и раздутый, и получившийся совсем как маленький надувной поросенок.

Дон Мендес Леаль, я выражаю вам свое нижайшее почтение и прошу прощения за незначительность моего жилища, куда вы не побоялись привести с собой вашу верную подругу, что всегда сопутствует вам,

Даму, или, скорее, девицу, вашу светлость.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

(говорит слегка в нос)

Дон Родриго, несмотря на ваши безрассудства, и вашу нищету, и отвращение, что вы всем внушаете, я тем не менее не безразличен к вам и готов протянуть вам великодушную руку.

ДОН РОДРИГО

Благодарю вас.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Вы будете благодарить меня позднее, но соблаговолите сначала выслушать меня, когда я к вам обращаюсь.

ДОН РОДРИГО

Прошу простить меня.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Разве вчера еще его Величество не были расположены сделать вас хранителем одного из своих основных складов табака в самом красивом городе Андалузии?

ДОН РОДРИГО

Табак вызывает у меня слезы.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Плачьте, плачьте, сеньор, оплакивайте вашу дерзость и неблагодарность! После вашего недопустимого самовольства в Марокко, после ваших приключений в Японии уже давно вы должны были исчезнуть в тюрьме.

ДОН РОДРИГО

(указывая на ногу)

Невозможно упрятать меня в тюрьму всего целиком. Все равно часть меня останется снаружи.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Король в ответ на мои мольбы согласился вспомнить обо всех услугах, которые вы ему оказали в Западных Индиях.

Некоторые утверждают, что на самом деле именно вам первому принадлежит идея, что именно вы начертали грубый и, так сказать, самый общий замысел той затеи, что осуществил дон Рамиро, — Королевскую дорогу в Панама, которая навечно будет носить имя этого великого человека.

ДОН РОДРИГО

Это слишком большая честь для меня — связать мою скромную особу с его именем.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

И как, спрошу я, вы отблагодарили его Величество за благодеяния, которыми при каждом удобном случае он одаривал вас?

ДОН РОДРИГО

Я заранее дрожу при мысли об этом.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Что за неслыханная дерзость — прогуливать вот так прямо перед глазами короля в тот самый момент, когда он проводит здесь свое торжественное собрание на море,

Это отребье, эту развалину, в которую превратился человек, коего некогда он уполномочил представлять в Новом Свете

Свое собственное и личное Величество?

ДОН РОДРИГО

Я отвечу вам чуть позже. А сейчас скажите, ваше имя Фуин⁷⁰, Сено-Солома, не так ли?

70 Foin — сено. В просторечии ассоциируется с крайней глупостью.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Меня зовут не Сено, мое имя Иньиго, и наша семья из самого знатного дома Астурии.

ДОН РОДРИГО

Я позволил себе назвать вас так, потому что вон там у меня только что закончен Фуин, святой Фуин⁷¹, покровитель животноводов и откормщиков скота. Зеленое на зеленом, очень освежающе для глаза, смотреть на него — чистое наслаждение. Продолжайте, прошу вас.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Я уже не помню, на чем мы остановились.

ДОН РОДРИГО

Вы говорили о “неслыханной дерзости”, а я спрашивал ваше имя.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Да, и раз уж вы об этом заговорили, разве не постыдно для дворянина вот так вот сделаться торговцем вразнос всякой мазни.

ДОН РОДРИГО

Мазни святых, монсеньор.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Что за бесцеремонность, скажите мне, изображать святых, как если бы они были обычными людьми, на засаленных кусках бумаги, что рыбак или столяр припиливают на стене своей хижины, в соседстве с самыми зловонными зрелищами?

Разве это не означает неуважение к святыням?

Оставим на подобающем им месте на алтарях и часовнях эти священные и почтенные лица, и пусть они будут видимы лишь через пары ладана.

71 Sainfoin — эспарцет, кормовая трава.

Если уж необходимо их изобразить для всякого подручного, пусть это делают кистью освященной и общепризнанной старейшины от искусства,

Какого-нибудь Веласкеса, Леонардо да Винчи, Люка-Оливье Мерсона⁷².

ДОН РОДРИГО

Должен вам признаться, сеньор, что главной причиной, по которой я занялся изобразительным искусством,

Было желание не походить на Леонардо да Винчи.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

У святого должно быть, как говорится, самое общее выражение лица, ведь он покровитель множества людей,

А также подобающая осанка и жесты, не означающие ничего конкретного.

ДОН РОДРИГО

Доверьтесь в этом господам художникам. Вот уж нельзя сказать, что они задыхаются от избытка воображения.

(Он плюется.)

Что касается меня, терпеть не могу все эти рожи, скучнее вяленой трески, все эти физиономии, которые похожи не на живого человека, а на некую витрину добродетелей!

Святой — весь пламень, и ничто из того, что не способно согреть и зажечь, не походит на них!

Почтение! Вечно одно и то же! Почтение подходит для мертвых, а вовсе не для тех, в ком мы нуждаемся, кто нам необходим!

*Amor nescit reverentiam*⁷³, как говорил святой Бернад.

72 Люк-Оливье Мерсон (1846–1920) — французский художник, член Академии художеств.

73 Любовь не знает почтения (*лат.*).

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

По всей видимости, это святой Бернад подсказал вам изобразить вон того всадника, что я отсюда вижу падающим навзничь, с головой, окутанной плащом, обнажившегося самым неподобающим образом

И сжимающего вилами своих бедер абсолютно вертикально стоящую лошадь,

Никогда лошадь не может держаться в таком положении!

ДОН РОДРИГО

Это святой Павел. И именно на такой лошади поднимаются в небо.

Но если вы подлинный знаток, я скорее посоветовал бы вам купить вот эту красивую картинку с изображением 14 Святых Заступников⁷⁴, к созданию которой Дайбуцу приложил все старания.

Или вот этих святых Дамиана и Косму, покровителей врачей и всех ученых людей, в руках которых мы постепенно излечиваемся от здоровья.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Все, что я вижу здесь, это оскорбление традиции и вкуса, и проистекает из того же извращенного желания изумлять и оскорблять честных людей.

ДОН РОДРИГО

Возможно, но что вы бы, например, нарисовали, если бы вам предложили изобразить земной рай?

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Земной рай?

74 14 Святых Заступников — великомученики святые Акасиус, Денис, Варвара, Блез, Екатерина Александрийская, Христоф, Сириак, Эразм, Евстахий, Георгий, Жиль, Маргарита из Антиохии, Панталеон и Витус.

ДОН РОДРИГО

Именно, земной рай. Если бы вам предложили изобразить земной рай на куске бумаги.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Не знаю. Предполагаю, что я бы изобразил что-то вроде джунглей или непроходимого беспорядка.

ДОН РОДРИГО

Мимо цели. Вы не подумали.

Земной рай — это начало всего. Вследствие этого не было никакого беспорядка, но аккуратный образчик каждого вида, каждый в своем квадратике земли с прилагающимися инструкциями. Сады Разума!

Все это должно было походить на насаждения Фармацевтической Школы Барселоны, с их красивенькими фарфоровыми табличками. Уголок наслаждений для классических поэтов.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Невозможно говорить с вами серьезно.

ДОН РОДРИГО

Я не хочу ничего иного, как выслушать вас.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

(дружески и конфиденциально)

Дон Родриго, я презираю вас, но кому суждено проникнуть в мысли короля? Кто может проникнуть в замыслы монарха, что содержит свой двор на изменчивых водах морских?

Допустимо ли, чтобы вы вновь обрели расположение короля, а я не был бы первым, кто проверит то удивительное место, где остановился луч его милости? Кстати, невозможно и представить местечка более отвратительного.

Когда вы вновь станете могущественны, надеюсь, вы одарите меня звонкими монетами.

О, как я желаю всех тех благ, что вы сможете подарить мне!

Король упомянул ваше имя за день дважды. Это знак того, что он намеревается либо вас повесить, либо назначить канцлером.

Имеющий уши да услышит!

Делает движение, чтобы уйти.

ДОН РОДРИГО

Вы ведь не откажетесь перед уходом выпить бокал вина.

ДОН МЕНДЕС ЛЕАЛЬ

Извините, никак, ваш корабль качает, это вызывает у меня тошноту.

ДОН РОДРИГО

Тогда позвольте, по крайней мере, подарить вам картинку. Вот как раз Гавриил, покровитель послов. Посмотрите только, какой он блестящий и золотистый!

Именно в память о нем все эти господа дипломаты имеют право носить белое перо на шляпе.

СЦЕНА III

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ, БАКАЛЕЙЩИЦА
Небольшое суденышко в море. Бакалейщица⁷⁵ на носу

75 У Клоделя La Bouchère — дословно Жена мясника. По-русски звучит несколько тяжеловато и, главное, не передает того иронично-снихождительного отношения аристократки к девушке простого происхождения, которое заключается в этом имени по-французски. Поэтому предпочтительнее назвать ее, например, Бакалейщицей.

*корабля. Позади нее у штурвала, держа шкот, донья Семь Мечей*⁷⁶. Обе — совсем молоденькие девушки, одетые в мужские костюмы. Раннее утро.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

(обращаясь к Бакалейщице, брызгает воду ей в лицо)

Сейчас же перестань плакать, Бакалейщица, иначе я вылью тебе на лицо всю соленую воду, которую ты выплакала в окоян, с тех пор как мы покинули Майорку.

БАКАЛЕЙЩИЦА

(жалобно)

Что скажет мой отец? Что скажет моя мать?

Что скажет мой брат? Что скажет нотариус? Что скажет мать настоятельница монастыря, где я получила такое хорошее воспитание?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Что скажет “мой жених, великолепный бакалейщик из бакалейной лавки Прогресса”?

БАКАЛЕЙЩИЦА

Ах, одна только мысль о моем женихе уже подгоняет меня! Мне кажется, чтобы сбежать от него, я отправлюсь с вами хоть на край света!

76 Dona Sept Epées, Семь Мечей. По аналогии с Девой Марией Семи Скорбей. Обычно она изображается с семью мечами, пронзающими ее грудь или обрамляющими ее голову — буквальная передача пророчества Симеона, которое образует первую из скорбей: “Се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, — и Тебе Самой оружие пройдет душу” (Лк., 2:34–35). Другие шесть — это БЕГСТВО в ЕГИПЕТ, ХРИСТОС, ПОТЕРЯННЫЙ СВОЕЙ МАТЕРЬЮ (см. Диспут с докторами), НЕСЕНИЕ КРЕСТА (ПУТЬ НА ГОЛГОФУ), РАСПЯТИЕ ХРИСТА, СНЯТИЕ С КРЕСТА, ВОЗНЕСЕНИЕ (когда Христос в последний раз покидает свою мать). В православной традиции Пресвятая Богородица изображается пронзенная семью стрелами, от чего икона получила и другое название свое — Семистрельная.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Ты отправишься со мной, если я того захочу, так как, едва только ты наскучишь мне, я погружу тебя в окоян хорошеньким ударом весла по голове.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Ну что ж, делайте со мной, что захотите, сударыня, я все равно буду довольна! Как только я увидела ваше милое личико, как только вы взглянули на меня и улыбнулись, я тотчас поняла, что мне остается только следовать за вами во всю прыть, куда бы вы ни шли!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Тогда нам надо поторапливаться, Бакалейщица, жизнь так прекрасна! Нельзя терять ни минуты, если мы хотим, чтобы мир оставался для нас все таким же прекрасным, каким он был до сих пор. Просто немислимо! И, может быть, продлится еще не более мгновения! Потому мушка, едва запыльхает сильное яркое пламя, не ждет, чтобы тотчас устремиться к нему! Но мы-то не мушки! Мы — два миленьких жаворонка, которые, напевая, взяли курс на солнце!

Я, по крайней мере, уж точно жаворонок, а ты всего лишь жирная мясная муха. Ну, ничего, я все равно тебя люблю.

БАКАЛЕЙЩИЦА

И куда же вы меня хотите привезти?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

О, моя Бакалейщица, как я счастлива! Как тебе будет славно со мной, как забавно! У других девушек впереди только длинная скучная жизнь- муж, дети, суп и вечное мытье посуды, они только об этом и думают!

Люди с трудом передвигают ноги, совсем не замечая, насколько проще было бы летать, стоит только перестать думать о себе!

Это яркое солнце, не напрасно же Бог подвесил его в вышине! Остается только подобраться поближе да взлететь к нему! Впрочем, нет, не солнце, скорее этот чудесный аромат влечет меня! О, если бы я могла вдыхать его всегда! Едва исчезнет, и снова тут как тут! Нет, мне хочется вовсе не видимого солнца, но этот дух, источающий веселье, сладостный аромат, от которого изнемогает мое сердце.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Но где же он, этот сладостный аромат?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Сладостно пахнет там, где моя милая мамочка! Несколько раз ночью она приходила ко мне, и нежно обнимала меня, и я снова была ее маленькой доченькой. Я должна отправиться в Африку освободить ее.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Но разве вы мне не рассказывали, что она там умерла уже более десяти лет назад?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Она умерла, но не закончила то, что ей ниспослано было свершить в Африке. Разве может быть она свободной, когда еще столько христиан страдают в рудниках Барбарии?⁷⁷

Я не могу дойти до нее, но я могу идти к ним.

Разве можно сказать, что мы свободны, когда мы со всех сторон связаны с таким множеством теснимых душ?

⁷⁷ Барбария (дословно “варварийский берег”) — общее обозначение в XVI веке северо-западной Африки от Средиземного моря до Сахары.

Разве останусь я трусливо нежиться в Испании, когда лишь от меня одной зависит освобождение целого народа пленников, и мамочки вместе с ними, томящейся, как и они? О, как бы я хотела уже быть там!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Так это вы освободите пленников?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Да, девушка, и если вы начнете вести себя невежливо, один только взмах весла, и я верну вас обратно в вашу бакалейную лавку Прогресса.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Тогда объясните мне, что мы будем делать.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Как только нас наберется триста человек (и нет ничего проще, чем набрать триста и даже больше добровольцев, так как нет в Испании ни одного доброго христианина, который бы отказался от столь благородной миссии),

Мы отправимся все вместе под знаменем святого Иакова и Господа нашего Иисуса Христа и захватим Бужи⁷⁸.

Бужи для начала, нужно быть благоразумными, все-таки взять Алжир дело слишком сложное.

Дней восемь тому назад я встретила моряка, который хорошо знает Бужи. Он говорит, нет ничего проще, как захватить Бужи.

БАКАЛЕЙЩИЦА

А после того, как мы захватим Бужи?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Если ты хочешь знать мое мнение, я уверена, что мы не захватим Бужи, но, скорее, нас всех убьют и мы отправимся на небо.

⁷⁸ Старое французское название города Беджайя.

Но по меньшей мере эти несчастные пленники будут знать, что мы хотя бы попытались что-то сделать для них.

И все христиане, когда увидят, как мы славно бились и погибли, разом все поднимутся, чтобы их освободить и прогнать турок,

Вместо того чтобы постыдно драться между собой.

А я буду на небе в объятиях моей дорогой мамочки, вот каков мой план действий!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Ну а я всегда буду шагать вблизи, следом за вами с большой бутылкой воды, чтобы дать вам напиться, всякий раз, как вас замучает жажда!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Если бы только мой отец захотел, мы бы захватили не только Бужи, но и Алжир, и все остальное! Ты познакомишься с ним! Мой отец знает все. Нет ничего, чего бы он не мог свершить, если захочет. Что по сравнению с ним Драгут и Барберусса?

БАКАЛЕЙЩИЦА

Ваш отец, этот одноногий, который рисует картинки Святых, что мечтают иметь у себя все рыбаки?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Мой отец — Вице-король Индий, и именно он провел каравеллы по суше над Панамским перешейком. А потом он же открыл Китай и Японию и один с отрядом из двенадцати человек захватил город Ошиму, который защищали три тысячи воинов, вооруженных луками и стрелами. Именно там он и потерял ногу, а потом пленником на последнем этаже замка в Нагойе выучил язык бонз и изучил их премудрость.

И теперь, вернувшись сюда, он сам вместе со всеми святыми составляет огромное бумажное воинство. Именно он своей кисточкой заставляет спуститься святых с небес, и когда они наконец все будут здесь, он возглавит их, а я рядом с ним, а ты позади меня с огромной бутылкой, и мы захватим Бужи и Алжир во имя славы Господа нашего Иисуса Христа!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Хуан Австрийский, сын доньи Музыки, которому король Испании вверил командование своим флотом и который завтра отправляется сражаться против турок, он-то генерал позначительнее вашего отца!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Это неправда, ты лжешь, Бакалейщица! Я никогда никому не позволю заявлять, что существует генерал значительнее моего отца!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Старик с отрезанной ногой! Кто согласится встать под знамена старикана с отрезанной ногой, когда стоит только взглянуть на этого молодого красавца, чтобы тотчас понять, что он приведет нас к победе?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Что он такого совершил, твой миленький дон Хуан? В то время как Африка, а с нею Старый и Новый Свет отзываются на имя моего отца.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Да и вы сами, вы ведь не станете утверждать обратное,

Если бы вы были мужчиной и не были бы сыном, то есть, я хотела сказать, дочь донна Родриго,

С какой радостью вы бы встали под знамена донна Хуана.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ
(с глубоким вздохом)

Ты права, моя Бакалейщица, ты даже не догадываешься, до какой степени ты права!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Продолжайте. Я чувствую, что вы хотите рассказать мне что-то.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

А ты умеешь хранить секрет?

БАКАЛЕЙЩИЦА

Клянусь, все, чем бы вы ни поделились со мной, я способна сохранить!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Дон Хуан любит меня. Он прочел по моим глазам, что я способна умереть за него! Но с этим покончено, никогда больше я не хочу видеть его, ах, он может умолять сколько угодно! Мое сердце принадлежит ему.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Но где же вы повстречали дона Хуана?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

В ту самую ночь, когда я шла к тебе, намереваясь, приставив лестницу к стене, окружающей ваш сад, спасти тебя.

Что вижу я в свете фонаря на углу Масляной улицы? Прекрасный молодой человек, весь в черном, с золотой цепью вокруг шеи, храбро отражает удары троих наемных убийц.

А при мне как раз был тот большущий пистолет, который я украла у моего папочки, и, развлекаясь, всыпала в него весь порох, что был в доме, короче я глаза закрыла, и — ба-бах!

Было столько шума и дыма, и ничего не видеть, можно подумать выстрелили из пушки,

У меня даже запястье оказалось вывихнутым.

Когда же я пришла в себя, бандиты уже разбежались и надо мной склонился, с благодарностями, этот прекрасный, элегантный юноша в черном.

Ах, как мне было стыдно, я прямо не знала куда деваться от стыда, ведь он мог подумать обо мне невесть что!

БАКАЛЕЙЩИЦА

И что, что он говорил?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Он мне сказал идти с ним на его корабль, и что я буду его пажем, и его адъютантом, и что он послезавтра отправляется сражаться против турок, и что его имя Хуан Австрийский, и еще что он умрет, не дожив до тридцати лет.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Может быть, он хотел просто посмеяться над вами.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Он насмехается надо мной, ну что ж, я тоже могу посмеяться над ним! Пускай он дон Хуан Австрийский, а я — Мария Семь Мечей, дочь Вице-короля Индий. Он так себя ведет, будто это о нем сказано в Евангелии “Был человек, имя ему — Иоанн”⁷⁹.

Я принадлежу только моему отцу, а вовсе не этому скверному мальчишке, который так уверен в себе и во мне.

Он сказал, чтобы я пришла тотчас и что ему предсказали, будто он умрет, не достигнув тридцати лет. Разве я боюсь смерти?

79 В Евангелии от Иоанна (1, 6) сказано: “Был человек, посланный от Бога, имя ему Иоанн” (Иоанн по-испански Хуан).

Он думает, раз я девушка, я не способна сражаться и умереть за него?

Ах, я буду ему братом, и мы будем спать бок о бок, и я всегда буду рядом с ним, чтобы защитить его, о, я тотчас распознаю всех его врагов!

Ах, если он умрет, я тоже, я готова умереть вместе с ним!

СЦЕНА IV

Король Испании, Привратник,
Канцлер, Актриса

Зал в плавучем дворце Короля Испании. Большая комната с позолотой, своды которой поддерживаются витыми колоннами, освещена из приоткрытого широкого витражного окна с мелкой расстекловкой. Неясный золотой свет исходит откуда-то снизу, отражаясь от морской глади.

Король Испании, человек с бледным оттенком кожи, с глубоко посаженными глазами под густыми бровями, с крупными костлявыми чертами лица, которое никогда не освещается улыбкой, массивный, с головой, стянутой в плечи. Он похож на короля пик, тогда как его предшественник из двух первых Дней больше походил на короля червей.

Он впился глазами в череп, сработанный из единого куска горного хрусталя, который покоится на черной бархатной подушечке посреди стола, освещенный лучами заходящего солнца.

КОРОЛЬ

Какая сила мешает мне немедленно выбросить через окошко этот проклятый камень, это приспособление для ясновидения, этот светопроницаемый череп, выкопанный для меня Родриго из глубины мексиканской могилы и подаренный мне в насмешку?

Единственный в своем роде посредник, спиритическая губка между моей мыслью и всеми теми вещами, что изгиб земли не позволяет мне видеть.

Мгновение... и больше ничего не видно. Мгновение... и все исчезает, и отвратительная переливающаяся штуковина, о которой никогда не известно, отражает ли она то, что внутри кристалла, или мои собственные мысли, исчезает.

Разве только что в десяти лье от циклона, среди разъяренных волн, освещаемых солнцем безумия, не видел я собственными глазами, как "Розарио", охваченный пламенем, погружался в пучину, кормой вверх, и королевский флаг исчезал в морской пене?

Теперь все походит на погребальную ночь, в которой лишь качается по воде снежная россыпь и разбегаются во все стороны растерянные огоньки.

У меня все еще стоит перед глазами берег, покрытый обломками судов, и немногие оставшиеся в живых члены экипажей, которых тут же приканчивают мечами.

И этот настырный труп, что, без конца погружаясь в воды предсказанного небытия, всплывает вновь, мне достаточно одного взгляда на его плечо и затылок, окруженный золотой нитью и обрывками кружев,

Чтобы узнать моего Адмирала, прекрасного герцога Медину Сидония. Это ты, Фелипе?

Кто мешает мне выбросить в окошко этот булыжник, этот искусный череп? Только ненасытность сердца, не способного утолиться никаким бедствием, и раскрывающего свои врата лишь перед неминуемой катастрофой.

Разве все, что произошло, так уж неожиданно для меня? Разве были у меня иллюзии на этот счет?

Разве я был настолько безумен, чтобы поверить, будто возможно завоевать Англию с армией в двадцать

тысяч человек и Армадой, перегруженной эскортами и вспомогательными судами?

Да еще все эти осложнения, мятежники в сотне разных мест, которых нужно усмирять в назначенный день, войска герцога Пармского, которые надо погрузить на суда под прицелом нидерландских пушек, да еще Шотландия, Ирландия, амбиции, соперничества, противостоящие интересы, которые необходимо согласовывать,

Разве так уж мало было открытых ворот для неудачи?

Тот, кто веряет себя случаю, чего другого ему ожидать?

Как назвать короля, что строит замки на зыбкой глади моря и веряет ветрам свои сокровища и солдат?

Однако, надо признаться, у меня не было иного выбора. Обязательно нужно было что-то предпринять. Чтобы действовать, нет надобности в надежде.

Для христианства ересь такой позор, для вселенского сердца она представляется вещью столь мерзостной и отвратительной,

Что даже если бы у меня был всего один шанс из тысячи, долг Христианнейшего короля попытаться раздавить Кранмера⁸⁰ и Кнокса⁸¹ и пригвоздить к ее скале эту жестокую Сциллу, гарпию с человеческим лицом, кровавую Елизавету.

Я закончил мое творение, я закупорил брешь, через которую Дьявол-обвинитель мог пролезть, я поклоняюсь Богу весь целиком, вокруг веры моей крепость совершенная.

80 Кранмер (1489–1556) — деятель англиканской Реформации. С 1533 года — первый протестантский архиепископ Кентерберийский. После восстановления католицизма при Марии Тюдор был сожжен как еретик.

81 Джон Кнокс (1505–1572) — шотландский религиозный реформатор, кальвинист.

Он прикрывает череп краем бархата, на который тот был положен.

Стремительно входит Камергер. У него восхитительная фреза, красивая белокурая борода, красивые черные бричес⁸², хорошо набитые, и при этом все его члены и суставы двигаются под разными углами так, что напоминают части складного плотницкого метра.

КАМЕРГЕР

(входя быстро и неуклюже)

Сир! Хорошие новости, сир! Великолепные новости! Славные новости!

Да будет благословен Господь, покровительствующий Испании! Кто мог сомневаться, что столь тщательно подготовленная экспедиция, да к тому же предпринятая в столь благородных целях под предводительством такого выдающегося командующего, могла разрешиться иначе, как великолепно, совершенно оправдав ожидания?

КОРОЛЬ

(вперившись в него тяжелым взглядом)

Успокойтесь, сеньор, возьмите себя в руки и соблаговолите рассказать мне не спеша и по порядку все то, что вы мне здесь обозначили.

КАМЕРГЕР

Я смиренно прошу прощения у вашего Величества! Кто смог бы сдержать свою радость в такой великий для Испании день? Даже море под моими ногами глухо волнуется, и этот дворец с зеркалами и картинами будто приподнимается и скрипит.

82 Короткие, до середины бедра штанишки в виде двух шаров, которые набивали паклей — типичный атрибут испанского костюма второй половины XVI века.

Словно неотразимая волна, что только что обрушилась
на утесы Дувра и Саутгемптона

Хочет коснуться корней глубокой волюты,
которая под килем вашего монархического здания

Расцветает в тройной венчик вокруг богохранимой
Испании.

КОРОЛЬ

Отбросьте эти поэтические изыскания и объясните мне,
в чем дело.

КАМЕРГЕР

Не встречая никаких затруднений, славная Армада,
покровительствуемая дуновением ангелов,

Достигла берегов Кале и Гравелина

И там, на уже приготовленные для них корабли,
погрузились войска герцога Пармского.

КОРОЛЬ

А где же, однако, пребывали тогда флотилии Фробишера
и Дрейка?

КАМЕРГЕР

Обломки их кораблей устилают побережье Ла-Манша,
Ирландии, Гибридов и Бристольского канала.

КОРОЛЬ

На картах все выглядело иначе.

КАМЕРГЕР

Можно ни в коей мере не сомневаться.

КОРОЛЬ

Эти новости дошли до вас непосредственно от Адмирала?

КАМЕРГЕР

Нет, но вся Байонна только об этом и говорит.

КОРОЛЬ

А откуда у вас новости из Байонны?

КАМЕРГЕР

От купца-еврея, прибывшего сегодня утром, которого
допросила полиция.

КОРОЛЬ

Остается только возблагодарить Бога за такую победу.

КАМЕРГЕР

И наш флот, на всех парах поднимающийся по Темзе,
сокрушает Лондонский Тауэр!

КОРОЛЬ

Нам надо отпраздновать торжественную мессу
и собрать совет, чтобы обсудить, что нам делать дальше
с Великобританией.

КАМЕРГЕР

Есть только одна тень на нашей победе, мой долг
рассказать все.

КОРОЛЬ

Говорите.

КАМЕРГЕР

Бедный герцог Медина Сидония утонул, и неизвестно
каким образом.

КОРОЛЬ

Да будет так, царствие ему небесное!

Снаружи доносится шум спора.

Что там за шум?

Входит Привратник.

ПРИВРАТНИК

Сир, там какая-то женщина, которая утверждает,
что вы ей назначили аудиенцию, и хочет,
во что бы то ни стало, чтобы ее пустили к вашему
Величеству.

КОРОЛЬ

Подождите.

(К камергеру.)

Привели ли вы дона Родриго, как я достаточно дал вам понять, что таково наше желание?

КАМЕРГЕР

Эту миссию взял на себя дон Мендес Леаль.

КОРОЛЬ

Ну и каков же ответ?

КАМЕРГЕР

Тот ничего не ответил, но пришил ему на спину портрет Архангела Гавриила и завязал нос шнурком от башмака, чтобы запретить врать.

Несчастный еще до сих пор содрогается от этого оскорбления!

КОРОЛЬ

Хорошо. Я попросил бы вас, сеньор, сделать мне милость и на мгновение перестать существовать.

*Камергер больше не существует.
(Привратнику.)*

Пропустите ко мне сеньору.

Привратник выходит. Входит Актриса.

АКТРИСА

Сир! Сир! Я бросаюсь к ногам вашего Величества!

И тотчас исполняет то, о чем говорит, причем в отменном стиле.

КОРОЛЬ

Поднимитесь, сеньора!

АКТРИСА

Сир! Мой король! Что сказать? С чего начать? Ах, я знаю, как велика моя дерзость! Но разве милосердие королей

не подобно той чаше в садах Эскуриала, подпитываемой с дальних вершин, о которой никогда не известно, когда она будет наполнена, но тем не менее соловьям всегда дозволено утолить жажду!

Она поднимается.

КОРОЛЬ

Говорите без опасений, сеньора, я вас слушаю. Разве не занимаемся мы одним и тем же ремеслом, вы и я, каждый в своем театре?

АКТРИСА

(пронзительно)

Ах, если когда-либо, о мой король, мой голос доносил до вашего сердца интонации Лопе де Вега и Кальдерона,

Если когда-либо ваше сердце воспламенялось, увидев в моей героине саму Испанию, широким жестом бросающуюся к ногам Сертория⁸³,

Отнеситесь с благосклонностью к этой мольбе бедной женщины!

Ведь если в самом деле речи великих персонажей, что я должна была сделать осязаемыми, питала я моими собственными переживаниями,

Было бы справедливо, чтобы все эти сценические героини, которых я создала, и от меня лишь одной зависело вдохнуть в них жизнь, подобно высоким колоннам окружили меня сегодня и поддержали!

КОРОЛЬ

Я слушаю вас.

83 Серторий (Sertorius) Квинт (ок. 122–72 до н. э.) — римский полководец, претор в Испании в 83–81 годах. В 80 году возглавил антиримское восстание иберийских племен. Объединив почти всю Испанию, нанес римлянам ряд поражений (76 год, 75 год), убит своими приближенными. В данном случае речь, видимо, идет о сцене из трагедии Корнелия “Серторий”.

АКТРИСА

Дон Фелипе де Медина Сидония...

КОРОЛЬ

Я ожидал услышать это имя.

АКТРИСА

Сир, дон Фелипе, мой миленький Фелипе,

Ах, никто лучше меня не знает, что он не создан,
чтобы править Англией!

КОРОЛЬ

Но кто же вам сказал, сеньора, что в моем
распоряжении есть Англия, которую я мог бы
подарить ему?

АКТРИСА

Всем известно, что ваше Величество только что завоевало
Англию, и Бог рассеял всех ваших врагов.

Слух об этом мгновенно разнесся повсюду, как огонь
в сухой траве.

Вслушайтесь, как отовсюду доносятся до нас хвалы
и радостные возгласы.

КОРОЛЬ

Вы правы, это великий день для Испании. Сегодня
Испании дарован великий и памятный день.

АКТРИСА

Сир, верните мне Фелипе! Никто лучше меня не знает,
что он не создан, чтобы править Англией!

Ах, он слишком пленен мной, чтобы отныне
быть способным владеть еще чем-то, кроме меня.
К тому же я стою больше любой Англии!

Когда я держала его в объятиях своих, то вовсе
не шум неумолимых волн, разбивающихся

где-то там, вдали, о прибежище этих еретиков, не давал
ему спать!

И не запаху водорослей, смешанному с запахом дыма
от горящих торфяников и дубовых листьев после дождя,
заставить его позабыть жгучий аромат роз и жасмина,
приведших его ко мне!

КОРОЛЬ

Чего же тебе тогда бояться, если ты так уверена в нем?

АКТРИСА

Я боюсь эту королеву Марию, которую Узурпаторша
заточила в глубь тюрьмы.

Мой прекрасный Фелипе освободит ее, и тотчас
она отдаст ему свою руку. И вот он уже король Англии
посреди туманов и ледников.

Именно таким образом все и происходит во всех
пьесах, где я играла. Бедняжка Фелипе! Все кончено,
и я уже для него ничего не значу.

КОРОЛЬ

Королева Мария ныне больше не в Англии.

АКТРИСА

А где же она?

КОРОЛЬ

Здесь, у моих ног, и я не мог и предположить, что она
такая красавица.

АКТРИСА

Сир, я не слышу вас.

КОРОЛЬ

Никакая в мире Мария не была еще столь прекрасна
и трогательна, да именно такой мне нравится
представлять себе ее.

АКТРИСА

Сир, вы внушаете мне страх! Соизвольте объяснить мне вашу мысль!

КОРОЛЬ

Дон Фелипе твой, дочь моя! Возьми его, я дарю его тебе. Какая радость для него обрести вас снова!

АКТРИСА

О сир, вы так добры, я целую ваши руки! Так что же, вы в самом деле прикажете ему вернуться в Испанию?

КОРОЛЬ

Как противостоять порыву сердца?

Я отдам вам Фелипе, если вы дадите мне кого-нибудь на его место, чтобы управлять Англией.

АКТРИСА

Сир, не смейтесь надо мной! Вас окружают все эти гранды и капитаны, вам ничего не стоит выбрать одного из них.

КОРОЛЬ

Тот, которого я избрал, не боится меня и отказывается идти туда, куда я ему велю.

АКТРИСА

Как, разве существует кто-то в вашем подчинении, кто смеет не повиноваться?

КОРОЛЬ

Я не давал никаких распоряжений. Тот, кто повинуется мне, не нуждается в них, моя воля окружает его со всех сторон и увлекает за собой, подобно потоку. Но тот, о ком я говорю, поместил себя в такие сферы, над которыми нет моей власти.

АКТРИСА

Ах, почему я не ваш канцлер! Я бы тотчас смогла найти такие аргументы, которые выбили бы у него почву под ногами!

КОРОЛЬ

Вы сильнее моего канцлера.

АКТРИСА

Этот человек еще молод?

КОРОЛЬ

Он стар, и у него только одна нога.

АКТРИСА

Так вы говорите о доне Родриго?

КОРОЛЬ

О нем самом.

АКТРИСА

Так это Родриго, торговец картинками, отказывается стать королем Англии?

КОРОЛЬ

Он больше не в силах будет отказать, когда увидит у своих ног плачущую Марию.

АКТРИСА

Это я — Мария?

КОРОЛЬ

Я не знаю, по какой извращенности вы упорствуете в желании быть другой.

АКТРИСА

Мария, сбежавшая из темниц Елизаветы?

КОРОЛЬ

И принятая под величайшим секретом королем Испании.

АКТРИСА

Но как он будет реагировать, когда обман раскроется?

КОРОЛЬ

А что делает крыса, попавшая в мышеловку? Долг станет в этот момент для него клеткой, из которой нет выхода.

АКТРИСА

И вы уверены, что среди всех ваших подданных вам нужен именно Родриго?

КОРОЛЬ

Из того, что мне известно об Англии, я не вижу никого другого, кто был бы лучше его создан, чтобы владеть ею.

АКТРИСА

И вы хотите, чтобы я умоляла его согласиться на Англию?

КОРОЛЬ

Я жду только его просьбы, чтобы вверить ему ее.

АКТРИСА

И вы вернете мне Фелипе?

КОРОЛЬ

Всех, кто сегодня на море и в моей армии откликается на имя Фелипе, я дарю тебе!

АКТРИСА

А я приведу вам Родриго!

После последнего реверанса уходит.

Между тем зала заполняется различными придворными, военными, сановниками, иностранными посланниками, короче всеми теми, кто необходим, чтобы составить своего рода живую картинку, которую можно было бы назвать "Двор короля Испании", что-нибудь в стиле "Ночного дозора"⁸⁴. Как только эта сложная композиция сложится, все замрут в абсолютной неподвижности.

84 Картина Рембрандта "Ночной дозор" (1642 г).

КОРОЛЬ

(хлопая в ладоши)

Господа, я нуждаюсь в вас. Прошу вашего внимания.

ВСЕ

(отвечая в унисон, единым голосом)

Мы в распоряжении вашего Величества.

КОРОЛЬ

Предполагаю, что вы все уже слышали великую новость, дошедшую до нас.

Наши враги разбросаны бурей, наши силы воссоединились и собраны воедино, расколотые еретики идут с оружием один на другого, а наша могущественная армия при поддержке нашего флота наступает на Лондон.

КАНЦЛЕР

Надо благодарить Бога, который так чудесно осуществил свой промысел через нас вопреки человеческому разумению.

КОРОЛЬ

Ему одному воздадим почести как великой невидимой звезде, что дел бранных ведет восхождение и падение.

И кто устраивает так, что народам, коим он благоволит, поражение приносит не меньше выгод, чем победа, и принимать столь же ценно для них, как и дарить.

КАНЦЛЕР

До меня дошел слух, что герцог Фелипе де Медина Сидония умер.

КОРОЛЬ

Это правда. Однако эту новость следует пока держать в секрете.

КАНЦЛЕР

Кто же будет управлять Англией вместо нашего прекрасного герцога?

КОРОЛЬ

Вы сами и будете, мой канцлер, если вам этого хочется.

КАНЦЛЕР

Мое дело — надзор, а вовсе не управление.

КОРОЛЬ

(придворным)

Если кто-либо из вас попросит у меня Англию, я ему ее отдам.

Все остаются неподвижными и немými.

Что же, никто из вас не хочет Англию?

КАНЦЛЕР

Просто они все боятся вашего Величества и тех замыслов, что вы таите в глубине своего непроницаемого сердца.

КОРОЛЬ

Ну что ж, я так и знал, поэтому я уже сам выбрал того, кому я отдам эти Острова в тумане, эти темные и влажные земли,

К которым сквозь бурю смог наконец пробиться луч нашего католического Солнца.

КАНЦЛЕР

Мы с нетерпением ожидаем услышать его имя.

КОРОЛЬ

Я жду, чтобы он сам предложил Нам свои услуги.

Слишком давно он скрывается у самых окраин земли от Наших взоров, хвастаясь тем, что продолжает

наше творение там, где Нас нет, и тем еще, что завоевывает для Нас землю на величину собственной тени теми затейливыми средствами, что сам навывдумывал.

Так вы видели его поочередно расшибающим себе лоб то у ворот Запада, то Востока.

И ныне морской прибой, что некогда выбросил его к окраинам земли, неотвратимо выносит его к Нам,

В то время как от его утонувших флотилий остался лишь этот треснувший баркас,

На котором он имеет наглость бросать вызов Нашему королевскому фрегату.

Итак, я торжественно обещаю, что если вместо того, чтобы развлекаться с обратными отражениями моих штандартов на воде, он сам придет ко мне, я дам ему все, что он попросит, и удостою его моего внимания.

КАНЦЛЕР

Почему тогда вы отвергли его, когда он был молод и полон сил, чтобы вновь вернуть ему ваше расположение теперь, когда он искалечен и стар?

КОРОЛЬ

Это не я его отбросил, но ход вещей, потому что он не был больше в согласии с ними.

Можно подумать, что они больше не были воодушевлены той же жизненной силой, больше не ладили друг с другом, больше не могли договориться. Не было ли моим долгом в таком случае тотчас снять винтик, который заедает и скрипит?

Вовсе не одно и то же навязать свою волю, дать форму пластичной материи, что некогда он сделал с Америкой,

СЦЕНА V

Или сладить с уже существующими формами
и вмешаться в нужный момент с непогрешимым
слухом,

Так как именно они, эти формы, определяют
само движение, а мы лишь придаем ему разумный ход.

Все эти элементы, что кажутся разрозненными,
тем не менее естественным образом складываются
в согласие.

И теперь, когда он стал стар, я предполагаю,
он понял, что и для него наступило время не действовать,
но слушать.

И вести интересы и страсти человеческие к тому
политическому союзу, которому они были предназначены.

КАНЦЛЕР

Так, значит, это ему, этому торговцу с деревянной ногой,
вы вручите наследие леопардов и арфы?

КОРОЛЬ

Я жду лишь, чтобы он подал мне знак.

КАНЦЛЕР

Какой знак?

КОРОЛЬ

Я не пойду его искать, я не дам ему никакого приказа.
Но пусть он сам попросит у меня Англию, и я ему
ее отдам.

Вы, другие, вы никогда не осмеливаетесь ничего
попросить у меня, если только речь не идет о титулах,
о каких-нибудь ленточках, о нескольких мешках с деньгами
или арпанах земли.

Но этот нищий, у которого нет иного крова,
кроме трех досок посреди моря,

Пусть он попросит у меня Англию, и я ему ее дам!

ПЕРВАЯ КОМАНДА ПРОФЕССОРА БИДЕНЦИЯ,
ВТОРАЯ КОМАНДА ПРОФЕССОРА ХИННУЛУСА⁸⁵.

*Рабочие сцены небрежно раскидывают посреди моря пористый
риф, такой же воздушный, как булочки эшоде⁸⁶. Появляются
действующие лица Первой сцены, разделенные на две команды,
к каждой присоединяются статисты-участники, число
которых варьируется по усмотрению постановщика.
С одной стороны нашей булочки эшоде Манджиакавалло,
Алькошетте и профессор Биденций. С другой стороны —
Боготильос, Мальтропильо и профессор Хиннулус. Ноги этих
господ выглядывают из-под днищ кораблей, которыми они
манипулируют, потому что всякому известно, что корабли
без ног ходить не могут⁸⁷.*

ПЕРВАЯ КОМАНДА

(профессора Биденция)

Вот наш буюк. Как раз здесь. Я его узнал по красному
флажку, который мы на него водрузили.

ВТОРАЯ КОМАНДА

(профессора Хиннулуса)

Вот наш буюк. Как раз здесь. Я его узнал по красному
флажку, который мы на него водрузили.

85 Имена обоих профессоров значимы: Хиннулус, от латинского Hinnulus, что означает осел или маленький мул, и Биденций (Bidince), от латинского bidens — тот, у кого два зуба, или молодой ягненок.

86 Échaudé — булочка из легкого теста на основе белков, муки и сливочного масла; после того как тесту придавалась определенная форма, его погружали на несколько минут в кипящую воду.

87 Chacun sait que sans jambes les bateaux ne sauraient marcher. Здесь видимо, Клодель использует ироничный отсыл к детской считалочке: “Maman, les p’tits bateaux qui vont sur l’eau ont-ils des jambes? — Mais oui, mon gros bêta, s’ils n’en avaient pas, ils ne marchaient pas”.

БИДЕНЦИЙ

О! я так страшно возбужден!

ХИННУЛУС

О! я так страшно возбужден!

*Ржет совершенно по-лошадиному.
Каждая из команд привязывает к корме своего
корабля кусок веревки, закрепленный
на буйке.*

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Внимание! Теперь осталось только потянуть слаженно
всем вместе. Сейчас или никогда!

ВТОРАЯ КОМАНДА

Внимание! Теперь осталось только потянуть слаженно
всем вместе. Сейчас или никогда!

БИДЕНЦИЙ

А почему, собственно, сейчас или никогда?

*Хиннулус мимикой дает понять, что он говорит
то же самое.*

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Разве вы не знаете, что весь английский флот ушел
на дно?

Вторая команда повторяет то же самое жестами.

БИДЕНЦИЙ

Ну и что?

ХИННУЛУС

Ну и что?

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Значит, что-нибудь обязательно выплывет! Если
что-нибудь опускается на дно, что-то другое обязательно
всплывает.

ВТОРАЯ КОМАНДА

(повторяет то же самое, добавляя)

Равновесие, чего там!

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Равновесие, чего там!

БИДЕНЦИЙ

*(проглядывает через риф-эриде, как будто берет
Хиннулуса в свидетели)*

Какое странное суеверие!

ХИННУЛУС

(то же самое, беря в свидетели Биденция)

Какое странное суеверие!

БИДЕНЦИЙ

А теперь тяните!

ХИННУЛУС

А теперь тяните!

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Тянем!

ВТОРАЯ КОМАНДА

Тянем!

Никто не тянет.

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Если вы дадите по полдуро каждому, мы будем тянуть лучше!

ВТОРАЯ КОМАНДА

По маленькому дуру каждому, и мы будем тянуть с легким
сердцем!

БИДЕНЦИЙ

(воздевая руки к небу)

Это мерзкое вымогательство!

ХИННУЛУС
(*воздевая руки к небу*)

Это мерзкое вымогательство!

Ржет.

БИДЕНЦИЙ

Я уже дал вам десять дуру, и если мы поймаем рыбину, вас ждет еще десять.

ХИННУЛУС

Ровно десять я уже дал. И десять других дуру, если мы вытянем бутыль.

БИДЕНЦИЙ

И поторопимся, так как я вечно боюсь, что прибудет Хиннулус! Каков осел длинноухий! Утверждает, будто бы вы пришвартовали бутыль!

ХИННУЛУС

Я не без страха жду прибытия этого проклятого Биденция. Просто баранья башка! Он утверждает, будто бы то, что вы загарпунили, — рыба!

Ржет.

ПЕРВАЯ КОМАНДА

(*с осторожностью*)

Такие бутылки не слишком-то часто прогуливаются по морю. Однако нам удалось ее заарканить. Но она была чуток тяжела для нас, и того, застряла в дырке этой булки эшоды.

ВТОРАЯ КОМАНДА

(*одновременно*)

Такие рыбищи, могу сказывать, таких никогда не видал. В аккурат первый раз, а мне достаточно, чтоб успеть натянуть на нее канат, чтоб не сбегла. Но она была слишком крупная для нас и в свою дыру залечь пошла!

БИДЕНЦИЙ
(*стуча ногой*)

Это не бутыль, это рыба!

ХИННУЛУС
(*стуча ногой*)

Это не рыба, это бутыль!

БИДЕНЦИЙ
(*коварно*)

Ну и какой же она была, ваша рыба?

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Мы ее видели лишь секунду.

БИДЕНЦИЙ

Вся круглая и блестящая, как огромная бутыль?

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Вот именно, я только что хотел сказать! Вся розовая и блестящая, как огромная бутыль!

БИДЕНЦИЙ

И вы не замечали время от времени своего рода свет, который зажигается и гаснет?

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Именно так, эй, Манджиакавалло! Своего рода свет, который то зажигается, то гаснет.

ХИННУЛУС

И какая она была, эта бутыль?

ВТОРАЯ КОМАНДА

Очень большая бутыль.

ХИННУЛУС

Ну хорошо, и что же было внутри этой бутылки?

ВТОРАЯ КОМАНДА

Вы уж не обессудьте, мы ее видели только на секунду.
Или, скорее, даже ее тень на белом песке, на самом водном
дне при красном солнце наверху, которое как раз садилось.

ХИННУЛУС

И вы не заметили кучу всякой всячины, что шевелилась
внутри?

ВТОРАЯ КОМАНДА

Внутри бутылки всегда много всякой всячины.

БИДЕНЦИЙ

Хватит болтать! Теперь за работу!

ХИННУЛУС

Теперь за работу!

БИДЕНЦИЙ

Тащите!

ХИННУЛУС

Тащите!

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Тащим!

ВТОРАЯ КОМАНДА

Тащим!

*Обе команды, привязанные друг к дружке, с разных сторон
эшоде играют в своего рода tug of war⁸⁸.*

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Пошло!

ВТОРАЯ КОМАНДА

Пошло!

88 Английская игра, соревнование по перетягиванию каната.

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Тяжко!

ВТОРАЯ КОМАНДА

Тяжко!

Останавливаются.

АЛЬКОШЕТТЕ

(заискивающе)

Но прежде чем мы продолжим, будьте любезны, господин
профессор, объяснить нам, из чего состоит это животное,
которое вам так хочется заполнить в коллекцию.

БИДЕНЦИЙ

(торжественно, тоном оракула)

В начале времен, в эпоху лейас⁸⁹ и в меловой период
в кипящих морях путешествовали киты в каркасе
блестящего металла.

АЛЬКОШЕТТЕ

Очень интересно.

БИДЕНЦИЙ

(показывает, как если бы рисую мелом на доске)

Животное, которое мы преследуем, — выживший потомок
этих примитивных эпох. Я видел его рисунок в одном
немецком издании, и самому мне удалось собрать по
крупницам его фрагменты то здесь, то там.

АЛЬКОШЕТТЕ

Очень интересно. А как он выглядел?

БИДЕНЦИЙ

(просто и без церемоний)

У него был всего один глаз, образующий объектив, над
ним располагалась своего рода фара или электрический

89 Лейас — от англ. lias, нижний отдел юрской системы.

прожектор, который он выключал и зажигал по своему усмотрению.

Рот? Какой у него рот? У него нет рта. Он полностью закупорен.

Но внутри желудка можно различить двойной блок, на который наматывается в форме цифры 8 узкий ремешок или бесконечная лента,

на которой отпечатываются изображения, уловленные объективом.

АЛЬКОШЕТТЕ

Очень интересно.

БИДЕНЦИЙ

*(cantabile con molto espressione)*⁹⁰

И тотчас подхваченные вторым блоком, они переходят в своего рода челюсть или щетки, которые соответствующим образом промывают и отделяют изображения и подают их в пищеварительный тракт.

Ничего лучше этого не придумано со времен возможноптера⁹¹.

АЛЬКОШЕТТЕ

И как же мы назовем эту рыбину?

БИДЕНЦИЙ

(с воодушевлением)

Мы назовем ее Жоржеофаг, от имени Жорж, моего имени, Жорж Биденций,

А соответственно фаг⁹² означает рыба. Все рыбы и рыбыны так и зовутся.

90 Протяжно, очень выразительно (*ит.*).

91 Слово, придуманное Клоделем, “*reutetreptere*”, состоит из корня “возможно” и суффикса *ptère*, который встречается в латинском названии многих китообразных, напр. *Balaenoptera*. — *Примеч. пер.*

92 *Phag* — в переводе с греческого “пожиратель”, а вовсе не рыба. Клодель здесь, как всегда, высмеивает профессоров.

АЛЬКОШЕТТЕ

Очень интересно. И вы говорите, что такое чудище существует в природе? Очень интересно.

БИДЕНЦИЙ

Конечно, существует. Его долг — существовать. Это удобная гипотеза.

Оно даже больше, чем реальное, оно — необходимое!

ПРОФЕССОР ХИННУЛУС

(как бы продолжая беседу)

Но если вам удалось подвести бутылку так близко к кораблю, как вы только что сказали, то уж точно вы должны были что-нибудь увидеть.

БОГОТИЛЬОС

Конечно, мы кое-что видели.

ХИННУЛУС

Что же вы видели?

БОГОТИЛЬОС

Ну-ка, догадайтесь сами!

ХИННУЛУС

(со скрытым возбуждением)

Если вы хотите знать мое мнение, эта бутылка не что иное, как та, что Аполлоний⁹³ из Тианы бросил в море и которую искал Пантагрюэль⁹⁴.

БОГОТИЛЬОС

А кто такой этот Аполлоний?

93 Аполлоний Тианский — философ, родился, вероятно, в том же году, что и Иисус Христос, в Тиане в Каппадокии, приверженец пифагорейства. Его жизнь окружена всевозможными чудесами и тайнами.

94 Имеется в виду Божественная бутылка из романов Ф. Рабле о Пантагрюэле.

ХИННУЛУС

Аполлоний был великим ученым древности, который нашел способ спрятать время в бутылку. Потом закрыл. И дело сделано, оно больше никуда не денется.

БОГОТИЛЬОС

Отличная идея.

ХИННУЛУС

Только расскажите мне, что вы видели.

МАЛЬТРОПИЛЬО

Можно скорее сказать не видели, а слышали, слишком уж все запутано.

ХИННУЛУС

Что же вы услышали?

МАЛЬТРОПИЛЬО

Рев осла.

ХИННУЛУС

Это был осел Силена⁹⁵, который при лунном свете посреди всеобщей вакханалии восходит “ad Parnassum”!

Ржет.

МАЛЬТРОПИЛЬО

Плюх! Плюх! Как огромные рыбы, которые выбрасываются из воды.

ХИННУЛУС

Это Протей кормит своих тюленей под аккомпанемент четырех тромбонов.

МАЛЬТРОПИЛЬО

И еще галоп, как будто кони мчатся посреди обвала камней.

95 Сатир Силен был наставником и спутником Диониса. Считается, что весь нижеследующий отрывок навеян “Классической Вальпургиевой ночью” из Второй части “Фауста” Гете.

ХИННУЛУС

Это кентавры, которые кубарем скатываются между олеандрами на каменистые склоны Китерона! Bravo!

Ржет.

ВТОРАЯ КОМАНДА

(как будто она только и ждала этого сигнала, в один голос, полевывая на двенадцать рук, триумфально поддерживаемая музыкой, которая будет их сопровождать до конца этой сцены)

Bravo! И вперед!

ПЕРВАЯ КОМАНДА

Вперед! Вперед!

При этих словах все двигаются назад.

БИДЕНЦИЙ И ХИННУЛУС

Тяните! Тяните!

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ КОМАНДА

Тянем! Тянем!

Тянут, tug of war.

Пошло! Пошло! Смелее! Смелее! Как тяжело!

Вперед! Вперед! Назад! Назад!

Веревка разрывается. Все падают, ногами вверх.

СЦЕНА VI

АКТРИСА, дон РОДРИГО, КАМЕРИСТКА

На просцениуме перед опущенным занавесом сидит Актриса, без корсажа, с обнаженными плечами и открытой грудью. Предполагается, что она в своей гримерной наряжается для следующего выхода на сцену. Перед ней зеркало, на столике среди туалетных принадлежностей несколько листовок скомканной бумаги. Вся мебель и аксессуары прикреплены к занавесу нарочито заметными веревками.

ГОРНИЧНАЯ

(протягивая Актрисе баночку с черной краской)

Сеньора забыла свою тушь!

АКТРИСА

Ты права. Немного туши не помешает, глаза будут казаться еще страстнее. Черты лица выделяются сильнее из-под дуги подведенных ресниц.

Она красит ресницы маленькой кисточкой, потом медленно вращает глазами справа налево, затем слева направо, открывает их, закрывает, открывает снова, закрывает.

КАМЕРИСТКА

И все это для того, чтобы добиться от старого, полудохлого торговца арахисом, чтобы он согласился принять из наших рук королевство!

АКТРИСА

Не говори так, Мариэтта! Ты, Мариэтта, в этом ничего не смыслишь. Это потрясающая драматургия! Самая прекрасная роль из всех, что я сыграла за всю мою жизнь! Роль из чистого золота. Как жаль, что никто меня не увидит! Но я непременно воспользуюсь ей для моего репертуара в Мадриде. Получится маленький скетч в духе Альказара, вот увидишь!

И ни толики румян на лице, только немножко кармина на каждой мочке уха. Что ты на это скажешь?

КАМЕРИСТКА

(хлопая в ладоши)

Довольно! Вы в самый раз готовы!

АКТРИСА

Начать надо очень просто, чтобы подготовить последовательное нарастание чувства и все нюансы. Вся спокойствие, вся нежность и все вместе на фоне

страдания. Простота! Простота! своего рода покорность и смирение, полное благородства.

(Ставя голос.)

Ля-ля-ля-ля! Горшочек с маслом! Горшочек с маслом! Ноты посередине звучат немного приглушенно.

Простота, конечно, но и величие тоже! Я начну с благородной простотой “Я призвала вас, сеньор”...

Заглядывает в бумаги.

КАМЕРИСТКА

Может быть, сеньора хочет, чтобы я сбегала за брошюрой с текстом?

АКТРИСА

Нет никакой брошюры, Мариэтта, так гораздо лучше. Я сама должна создать эту роль, и слова, и музыку. И заранее считывать мою реплику в глазах моего партнера. Достаточно хорошо отрепетировать движения, слова потом придут сами по себе.

Я начинаю речитативом мою историю, длинную паутину патетического вздора, рассказанную самым мелодичным голосом.

И потом постепенно подключаю все великие порывы красноречия и страсти, все интонации безутешной королевы у ног этого бандита, надеюсь только, что он достаточно груб и омерзителен, и время от времени задаю вопрос, одно словечко, один маленький трогательный вопросик. Да, именно так! То здесь, то там, пустячок, вспышка, и потом так ясно, ясно, нежно, трогательно, такая славная, послушная душечка!

И за всем этим, естественно, скрывается какой-нибудь женский секрет, то, что подразумевается, но о чем не говорят.

КАМЕРИСТКА

О, я непременно спрячусь где-нибудь здесь, только чтобы увидеть, как вы сыграете! О, если сеньора будет так же

прекрасна, как вчера вечером, зрелище будет потрясающее!
Я просто не знала, куда деваться! Всю ночь проплакала!

*Верхняя часть занавеса поднимается, унося с собой под
колосники зеркало, туалетный столик и все прочие
принадлежности.*

КАМЕРИСТКА

Святой Боже, что происходит?

АКТРИСА

Мы оказались с другой стороны занавеса! Случайно
мы оказались по другую сторону занавеса, и действие
началось без нас! О Господи, кто-то завладел моей ролью!
Я чувствую себя совершенно голый! Поспешим войти
в действие, так или иначе мы обязательно выпутаемся!

Уходят.

*Занавес, поднимаясь, открывает Актрису (другую в той
же роли), с обнаженными плечами и открытой грудью,
она сидит за столиком (тут же стакан грязной воды для
кистей) и рисует, а над ней возвышается Родриго, дающий
ей указания.*

ДОН РОДРИГО

Ваше Величество оказало мне большую честь,
согласившись работать по моим указаниям.

АКТРИСА

(не поднимая глаз)

Вам бы следовало лучше сказать мне, какого цвета
зонтик вам понравится, зеленого или синего. Я вижу его
насыщенным синим.

ДОН РОДРИГО

А я — красным, красный, который почти
переходит в желтый. А под ним, под открытым небом,
евангелист, святой Лука, работающий над своими
писаниями.

Все происходит на одной из улочек Авиньона, вдоль
Папского дворца, а над ним, в самой лазоревой вышине,
подпорная арка, вся белая-белая (добавьте, кстати,
немного розового, чтобы она казалась белее), и какой
в ней порыв, какая несказанная радость! От святого Луки
к вышеупомянутой арке взлетает голубь.

АКТРИСА

Мне больше нравится святой Матфей.

ДОН РОДРИГО

Да, это была у меня отличная идея — нарисовать за
ним величественную триумфальную арку из красного
кирпича, с двумя портиками, украшенными надписью
древнеримскими буквами и головой быка.

АКТРИСА

Но ведь это Ангел — символ евангелиста Матфея.

ДОН РОДРИГО

Я сожалею, но бык ему больше подходит. Вы прекрасно
почувствовали нюансы для красок неба и продолговатых
косых облаков.

И святой Матфей, откупщик, между двумя сделками
спускающийся и поднимающийся.

Да, но он все-таки получился очень маленький, его
совсем не видно.

Быстро! Другой лист! Мы сейчас нарисуем другого,
вписанного в своего рода параболическое окно.

У него нечто вроде крупного римского профиля
с бритыми отвисшими щеками и двойным подбородком,
Желто-оранжевая тога, как у буддистских монахов,
прихваченная на плече большой медной пряжкой.

Под столом виднеется огромная ступня, обутая
в тяжелую сандалию,

Расплющивающая Кальвина, который изрыгает дьявола!

АКТРИСА

Какая удача, что вы встретили меня, после того, как вас бросил ваш японец!

ДОН РОДРИГО

Да, он совершенно неожиданно исчез. Должно быть, нашел возможность вернуться на родину. Вероятно, я его каким-то образом обидел. Они такие, японцы!

Но я не сожалею о нем, вы работаете еще лучше, мы с вами прекрасно сочетаемся. Все-таки существуют вещи, для которых нет ничего лучше, как смешение мужчины и женщины.

И какая, однако, счастливая мысль меня осенила: спросить вас, не умеете ли вы рисовать! В то время как вы во что бы то ни стало хотели рассказать мне кучу всяких глупостей.

АКТРИСА

Вы даже не спросили моего согласия. Вы тотчас взяли меня в оборот.

ДОН РОДРИГО

Досадно только, что вы не умеете гравировать, но я уверен, что вы быстро научитесь. Японец оставил и доски, и все инструменты.

АКТРИСА

Все это очень мило, но я должна буду вернуться в Англию.

ДОН РОДРИГО

Ни в коем случае. Я вам уже говорил, что у меня нет ни малейшего желания познакомиться с Англией.

Я знаю один маленький старинный монастырь недалеко от Майорки, с патио, засаженным лимонами, такими желтыми, что даже глазам становится больно.

Вам там будет очень удобно работать. Вы сможете работать с утра до вечера, и никто не помешает вам.

АКТРИСА

Да, но прекрасный герцог Медина Сидония только что завоевал для меня Англию.

ДОН РОДРИГО

Никогда бы не подумал, что прекрасный герцог Медина Сидония способен завоевать что-либо сложностижимое.

АКТРИСА

Кто знает? Может быть, мое сердце как раз не будет таковым для него.

ДОН РОДРИГО

Ну что же! Выходите за него замуж! А я отправлюсь в Ирландию воевать против вас.

АКТРИСА

Дон Родриго! Отчего вы со мной так грубы и так жестоки?

ДОН РОДРИГО

Выходите замуж за прекрасного герцога Медину Сидония! Я всего лишь старик и бедняк, и к тому же с одной ногой.

АКТРИСА

Если я и выйду замуж, то только за сына Короля Испании.

ДОН РОДРИГО

Все, на что я претендую, это оставаться вашим другом.

АКТРИСА

Но я всем предпочитаю вас.

ДОН РОДРИГО

Очень мило с вашей стороны говорить со мной так, даже если это неправда. Да, мне приятно это слушать.

АКТРИСА

Я не выйду замуж ни за кого! Когда меня заперли в лондонскую тюрьму, я почувствовала, что у меня есть

душа, живая душа, не созданная для того, чтобы жить в тюрьме.

Я поклялась, что никогда больше не позволю заключить себя в тюрьму.

Я поклялась, что никогда больше не допущу грузное мужское тело заслонять мне солнце!

Я не хочу жить как в трясине!

Я предпочитаю того, кто поможет мне, тому, кто хочет поглотить меня!

С вами я дышу! Два дня, что я с вами, я живу! Вы ничего не требуете от меня, вы — как музыка, которая ничего не просит взамен, но изначально заполняет вас и настраивает на свой лад.

Как только вы появляетесь, появляется музыка, и я вся отдаюсь ей с пылом, доверием и тактом, как будто меня подхватывают руки неистового танцора, я чувствую, что дарю вашему духу все то, чего ему недостает! Вы здесь, и я тотчас же становлюсь веселой и сильной, я чувствую себя сияющей и звонкой!

Это похоже на звук трубы, который вас очищает, на военный оркестр, который подымает упавший дух, наполняя его мужеством и огнем!

И в то же время мы с вами оба свободны! У меня нет никаких прав на вас и у вас никакого права на меня. Это очаровательно! Мы вместе, пока будет длиться музыка.

ДОН РОДРИГО

Тогда мы будем рисовать святых, рисовать, рисовать до бесконечности.

АКТРИСА

Но кто знает, может быть, я желаю заняться с вами чем-нибудь иным, чем картинками и куличиками из песка?

ДОН РОДРИГО

Вы прибыли ко мне по желанию Короля Испании?

АКТРИСА

К чему мне скрывать? Медина Сидония пригоден лишь к тому, чтобы устроить счастье или несчастье слабой женщины.

Для Англии Королю нужны вы вместе со мной. Он ждет только знака с вашей стороны.

ДОН РОДРИГО

Но я его не сделаю.

АКТРИСА

Как, вы совсем не хотите мне помочь?

ДОН РОДРИГО

Я не понимаю, почему его Величество вдруг так заинтересовалось мною.

Я не нужен был им в здравии и силе, почему вдруг подбирает он сейчас обломок?

АКТРИСА

Доверие Короля делает вам честь.

ДОН РОДРИГО

Скорее, оскорбляет. Это значит, что он больше не боится меня. Можно не опасаться калеки. Я буду весьма счастлив выполнять его приказы.

Власть, которую мог бы взять над вами красавец герцог Медина Сидония, со мной вам не грозит.

АКТРИСА

Вы в этом уверены, дорогой Родриго?

ДОН РОДРИГО

(с раздраженной ухмылкой)

Ну, скажем, не совсем.

АКТРИСА

Ваш монарх великий политик. Я предполагаю, что он

в самом деле хотел воспользоваться нами одним против другого.

Ну что ж! Почему не создать альянс, как он нас об этом просит? В конце концов, он этого хотел.

ДОН РОДРИГО

Разве есть для меня возможный альянс с вами?

АКТРИСА

Дорогой Родриго, мы знакомы с вами только два дня, но мне кажется теперь, что никто до вас меня не понимал,

И это чувство настолько глубоко, что я совершенно смущена.

Вы пробудили во мне силы, о которых я даже не догадывалась, когда я слушаю вас, все как будто сходит со своих мест и принимает иной порядок, мне кажется, что во мне рождается что-то новое, глубокое, и оно только и ждет, чтобы ответить на ваше пожелание.

Ах, неужели вы сами не чувствуете, что я немного узнала вас?

ДОН РОДРИГО

Это слишком справедливо!

Разве это не прелестно — юное лицо, с интересом внимающее вам!

И этот живой блеск в прекрасных глазах, взирающих на меня, разве не стоит лебяжьей белизны тела!

АКТРИСА

(покрывая плечи мантильей)

Не люблю эту страну.

Если я еще немного останусь под этим огненным солнцем, я чувствую, что завяну, как водоросль, выброшенная на берег.

ДОН РОДРИГО

Однако ваша мать, Арагонка⁹⁶, создала вас с головы до ног испанкой.

Да, у вас бледный цвет лица, и однако неизвестно, откуда берется в нем этот блеск.

АКТРИСА

Может быть, от глаз? Или от этой капельки кармина, что я наложила на краешек уха.

ДОН РОДРИГО

Точно. Вот что значит правильно положенный мазок. Гм! Так на чем мы остановились?

АКТРИСА

Мы остановились на Англии, куда завтра вы отправитесь вместе со мной.

ДОН РОДРИГО

Так это мне поручается приятная миссия управлять побежденной нацией?

Работать под кнутом, и каждое воскресенье послушно отправляться на проповедь священника, и каждый месяц складывать для вас в мешок деньги, а вы ежегодно будете отправлять королю в Мадрид насколько получится меньшую сумму,

Вот задача, которую мне предстоит объяснить на испанском моим милым подданным.

Все это напоминает мне моего прежнего приятеля Альмагро с его плантациями.

АКТРИСА

Но что же мы, по-вашему, должны делать?

96 Клодель здесь устами Родриго соединяет Марию Стюарт и Марию Тюдор, мать которой в самом деле испанка, Екатерина Арагонская.

ДОН РОДРИГО

Сеньора, кто добьется большего от коня,
Тот ли, кто, оседлав его, дает ему в бока две шпоры,
Или тот, кто, держа под узду, бьет до изнеможения
кнутом?

АКТРИСА

(хлопая в ладоши)

Я все поняла! Ах, вы как раз тот человек, что мне нужен!
Конь, привязанный к своему хозяину, не захочет
сбросить его на землю и не станет разводить всякой там
философии и теологии!

Надо только его занять!

Пусть вы хромой, я дам вам возможность опереться
на круп великолепного животного! Мой народ,
как я люблю его! Вы полюбите его так же, как я!

Мы с вами вместе откроем этому народу его истинное
предназначение.

ДОН РОДРИГО

Вы полагаете, что Король Испании тоже будет доволен
такой программой?

АКТРИСА

У него будет время постепенно свыкнуться с ней.

ДОН РОДРИГО

Таким образом, вы предлагаете мне обманывать моего
государя?

АКТРИСА

Именно, мы будем его чуть-чуть обманывать, да, да!

ДОН РОДРИГО

И снова вы хотите приговорить меня к стенам, и мебели,
и бумагам? Бескрайняя свобода и солнце больше не для
меня?

Море, что так давно живет у меня в сердце,
что так давно разделяет мою постель, эта императорская
перина под моим телом, вы хотите отнять ее у меня?

*Оркестр играет аранжировку из увертюры “Фингалова
пещера”⁹⁷.*

АКТРИСА

Но в Англии мы никогда не бываем вдали от моря, оно
добирается вплоть до самых отдаленных наших Графств.

Наш Остров похож на огромную арфу, расположенную
так, чтобы извлекать из нее голоса и музыку.

Два раза в день море возвращается, чтобы наполнить
нас и напоить через всевозможные каналы и устья, вплоть
до самого центра страны.

Какое счастье видеть вокруг себя море и быть
отделенными ото всех в этом огромном саду, полном
безмятежных тварей, среди этих лугов, в сердце которых
всегда найдется место радуге?

Как раз то, что нужно, для такого ценителя, как вы!
Кроме того, постоянно есть возможность вмешиваться
по своему усмотрению в дела Европы, в то время как никто
не вмешается в наши, всегда слегка окутанные тайной
и туманами.

Смехотворная победа Армады больше не повторится.

Ах! я как следует накажу всех предателей и идиотов,
что не сумели защитить наш остров!

Вы же, жители Континента,

Вы не можете себе и представить, что есть что-то
помимо суши на этой планете. Но вначале существует
море, и уже на нем — земля.

Вы, испанцы, устремились через этот Великий Океан,
не зная его, с закрытыми глазами, чтобы поскорее

97 Увертюра Феликса Мендельсона “Тебриды, или Фингалова
пещера”.

насладиться землей, что вы открыли с другой стороны света.

Но нам, англичанам, принадлежат все моря, а не только эта ваша лужа, Средиземное море,

Все моря,

И суша на них в придачу, стоит только там и здесь прицепить несколько понтонов.

Мы погружены в воду! Мы не привязаны ни к какой суше! Мы свободны! Мы открыты со всех сторон! И бескрайние воды восходят со всех сторон, чтобы лобызать ступени наших замков!

Поедьте же вместе со мной к самой вершине Европы, в эту голубятню, всю переполненную трепетанием крыльев, откуда бесконечно в поисках пропитания взлетают мои чайки и голубки ко всем морям Вселенной!

Здесь, где мы сейчас находимся, даже не бывает приливов! А в Лондоне мы день и ночь держим руку на не прекращающем биться пульсе мира!

Когда вы спокойно будете работать в своем кабинете, вдруг неожиданно день погаснет — это огромный четырехмачтовый корабль пересекает Темзу!

ДОН РОДРИГО

Когда сквозь туман выглянет солнце, грязная вода заиграет миллионом золотых чешуек, это и есть Эгида⁹⁸ Британии!

АКТРИСА

Так вы едете со мной в Англию?

ДОН РОДРИГО

Я поеду, если мне захочется, но мне сначала хотелось бы закончить с вами этот большой проект фриза,

98 Эгида — щит Зевса и Афины в древнегреческой мифологии.

Он будет называться “Поцелуй мира”. Эта идея меня осенила, когда я наблюдал за монахами в хоре, передававшими друг другу поцелуй, который первый из них получал на алтаре из уст справляющего богослужение.

Тени их накладывались друг на друга.

Но вместо монахов мы изобразим женщин, закутанных в длинные вуали.

Они передают друг другу Мир.

У меня есть большое покрывало, мы попросим маленького юнгу задрапироваться в него, а, может быть, я и сам это сделаю, чтобы показать вам все позы.

СЦЕНА VII

ДИЕГО РОДРИГЕС, ЛЕЙТЕНАНТ

Обветшалое и залатанное судно, которое тяжело приближается к порту. Если изобразить вышесказанное чересчур сложно, подойдет и обычная бутылка с моделью парусника внутри, которую держит в руке дон Диего Родригес.

На мостике капитан корабля Диего Родригес, рядом — молодой человек, его лейтенант.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Посреди ночи я начал различать запахи Майорки, как если бы женщина мне их посылала взмахами черного веера. Только на Корсике так же дивно пахнет.

ЛЕЙТЕНАНТ

И в городе Марселе.

Я бы отдал всю Корсику и три Балеарских острова в придачу, чтобы еще раз вдохнуть запах горящего влажного дерева на берегах Тимора!

ДИЕГО РОДРИГЕС

Если хоть еще раз услышу от вас эти нечестивые речи, я отправлю вас на дно головы вниз.

ЛЕЙТЕНАНТ

Ах, я едва успел приложиться губами, как вы тотчас меня вытянули! Почему не отпил я глубже из этой отравленной чаши!

ДИЕГО РОДРИГЕС

(наводя подозрную трубу)

Ничего не изменилось! Вот дом нотариуса, а там — королевского балли, чуть дальше — монастырь кларисс посреди кипарисов. Это просто смешно.

ЛЕЙТЕНАНТ

Покажите мне дом доньи Острожезилы.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Его отсюда не видно, он находится с другой стороны мыса.

ЛЕЙТЕНАНТ

С таким попутным ветром мы будем там через несколько минут. Вы сможете высадиться на берег сегодня же вечером.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Нет, мы совсем не движемся на этой старой посудине с килем, инкрустированным моллюсками. Уже слишком поздно. Я прикажу вставать на якорь.

ЛЕЙТЕНАНТ

Да вы никак боитесь, капитан?

ДИЕГО РОДРИГЕС

Я боюсь, боюсь! Это правда.

ЛЕЙТЕНАНТ

Боитесь радости, ожидающей вас на этом берегу?

ДИЕГО РОДРИГЕС

Какой радости? Донья Острожезилы имела достаточно времени выйти замуж и дважды или трижды овдоветь. По крайней мере, у меня нет иллюзий! Я не такой птенец желторотый, чтобы верить, что она оставалась верной своим клятвам все эти десять лет.

ЛЕЙТЕНАНТ

Честно говоря, я тоже не верю.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Если бы она в самом деле любила меня, она нашла бы способ написать мне.

ЛЕЙТЕНАНТ

Это наверняка.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Правда, она не могла знать, где точно я нахожусь. Но, в конце концов, море сохраняет все, и письма рано или поздно всегда доходят.

ЛЕЙТЕНАНТ

Я того же мнения.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Кто поверит клятвам женщины? Нет ни одной книги, где бы черным по белому не утверждалось, что именно стоит об этом думать. Все объяснено прекрасно.

ЛЕЙТЕНАНТ

В самом деле.

ДИЕГО РОДРИГЕС

И что я мог бы сегодня подарить, чтобы прельстить ее? Я сам постарел, и единственное мое состояние — это старое золотанное суденышко, годящееся только разве что для разделщика туш. И на воинском поприще,

и в коммерции, все, что бы я ни предпринял на море и на суше, не удалось.

ЛЕЙТЕНАНТ

Трудно сказать обратное.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Я даже был неспособен открыть что-нибудь. Другие мореплаватели получили целые страны с множеством людей, обширные и богатые провинции, которыми можно похвастаться и которые отныне носят их имена.

А я, Диего Родригес, владею только куском красной металлической лавы посреди Атлантического океана, где живут лишь тюлени и пингвины.

ЛЕЙТЕНАНТ

Точнее не скажешь. Проклятое местечко. Даже воды разогреть негде.

ДИЕГО РОДРИГЕС

А она красавица. К тому же владеет землями и большим состоянием. Из самых знатных семей Майорки. Думаю, что нехватки в претендентах не испытывалось.

ЛЕЙТЕНАНТ

Очень даже возможно, очень даже.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Не возможно, а точно.

ЛЕЙТЕНАНТ

Точно, точно.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Нет, не точно, вы наглец! Я скажу даже, что это просто стыдно!

Разве не ради нее отправился я в плавание? Ради того, чтобы стать достойным ее? Во всем мире не было столько золота, чтобы бросить к ее ногам!

Ах! Никогда бы не подумал, что она так предаст меня! Ах, никогда бы не подумал, что она поступит, как все женщины.

ЛЕЙТЕНАНТ

Абсолютно такая же, как все!

ДИЕГО РОДРИГЕС

Если и дальше ты будешь рассуждать в том же духе, точно получишь в морду.

ЛЕЙТЕНАНТ

Что поделаешь, капитан? Вы так давно уже говорите мне о донье Острожезилье!

Вначале я пытался ее защитить, но у вас на все был готов отпор, и я должен признаться, что вы меня убедили.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Набирайся опыта. Уж я в этом вопросе кое-что знаю. Увидишь, что за штука эти бабы и жизнь!

Входит дон Альсиндас.

ДОН АЛЬСИНДАС

Приветствую дону Диего Родригеса, капитана "Санта-Фе". Я — дон Альсиндас.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Ну, день добрый, сеньор Альсиндас, вы с таможни?

ДОН АЛЬСИНДАС

Нет, я не с таможни.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Я думал, что только таможня способна нас так быстро пришвартовать.

ДОН АЛЬСИНДАС

Есть на Майорке зоркие глаза, чтобы следить за морем.
Есть хорошая память тех, кто не забыл “Санта-Фе”.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Теперь понятно, вы представляете интересы моих кредиторов. Так нате же, я вам ничего не заплачу, можете отправить меня в тюрьму.

Можете поставить крест на деньгах, одолженных мне десять лет тому назад.

У меня осталась только эта старая посуда. Оплатите то, что я вам должен с нее, если сможете. Груз, кстати, мне не принадлежит.

ДОН АЛЬСИНДАС

Вы оскорбляете меня, дон Диего. У вас здесь нет иного кредитора, кроме того, перестать быть должником которого не в вашей власти.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Что за галиматья? Я вас не понимаю.

ДОН АЛЬСИНДАС

Как! Разве вы забыли донью Острожезилью?

ДИЕГО РОДРИГЕС

Донья Острожезилья жива?

ДОН АЛЬСИНДАС

Она жива.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Заканчивайте. Скажите мне имя, которое она сейчас носит. Имя ее супруга.

ДОН АЛЬСИНДАС

Вы думаете, она ждала вас все десять лет? Такая прекрасная

и желанная? Кто вы такой, чтобы заслужить подобную верность?

ДИЕГО РОДРИГЕС

Я — Диего Родригес, тот, кто открыл посреди Атлантического океана совсем новенькую скалу, что никто до него не видел.

ДОН АЛЬСИНДАС

(смеряя его взглядом сверху вниз)

Чем больше я на вас смотрю, тем большего труда мне стоит поверить, что некогда вы могли претендовать на руку самой прекрасной и добродетельной дамы Майорки.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Так это за вас она вышла замуж?

ДОН АЛЬСИНДАС

Увы! Она отклонила почтительное предложение, что я сложил к ее ногам.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Кто же тот счастливый избранник, которого посчитала она достойным своего выбора?

ДОН АЛЬСИНДАС

Никто. Она не замужем.

ДИЕГО РОДРИГЕС

И мог бы я узнать, почему красивая, богатая, добродетельная и самая благородная женщина на всей Майорке не смогла, однако, найти себе супруга?

ДОН АЛЬСИНДАС

Ну, вы в самом деле, дон Диего, не можете догадаться?

ДИЕГО РОДРИГЕС

Нет, я в самом деле не знаю! Нет, я не знаю!

ДОН АЛЬСИНДАС

Еще несколько минут, она скажет вам об этом сама.
Это она узнала ваш корабль. Каждый день она
поднималась на эту башню, чтобы взглядываться в море.
Это она послала меня.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Но почему она никогда мне не писала?

ДОН АЛЬСИНДАС

Она не сомневалась, что ваша вера так же крепка,
как и ее.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Дон Альсиндас, что я должен делать?

ДОН АЛЬСИНДАС

Не знаю.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Я сейчас продырявлю эту посудину, и мы все пойдем
ко дну! Так не бывает! Я не достоин даже подметки ее
башмака!

ДОН АЛЬСИНДАС

Это правда.

ДИЕГО РОДРИГЕС

Но знает ли она, в каком виде я возвращаюсь, старик,
неудачливый завоеватель, выдохшийся моряк,
разорившийся коммерсант, самый смехотворный и бедный
человек на всех морях Испании?

ДОН АЛЬСИНДАС

Вы не бедны. В ваше отсутствие донья Острожезилля
позаботилась о вашем имуществе, и вы теперь самый
богатый человек на Майорке.

ДИЕГО РОДРИГЕС

(лейтенанту)

Вот та женщина, сеньор, вероломство которой вы
не переставали представлять мне.

ЛЕЙТЕНАНТ

Я прошу у вас прощения.

ДОН АЛЬСИНДАС

Дон Диего, снимите вашу шляпу, преклоните колени
и поприветствуйте родную землю, где такая супруга после
стольких странствий ждет вас.

СЦЕНА VIII

Дон Родриго, донья Семь Мечей
Корабль дона Родриго.

*Донья Семь Мечей сидит перед столом, обхватив голову
руками.*

ДОН РОДРИГО

*(тихонько подходит сзади и прислоняется щекой
к ее голове)*

О чем думает мой ягненок?

*Донья Семь Мечей ничего не отвечает, не меняет позы,
но одной рукой обнимает отца.*

Ну что? Мы грустим? Ничего не хотим сказать своему
бедному папочке?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Если скажу вам, о чем я думаю, уверена, что вы не ответите
так, как мне хочется.

ДОН РОДРИГО

И чего же тебе хочется?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Я не хочу, чтобы вы посещали эту женщину, которую вы зовете королевой Англии.

ДОН РОДРИГО

Ее Величество королева Англии. Разве она не Мария, королева Англии? Разве ты не видела, что наш собственный монарх, король Испании, обращается с ней, как с таковой?

Она сама бросилась мне в ноги. Мог ли я оттолкнуть ее? Свободен ли я отказаться от поручения, в котором никто другой не сможет заменить меня?

Совесь заставляла меня выслушать ее.

Для меня одного она согласна стать послушной ученицей. Все, что завоевали наши армии, она отдает в мое распоряжение.

Есть в ней неизвестно какая чуткость и покорность, что затронули мое сердце.

Да, мне нравится по-королевски написать ее имя на этом абсолютно чистом листе бумаги.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Я больше ничего для вас не значу, а она делает из вас, что хочет.

ДОН РОДРИГО

Моя девочка, вы ревнуете?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Другая ревнует вас.

ДОН РОДРИГО

Да, я понимаю, о ком ты говоришь, через твои глаза я смотрю на нее.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Моя мать, отдавшая меня вам, чтобы вы продолжали принадлежать только ей.

ДОН РОДРИГО

Да, я знаю, что ты никогда не переставала быть частью ее, и вы составляете единое целое.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Если бы она не была со мной, я бы не чувствовала такую близость к вам.

ДОН РОДРИГО

Так что же, нет для меня никакой возможности уйти тихо, на цыпочках?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Я не только часть ее, но и вас тоже, есть в моей душе нечто от вас, улавливающее каждое ваше движение.

Вам не удастся увильнуть от вашей маленькой девочки.

ДОН РОДРИГО

Когда твоей матери уже не было со мной, именно тогда я обычно разговаривал с ней.

Когда ее уже не было со мной, именно тогда высказывал я ей все самое сокровенное.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Говорите же, дорогой папочка! Она умерла, ее нет с нами.

ДОН РОДРИГО

Но может быть здесь где-нибудь ее Ангел Хранитель, и он слушает нас?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Он слишком устал следовать за вами. Он спит

и не слышит вас. Он здесь, он горько спит, как
отчаявшийся странник на постоялом дворе, который
заснул потому, что не может больше двигаться.

ДОН РОДРИГО

Значит, я наедине с моей дорогой девочкой?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Да, отец!

*Он шевелит губами так, что слов не слышно. Она
смотрит на него с вниманием и нежностью, потом
отворачивает лицо, положив руку ему на глаза.*

ДОН РОДРИГО

(тихим голосом, руки сложенные одна на другую)

Слезы, что источает мое сердце, никакой океан не
вместит...

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Как, вы так до сих пор и не утешились?

ДОН РОДРИГО

Моя душа опустошена. Из-за той, что больше не с нами,
тяжелыми каплями мои слезы могут насытить море.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Но она вскоре вновь будет с нами. Совсем скоро.
Ту, что вы любили, скоро, скоро, ту, что вы любили,
вы вскоре вновь встретите ее.

ДОН РОДРИГО

А я думаю, что этого не случится никогда! Это ее
отсутствие навсегда, да, моя дорогая, и даже когда вы еще
были живы, и я держал

Вас в объятиях своих,

В том единственном объятии, после которого
не останется упований,

Кто знает, было ли оно чем-то иным,
Чем началом и познаванием
Бездонной и безнадежной жажды,
К которой я был предназначен,
Жажды чистой и без всякого вознаграждения?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Но то, что вы сказали, это же настоящий ад! Вот именно
такие непростительные мысли рождаются от нечего делать.

Пока мы любим, всегда можно что-нибудь придумать.
Вместо того чтобы думать о себе, почему бы
не подумать о ней?

Она сама, кто знает, не нуждается ли она в вас?
Кто знает, не произносит ли она имя Родриго! Кто знает,
если в местах, о которых нам не ведомо, не находится
ли она связанной теми нитями, что вы один способны
развязать?

ДОН РОДРИГО

Дерзновеннее Колумба я стану, чтобы дойти до нее,

Но достаточно ли я могуществен, чтобы пересечь
порог между этим миром и иным?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Есть вещи, которые мы должны совершить, нет
ничего проще, вместо того, чтобы всуе беспокоиться,
могущественны ли вы, или не могущественны.

Почему говорите вы о пороге, как если
бы существовала перегородка? Перегородок не существует,
когда мы в единении, как кровь и вены.

Душа мертвых, как дыхание, проникает до нашего
сердца и ума.

Я слышу, как мама по ночам говорит со мной, говорит
так тихо, так нежно. Так значимо. Нам нет надобности
в словах, чтобы понимать друг друга.

ДОН РОДРИГО

Расскажи мне, что она говорит тебе, Семь Мечей.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Ни одного слова, что было бы способно отозваться во внешнем мире, в котором мы живем.

ДОН РОДРИГО

Как в таком случае можно понять ее?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Что может просить пленник? От этого разрывается сердце!

ДОН РОДРИГО

Как, какими дланями достигнуть ее и освободить?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Где тело не пройдет, там пройдет милосердие, оно сильнее всего на свете.

ДОН РОДРИГО

Какой хлеб и какая вода могут насытить ее в могиле?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

У нее ни уст, ни рук, но вместо нее нет недостатка в других в Африке, тех, у кого достаточно невзгод, чтобы день и ночь взывать от отчаяния к Испании, которая их забыла!

Разве мы все между собой не связаны? Тогда разве не должны мы испытывать одни и те же лишения и трудности?

Однако, пока дамы и кавалеры танцуют под звуки флажолета и лютни, пока сеньоры на рыцарских турнирах колют друг друга длинными пиками...

ДОН РОДРИГО

... пока некоторые старые дураки забавляются, рисуя картинку обрубком, оставшимся от их мозга...

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Пока наши купцы отправляются на край земли, чтобы вернуться с горстью жемчужин, несколькими тоннами масел, несколькими мешками пряностей,

Мы забываем о масле, более консистентном,

Вине, более ценном, о настоящей воде, что способна нас оживить,

О слезах, пролитых на наши руки пленниками, которых мы освободили и вернули их женам и матерям!

ДОН РОДРИГО

Да здравствует Господь, моя девочка! Ты права, вперед! Что мы тут делаем? Почему мы до сих пор не на пути в Барбарию!

К чему искать иную Африку, кроме той, у которой я уже так давно привык требовать невозможное?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Это правда? Вы в самом деле хотите, чтобы мы отправились туда? У меня даже есть уже солдатик, моя Бакалейщица, которую я привезла с собой с Майорки.

ДОН РОДРИГО

Нас уже трое! Предоставь мне возможность найти еще сорок парней такой же закваски!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Да мы не сорок можем найти, а десять тысяч, если вы захотите!

Можно всего требовать от христиан, и если ничего не добьетесь, так только потому, что нерешительны, не спрашиваете с них в полной мере!

А если все-таки попробовать попросить их о чем-нибудь?

Вы полагаете, что им так уж весело в Испании
в каждодневных трудах?

Скажите им, что с этим покончено!

Скажите им, что вы отправляетесь в Африку, и пусть
они присоединяются к вам, и все там погибнут, ни один
не вернется живым!

И мы найдем не десять тысяч, но сто тысяч,
нам никогда не достать столько кораблей! Но мы примем
не всех!

И сам король Испании, да, не позавидуешь тут королю
Испании!

Когда увидит, что мы отплываем, право, я уверена,
что он захочет присоединиться к нам и биться за столь
благородную цель, как обыкновенный бравый солдат!

ДОН РОДРИГО

А дон Родриго впереди со своей деревяшкой возглавит
армию!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Вы смеетесь надо мной!

ДОН РОДРИГО

Мне смеяться над тобой? Да пусть лучше моя деревяшка
прорастет и пусть прививка старого негодяя на эту ногу
из кустарника поможет ей произвести достаточно красных
ягод черт-знает-какого растения, но чтобы хватило на зиму
двум зябликам!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Так когда же мы выступаем?

ДОН РОДРИГО

Вот только “слезы на наших руках” мне не нравятся.
Терпеть не могу, когда на меня льют слезы.

Насколько было бы забавнее, если бы можно было
творить добро так, чтобы никто не видел,

В тишине, подобно Господу, и без какой бы
то ни было возможности получить благодарность
или признательность, и быть с головы до пят замазанным
благодарениями!

Вместо того, чтобы взламывать ворота топором,

Насколько было бы забавнее пройти задним ходом,
украдкой, проскользнуть, как рыбка, и устроить пленникам
и их страже розыгрыш — открыть все двери незаметно
для них!

И дать родиться неотвратимой свободе, подобной
солнцу, постепенно побеждающему все туманы, притом
что никому и в голову не придет благодарить его!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Почему не принять все, что есть у бедняги, почему
не принять слезы наивной души?

И потом тут главное не в том, чтобы вам это показалось
забавным и интересным, дорогой папочка, а в том, чтобы
освободить пленников во славу Господню.

ДОН РОДРИГО

Когда я освобожу этих ваших пленников (ну ладно,
я, так и быть, соглашусь, чтобы они плакали мне на ноги!),

Все равно останутся еще и другие.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Но мы, мы тоже останемся или все умрем и тем самым
освободимся от нашего долга.

ДОН РОДРИГО

Семь Мечей, девочка моя, ты будешь сильно презирать
меня, если я тебе искренне скажу все, что я об этом думаю?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Отец, говорите.

ДОН РОДРИГО

Даже любопытно, насколько идея о славном сеньоре Алонсо Лопесе, закованном в железо, которого мы возвратим неутешной сеньоре Алонсо Лопес и всем малышам Лопесам

И который оттого вместе со своим африканским эпизодом брэнного существования станет отныне моей путеводной звездой,

Так мало меня трогает!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Никогда не поверю, отец, что вы можете быть таким черствым и легкомысленным.

ДОН РОДРИГО

И я тоже не верю, черт меня возьми! Но я высказываю тебе мою мысль как могу, я стараюсь, чтобы ты поняла меня!

Ответь-ка мне, дитя мое, кто больше оказывает услуг больному,

Преданный врач, который не отходит от его изголовья, пуская ему кровь и отнимая у него жизнь, с риском для своей, чтобы излечить,

Или некий бездельник, который однажды от нечего делать захотел попутешествовать до другого края земли и случайно открыл хинин?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

К сожалению, тот, кто открыл хинин.

ДОН РОДРИГО

А кто освободил больше рабов,

Тот, кто, продав свое имение, выкупал их одного за другим,

Или предприниматель, который придумал способ, как заставить мельницу вращаться от воды?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Каждый по-своему. Заповедь состоит не в том только, чтобы со смирением, творить добро для наших братьев и сестер,

Но в том, чтобы делать то, что в наших силах, любить пленных и страждущих, которые есть подобие Иисуса Христа, и отдать нашу жизнь за них.

ДОН РОДРИГО

Ну что ж, лишний раз я проиграл и отвергнут, и, однако, я все равно убежден, что должен быть какой-то способ объяснить тебе,

Почему, когда меня призывают на Север, у меня тотчас появляется чувство, что мой долг обратить свой взгляд скорее на Запад или на Юг.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Но здесь-то не Север, не Юг, и вы плывете наугад по воде, где и течений-то нет,

Доверяя ветрам все причуды, рожденные вашим воображением.

ДОН РОДРИГО

И почему же нет у меня права производить мои летающие рисунки подобно тому, как вишневое дерево — вишню, или, если слишком много чести для меня сравнить себя с этим сладким деревом,

Как свои плоды — можжевельник?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Потому что я нуждаюсь в вас. Мама нуждается в вас, и все эти пленники в Алжире нуждаются в вас.

Мы все глубоко нуждаемся в вас, но не в ваших плодах, а в вашем топливе.

ДОН РОДРИГО

Разве нуждаться означает требовать от меня то, что любой другой может сделать еще лучше на моем месте?

Так, если тебе нужен стол, ты можешь, конечно, обратиться к слесарю, и, возможно, он соорудит тебе что-нибудь в этом роде,

Но я на твоём месте лучше бы обратился к краснодеревщику.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Так, значит, не ваша специальность — помогать страждущим вашим братьям?

ДОН РОДРИГО

Моя специальность — помогать им, но не каждому в отдельности. Я не человек частного. Моя специальность — не спасать Антонио Лопеса из турецкого плена и Марию Гарсия от какой-нибудь оспы.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Но не говорите, дорогой папочка, что ни к чему не годны!

Не доставляйте мне такого огорчения! Не говорите, что в этом ничтожном мире вы не способны служить ничему и никому!

ДОН РОДРИГО

Конечно, это не так, Семь Мечей! Да, я верю, что явился в этот мир не зря и есть во мне нечто необходимое ему, без чего нельзя обойтись.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Так почему же вы явились среди нас?

ДОН РОДРИГО

Я явился, чтобы расширить землю.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Что значит расширить землю?

ДОН РОДРИГО

Например, француз, живущий во Франции: ему там тесно, он задыхается! Есть еще Испания под ногами, и Англия над головой, и с разных сторон Германия, и Швейцария, и Италия, попробуйте-ка развернуться посреди всего этого.

А за этими странами другие, и за теми еще другие, и, в конце концов, неизвестное. Никто еще пятьдесят лет тому назад не знал, что там. Как стена.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

И вы думаете, что сможете заставить исчезнуть неизвестное?

ДОН РОДРИГО

Когда ты просишь меня освободить пленников, разве, в самом деле, перевести их из одной тюрьмы в другую означает освободить? Это только перемена камер. Испания некогда была для меня темницей не менее непереносимой, чем Алжир.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Всегда где-нибудь будет та стена, которую нам не пересечь.

ДОН РОДРИГО

Но небо вовсе не стена!

Нет для человека иного предела и барьера, кроме неба! Все земное на земле принадлежит ему, чтобы он шагал вдоль и поперек, и недопустимо, чтобы ему было отказано в малейшей частице ее.

В какую бы сторону ни ступала его нога, он вправе направиться туда.

Я скажу, что человеку необходимо все творение, он не может обойтись без него. Человек не создан, чтобы двигаться на одной ноге и дышать одним легким. Нужно все целиком, все тело.

Одно дело, когда предел нам поставлен Господом,
и совсем другое — вещами одной с нами земной природы,
что вовсе не созданы, чтобы сдерживать нас.

Я жажду прекрасное совершенное яблоко.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Какое яблоко?

ДОН РОДРИГО

Земной шар! Яблоко, что можно удержать в одной руке.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

То, что когда-то росло в райском саду?

ДОН РОДРИГО

Оно все еще там! Там, где порядок, там и рай. Посмотри
на небо, и астрологи скажут тебе, отсутствует ли там
порядок.

А теперь благодаря Колумбу, благодаря мне

Мы составляем полновесную часть этой
астрономической системы,

Счастливо не привязанной ни к чему иному,
кроме Бога.

Мы ни к чему больше не привязаны, кроме Закона
и Числа, которые соединяют нас со всей вселенной.
Сколько звезд! Как богат Господь! И мы тоже, мы
присоединяем нашу золотую монетку к неисчерпаемым
богатствам Господним!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

И пока вы разглядываете небо, вы не видите яму
под вашими ногами, вы не слышите крик этих несчастных,
что провалились в водоем прямо под вами!

ДОН РОДРИГО

Как раз для того, чтобы больше не было ям, пытался
я расширить землю. Все зло свершается всегда в дыре.

Зло причиняют всегда в дыре, его не совершают в соборе.

Все стены, которые раздвигаются, подобны тому, как
если бы расширялась совесть. Больше глаз, чтобы следить
за нами. Больше всего того, что потревожит беспорядок,
который мы создаем.

И мы сами, когда откроются все перегородки,
мы обнаружим, что есть занятия более интересные,
чем пожирать друг дружку, как насекомые в банке.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Я спрашиваю себя, как вы смогли некогда заметить эту
женщину, ту, которая была моей матерью.

ДОН РОДРИГО

Я не то чтобы ее заметил. Я был отдан ей в руки.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

И теперь ее смерть сделала вас снова свободным,
какое счастье!

ДОН РОДРИГО

Дитя мое, не говори о вещах, о которых только мы вдвоем
знаем, я и она.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Немного смерти оказалось достаточно, чтобы порвать
связь между ней и вами. Когда я прошу вас прийти ей
на помощь, вы отказываетесь.

ДОН РОДРИГО

Другое дело зовет меня.

*Донья Семь Мечей не отвечает и чертит пальцем линии
по столу.*

Мой маленький доктор хочет что-то сказать.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Отец, я так сильно люблю вас, но, когда вы мне говорите
о расширении земли, обо всех этих высоких материях,

Я вас больше не понимаю, это слишком грандиозно, я больше не знаю, где вы, я чувствую себя совсем одинокой, и мне хочется плакать!

Что толку иметь отца, если он не внушает уверенности, если он не такой же, как мы все, обыкновенные, бедные люди.

ДОН РОДРИГО

Так что же, я не имею права жить иначе, кроме как для тебя?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Вы только что сказали, что были отданы ей в руки, тогда почему вы пытаетесь вырваться, это нечестно.

Нечего было позволять женщине хотя бы один раз взять верх над вами. Теперь то, что вы ей обещали, вы больше не имеете права отнять, и я здесь, чтобы потребовать это вместо нее.

ДОН РОДРИГО

Но как быть, если то, что ты у меня просишь, я абсолютно не в силах тебе дать.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Это уж ваше дело, как вы все устроите, тем хуже для вас! Это приказ, знаете ли! Остается только повиноваться.

Мне не нравится, что вы установили что-то вроде таможи у дверей вашего сердца, чтобы позволить войти только тому, что вам нравится, а остальному — нет.

Когда я прошу вас о чем-нибудь, а вы мне отвечаете: “Я не могу”, что вы об этом знаете? Вы совершенно ничего не знаете. Попробуйте-ка!

Это так здорово, так возвышенно — повиноваться!

Естественно, всегда можно придумывать себе всякой всячины. Воображение рисует вам кучу всяких прекрасных вещей, одинаково заманчивых.

Но когда вы получаете приказ, у вас больше нет выбора, это как голод, который проникает до внутренностей. Забрасываешь тут же все, чтобы поспешить сесть за стол.

ДОН РОДРИГО

Так что же я должен сделать?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Обещать.

ДОН РОДРИГО

Ну хорошо, я обещаю.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Не надо говорить таким вот образом: “Ну хорошо, я обещаю”, но просто: “Я обещаю”, и сплунуть на землю.

ДОН РОДРИГО

Я обещаю.

Сплевывает на землю.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Я тоже обещаю.

ДОН РОДРИГО

Я обещаю, но я не сдержу обещание.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Тогда и я тоже.

СЦЕНА IX

Король Испании и его придворные, Дон Родриго
Двор испанского короля на его плавучем дворце, как он уже был описан выше. Состоит из нескольких понтонов, кое-как соединенных между собой, без конца скрипящих,

то поднимающихся, то опускающихся, меняющих уровень таким образом, что ни один из актеров не может крепко держаться на ногах, и к тому же архитектура этой замечательной конструкции все время варьируется самым странным манером.

Пантомима придворных, которые стараются изо всех сил; видно, что они делают все, от них зависящее, чтобы удержаться здесь, и с помощью многочисленных покачиваний головой, сложенных ладоней, скрещенных рук, глаз, возведенных к небу или уставившихся в землю, и других говорящих жестов они выражают (и по возможности под музыку, одновременно веселую и траурную) свое глубокое потрясение. Неустойчивая поверхность под ногами к тому же вынуждает их к гибанию коленок и наклонам тела, дабы удержаться на месте, и толкает их, иногда самым неожиданным образом, к поразительным зигзагам.

ПЕРВЫЙ ПРИДВОРНЫЙ

Мой кузен — в числе пропавших.

ВТОРОЙ

И мой дядя также. Он оставил мне все свое состояние.

Я буду очень богат. Надо же! Увы! Увы!

ТРЕТИЙ

Увы! Увы! Увы!

ЧЕТВЕРТЫЙ

И надо же случиться, что я только что получил монополию на поставки копченой пикши в Шотландию на 70 лет!

Что скажут мои кредиторы?

ПЯТЫЙ

Герцог Медина Сидония застрял головой между двумя створками огромной устрицы!

Его можно увидеть в солнечный день, как он вяло колышется в воздушных течениях на глубине вод,

Заканчиваясь элегантными маленькими башмаками с бриллиантовой пряжкой.

КАНЦЛЕР

(глухим голосом)

Какой странный поворот людских судеб!

Он не успел еще закончить, как внезапный крен отбрасывает его на полной скорости через весь зал в объятия мелкого идальго, весьма смущенного такой честью.

ПЕРВЫЙ ПРИДВОРНЫЙ

Еще вчера по утверждению этого абсурдного супрефекта из Байонны...

ВТОРОЙ

Вчера и сегодня!

ТРЕТИЙ

Все погибло! На этот раз никаких сомнений! Никто не вернется в Испанию.

ЧЕТВЕРТЫЙ

Увы! Увы! Наша армия!

ПЯТЫЙ

Увы! Увы! Наши корабли!

ШЕСТОЙ

Увы! наши корабли! “Лев Кастилии”, “Королевское Солнце”, “Слон Астурии”, “Оплот Пиреней”, “Большой Парус Испании”!

ПЕРВЫЙ

“Стоянка Бидассоа”!

ВТОРОЙ

“Святой Фернанд”, “Святой Фердинанд”...

ТРЕТИЙ

“Святой Понтий”, “Святой Альфонс”, “Святой Ильдефонс”...

ЧЕТВЕРТЫЙ

“Святой Марк Жирарден”, “Святая Мария Перрен”⁹⁹, “Святой Рене-Тайландье”, “Святой Бартоломей-Хилер”...

ПЯТЫЙ

И все пошли ко дну, de profundis, но что делать, не стоит об этом думать!

ПЕРВЫЙ

Самое чудесное в этом — отношение его Величества. Он даже бровью не повел.

ВТОРОЙ

И не отменил ни одного праздника.

ТРЕТИЙ

Ни одной аудиенции.

ЧЕТВЕРТЫЙ

Как, разве аудиенция с доном Родриго не отменена?

КАНЦЛЕР

Высочайший указ его Величества. Ничего не менять. Дон Родриго будет торжественно облечен должностью Командующего Англией.

99 К фантазийному списку кораблей Клодель, забавляясь, добавляет корабли, которые носят имя политика XIX века Saint-Marc-Girardin и своего свекра, архитектора Sainte Marie Perrin, а также литератора и политического деятеля XIX века Le Saint-René Taillandier и министра иностранных дел Barthélemy — Saint-Hilaire.

ПЯТЫЙ

Как, он ничего не знает?

КАНЦЛЕР

Его специально изолировали на корабле уже два дня назад. Строжайшее повеление все от него скрывать. Приказ всем вам, господа, вести себя с ним уважительно, как подобает с Вице-королем Англии, избранником его Величества.

ПЕРВЫЙ

Ну и позабудемся!

ВТОРОЙ

Так вот чем объясняется этот странный выбор дона Родриго!

КАНЦЛЕР

У нас великий государь. Как только он узнал о поражении Армады, в тот самый момент, когда до нас дошли ложные новости о победе,

Король тотчас подумал о Родриго.

ТРЕТИЙ

А вот и он.

Входит, опираясь на пажу и в сопровождении вооруженного эскорта, дон Родриго в великолепном черном одеянии, с золотой цепью вокруг шеи. Все почтительно кланяются, с вариациями, зависящими от морской качки в данный момент. Занавес в глубине сцены поднимается, и появляется король на троне. Все придворные делают реверанс. Поскольку король находится на другом, по отношению к Родриго и придворным, понтоне, он то возвышается над ними на необычайную высоту, то опускается так низко, что видна только голова, увенчанная золотой короной с большими зубцами на уровне пола.

Оркестр, потерявший интерес к происходящему, чтобы не скучать, имитирует откаты и накаты волн и чувства людей, которых подташнивает от качки.

КОРОЛЬ

Приблизьтесь, Родриго, и позвольте мне, наконец, созерцать это лицо, что мне слишком часто описывали,

Этот лоб, откуда явилось столько благородных помыслов, эту руку, что смогла навязать свою волю фортуне.

Мне показывали на карте надрез, который вам пришлось в голову провести между двумя Америками,

Очень изобретательная штучка, из которой таланты дона Рамиро смогли извлечь чудесные возможности,

Так как именно благодаря ей, верите ли, сеньор? Мир царит во всей этой огромной империи, и огражденные от бунтов, мы распространили на оба континента благодеяния религии и податей.

И позднее именно вы приковали посреди Океана, к самому боку Японии и Китая,

Эти своего рода кольца, обширные Филиппины, где наш старинный корабль по имени Испания, не без усилий надо сказать, бросил свой самый далекий якорь,

И полезность которого наши умы, более неповоротливые и медленные, чем ваш, однажды, я в этом уверен, смогут все-таки признать.

Столько услуг заслуживают вознаграждения. Но какой пост предложить вам, чтобы вы не чувствовали там себя скованным?

У великих умов нет потребностей. Они смеются над титулами и состояниями. Какое вознаграждение может быть выше, кроме как дать свободное проявление вашему гению и позволить вам пересекать вдоль и поперек солнце нашей благосклонности?

Мы смогли также восхищаться вашим христианским духом, когда, освобожденный от всех воинских забот,

Вы полностью посвятили себя моральному благополучию нашего трудолюбивого морского народонаселения, столь тесно связанному с их материальным благосостоянием.

Что может быть более похвальным, чем распространение среди обездоленных классов, и средствами, близкими их наивному и грубому уму,

Нескольких лучей идеала и отблеска высшей красоты, чувство прекрасного одним словом?

Item, какой может быть более благородный сюжет вдохновения, чем эти великие люди, что всю свою жизнь ничем другим не занимались, кроме как проповедовали презрение к богатству и уважение к государству

И теперь, оказавшись на небесах, вечные служители, они разделяют с солнцем и луной почести календаря?

Простите меня, дон Родриго, если оценка ваших художественных достижений иногда вызывала снисходительную улыбку на моих губах.

Просматривая эти скромные гравюры, я встречал удавшиеся остроты, находки богатого воображения, к сожалению испорченные из-за недостатка средств и полного неведения правил.

Вы лишний раз заставили меня поразиться тем, насколько природа сама по себе неспособна восполнить отсутствие хорошего обучения.

Поверьте, сеньор, наши академии переполнены бьющими через край воображениями, кипучей чувственностью, вулканическими страстями,

Но все эти прекрасные гении никогда бы не достигли ясного и гармоничного выражения, не принесли бы подлинной пользы для общества, не смогли бы вести со скромностью свое маленькое хозяйство, наконец,

не воспользовались бы без усталости для наших глаз и нашего ума умеренным блеском, которым мы так восхищаемся,

Если бы, напуганные собственными порывами, они бы с жадностью не набросились на все тормоза, что выработала мудрость наших предков, и если бы они сами себе не навязали следующее аскетическое правило:

Тот, кто лишь повторяет то, что сделали до него, не рискует ошибиться.

Простите мне, что я так долго распространялся о сюжете столь легкомысленном:

Возможно, вы сочтете, что я не лишен знаний по этим вопросам, некогда получив уроки от самого Рафаэля,

Я хочу сказать Рафаэля Колена, и от Кормона¹⁰⁰ тоже.

Но я должен остановиться. Я знаю, что, развлекаясь этими наивными композициями, вы вовсе не претендовали преумножить художественное достояние испанской нации,

Но вами двигал, скорее, дух популяризации, поучения и филантропии.

ДОН РОДРИГО

Ничто не сможет ускользнуть от всепроницающего взгляда вашего Величества. Какую честь и одновременно смущение испытываешь от того, что на мгновение привлек внимание этого орлиного глаза,

Одинаково привыкшего мыслить размерами империи и следить за бедным кроликом, что пытается спрятаться между двумя кустарниками густорастущего вереска.

Подобно великому Наполеону некогда одним взглядом рождающего Люса де Лансивала¹⁰¹!

100 Raphael Colin (1850–1916) и Fernand-André Piestre, известный под псевдонимом Cormon (1845–1924), — французские художники.

101 Jean-Charles-Julien Luce de Lanceval (1764–1810) — французский поэт и драматург, трагедию которого “Тектор” особенно ценил Наполеон.

Рисунки, о которых ваше Величество только что высказало свое суждение, стоили мне, всего лишь простому мастеровому, многих трудов, многих лет учебы, экспериментов и размышлений,

Но вашему Величеству достаточно одного взгляда, несколько минут внимания, чтобы увидеть их недостатки,

Увы! Я их слишком хорошо знаю и сам. Defuit mihi symmetria prisca¹⁰².

И, чтобы вернуть меня к моим истинным наклонностям,

(кладет руку на сердце)

слова вашего Величества станут моим самым драгоценным кладом! Да, я хочу, чтобы отныне они стали для меня законом в искусстве и в жизни,

Которую я полностью посвящаю теперь не только поднятию морального духа наших работников тунца,

Но прославлению и описанию вашего царствования.

Он кланяется.

КОРОЛЬ

Я одобряю ваши намерения и вашу скромность.

Одобрительный шепот в зале, деликатно подхваченный оркестром. Несколько коротких ударов большого барабана.

Но я говорил все это, чтобы испытать вас. Спокойствие и почтительность, с которыми вы мне отвечали

Доказывают, что художник в вас еще не победил и все не погубил.

Так как не художник нужен мне в Англии.

Не те руки, что наносят краски на бумагу, нужны мне, а те лишь, что некогда создали Америку.

Я даю свободу высказаться вам, сеньор Канцлер.

102 Старинная симметрия мне изменила (*лат.*).

КАНЦЛЕР

(с широко расставленными ногами, как старый морской волк, качаясь в движении килевой или бортовой качки)

Слишком долго, дон Родриго, скрывались вы от взгляда вашего государя и чаяний ваших товарищей по оружию.

И даже если суцая правда, что зависть и ненависть слабых и глупцов, как это свойственно человеческой природе, ополчились против вас,

Однако и с вашей стороны не было спасительно и справедливо и благочестиво не делать ни малейшего усилия против них и беззвучно уступить свое место.

Сегодня Испания и весь мир признают, что они не могут больше обойтись без вашей помощи.

Неправда, будто бы в несчастье мы больше всего нуждаемся в совете, тогда необходимость сама заставляет принять правильное решение.

Но в день, когда, как сегодня, мы осыпаны благоденствиями,

Когда задуманное, как сегодня, удастся, превосходя все ожидания, когда нам выпадают чрезмерные обязанности, и вокруг нас во всех направлениях открываются пути, полные притягательности и опасности,

Только в такой день узнается благородное сердце, только в такой день познается, станет ли оно для перегруженной Империи опорой,

Тем, кто выходит вперед и говорит: “Я смогу!” и приходит на помощь своему государю, который сломлен и стонет под ношей!

И как некогда три женщины пришли молить Кориолана,

Так сегодня не только Англия бросается к вашим ногам в лице Марии, которую эта дочь потаскухи лишает законного наследства,

Но и сама Испания, и весь христианский мир, и Церковь, все умоляют Родриго не оставлять их!

Пауза.

ДОН РОДРИГО

Я не прошу ни войск, ни денег. Я прошу, чтобы король как можно быстрее отозвал свои войска и флот. Меня одного хватит.

КАНЦЛЕР

Вы опережаете желания их Величества, которым необходимы все эти силы для Германии.

МИНИСТР ФИНАНСОВ

И как же вы обойдетесь без солдат и флота, чтобы заставить англичан платить нам?

Кто возместит нам расходы на экспедицию Армады?

ДОН РОДРИГО

Прекрасное христианское вино Испании и Португалии, сеньор Министр,

Которое мы будем пить среди наших туманов за ваше здоровье,

Именно оно возместит все убытки.

И вечный мир. И надежная дорога к Индиям.

КАНЦЛЕР

Ни денег, ни войск, согласен. Но будьте спокойны, мы пришлем вам достаточно помощников и советников.

ДОН РОДРИГО

(надевает очки и вытаскивает из кармана листок бумаги)
Я читаю вот тут, в документе, что я забавы ради нацарапал сегодня ночью,

Будто целый Родриго стоит копейку, и ничего не стоит, если его разрубить пополам.

МИНИСТР ЮСТИЦИИ

Как? Вы хотите совсем обойтись там без наших служителей закона?

ДОН РОДРИГО

Так написано в моем документе.

КАНЦЛЕР

Вы хотите, чтобы мы вас облекли абсолютным доверием?

ДОН РОДРИГО

Я написал для вас в моем документе, что это необходимо. Гораздо легче доверять одному человеку, нежели двоим.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

И какие же обязательства вы возьмете на себя взамен? Что вы намерены предпринять для обеспечения контингента призыва новобранцев и взимания дани?

ДОН РОДРИГО

Контингент призывников — это все те войска, что до сих пор вы обрекали на борьбу с нами,

Что же касается дани, сколько ни искал, не нашел, такого слова нет в моем списке.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

Так в интересах Англии или Испании

Король отправляет вас туда советовать и управлять?

ДОН РОДРИГО

Я окажусь весьма плохим опекуном, если не стану представлять интересы моего подопечного.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

Надо ли ради этого жертвовать интересами вашего доверителя?

ДОН РОДРИГО

Боже упаси! Я хочу уберечь сеньора Военного министра от расходов на новую Армаду.

Да, пока мы пребываем там, воспользуемся полностью плодами нашей победы!

Я хочу, чтобы Англия и Испания после стольких сражений навсегда благословили день, когда они решили помириться!

Ах, мы здорово поборолись, но не более, чем следовало!

Мы извлекли друг из друга все, что было в силах извлечь.

Поцелуй не казался бы так сладок, если бы обессиленный человек в наших объятиях не был нашим побежденным врагом.

МИНИСТР НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Я умоляю ваше Величество обратить внимание на опасные высказывания дона Родриго.

КОРОЛЬ

(который в этот момент занимает рискованную наклонную позицию, в то время как придворные на другом корабле принимают такую же с противоположным наклоном)

То, что он говорит, не лишено смысла. Я и сам смотрю на Англию не иначе, как с миролюбивыми и супружескими намерениями.

Я верю в любовь! То, что политика не смогла, предстоит довершить любви.

Какой пример деликатного вмешательства Провидения после стольких сражений может быть лучше, чем соглашение, которое одновременно обеспечило бы мир во вселенной и упрочение положения для моих сыновей?

Где эта покинутая королева почувствует себя лучше, как не в объятиях дона Удольфо или дона Валентино?

ДОН РОДРИГО

Проблема терпимости между народами уже достаточно сложна сама по себе, чтобы отягощать ее проблемой согласия между супругами.

КОРОЛЬ

Однако я заметил, что королева Мария смотрела на нашего дона Эрнесто благосклонным взглядом.

ДОН РОДРИГО

Вовсе нет. Если кто-то знает королеву Марию, осмелюсь сказать, что это я. Это натура скрытная и недоверчивая. И она совсем недавно вышла из тюрьмы. Сразу видно, что она провела свою жизнь в уединении, вдалеке от сторонних глаз.

Лишь чистосердечное восхищение, что я ей внушил, позволило ей открыться мне, я смог проникнуть до самых глубин этого девственного сердца, в котором смешались бесстрашие и застенчивость.

Я думаю, если существует человек, способный повлиять на нее, то это я.

КОРОЛЬ

Ну что же, значит я отдаю ходатайство о моем сыне в ваши руки.

ДОН РОДРИГО

В этом вопросе не нужно торопиться.

Ваше Величество все взвесит и решит, достойно ли отдать в дальнейшем иностранцу

Право на наследование Испанией.

КОРОЛЬ

Я подумаю об этом.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

Дон Родриго забыл до сих пор нам рассказать секрет, с помощью которого он один,

Без войск, без денег и без брачных уз,
Сможет управлять Англией и превратит ее навсегда
в друга и союзника Испании.

ДОН РОДРИГО

Насытите ваших врагов, и они не придут больше мешать вашей трапезе, не станут рвать кусок хлеба из вашего рта.

КАНЦЛЕР

Я не понимаю этой параболы.

ДОН РОДРИГО

Индии там, вдалеке, в лучах заходящего солнца, я скажу, что они превышают аппетит одного человека.

КАНЦЛЕР

Я начинаю понимать.

ДОН РОДРИГО

Там достаточно всего, чтобы устроить богатую трапезу для всего мира на века!

Зачем придавать столько значимости Старому Свету, зачем драться за кусок хлеба, когда есть Новый Свет, где нам стоит лишь протянуть за ним руку и где ваше католическое Величество благодаря мне навсегда обладает господствующим положением?

КОРОЛЬ

Так вы хотите, чтобы мы отдали Англии привилегии и свободу действий в наших двух Америках?

ДОН РОДРИГО

Нет, не одной только Англии! Не случайно же Господь Бог вслед за Христофором призвал нас пересечь море! Я хочу, чтобы все народы праздновали пасхальную трапезу за этим огромным столом меж двух океанов, что Он приготовил нам!

Когда Господь дал Америку Фердинанду, которого великолепно точно назвали Католическим, она оказалась слишком велика, ведь не была она предназначена для него одного, но для того, чтобы все народы смогли к ней причаститься.

Пусть Англия навсегда благословит день своего присоединения, когда в обмен на свою свободу, подобную той, что бывает у мятежников на украденном корабле, вы подарили ей новый мир!

Подарите же всем маленьким народам Европы, настолько сдавленным, что они входят один в другой, возможность размяться!

Соедините всю Европу в единый поток! И все эти народы, подтачиваемые ересью, раз не могут они встретиться через истоки, пусть объединяются через устья!

КОРОЛЬ

Должен ли я это понимать так, что для того, чтобы вы согласились на миссию, которую я готов доверить вам в Англии,

Вы требуете открыть Америку нашим новым подданным, моим недавним врагам? Это ваше условие?

ДОН РОДРИГО

Я не вижу, что бы я мог сделать там полезного иначе.

Шепот неодобрения в зале, к которому после некоторого размышления присоединяется оркестр.

ВОЕННЫЙ МИНИСТР

Какая дерзость!

МИНИСТР ГИГИЕНЫ

Какая неосмотрительность!

МИНИСТР ЮСТИЦИИ

Какая требовательность!

МИНИСТР НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
Какое сумасбродство! Сир, мы все умоляем вас, чтобы вы не под..

(внезапный крен)

...чинялись!

Мы все умоляем вас, чтобы вы не подчинялись неосмотрительным и дерзким требованиям и сумасбродствам этого зарвавшегося господина!

Оркестр добавляет тоном, не терпящим возражений: "Именно так!" — и после небольшой паузы принимается имитировать усилия человека, которого тошнит.

МИНИСТР ЗАМОРСКИХ КОЛОНИЙ

Мы все-таки не можем превратить Америку, которую гений и добродетели вашего незабываемого дедушки заставили выйти из сени волн,

В банальное пастбище для всей Европы!

МИНИСТР НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Не надо подчиняться! Не надо подчиняться!

КОРОЛЬ

А что вы на это скажете, сеньор канцлер?

КАНЦЛЕР

Простите меня. Я не знаю, что и думать. Вы видите, как я весь взволнован и дрожу.

КОРОЛЬ

Видите ли вы какой-нибудь способ для нас обойтись в Англии без дона Родриго?

КАНЦЛЕР

(с опущенной головой и нахмутив брови, как будто бы он делает огромное усилие мысли,

потом с жестом безнадежного смирения)

Увы! Все поиски мои напрасны! У нас нет другого выбора!

КОРОЛЬ

(обращаясь к своим министрам)

Кто-нибудь из вас желает получить из моих рук Англию вместо Родриго?

МИНИСТР ГИГИЕНЫ

Пусть ваше Величество простит меня!

КОРОЛЬ

Можете вы мне назвать другое имя?

МИНИСТР ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(громко и отчаянно)

Никого другого вовсе нет! Никого другого вовсе нет!

На этих словах внезапный крен вынуждает его, чтобы поддержать равновесие, к серии сложных выкрутасов.

КАНЦЛЕР

(дрожащим патетическим голосом)

Дон Родриго, позвольте мне умолять вас быть сговорчивее. Послушайте советов старика!

Вы видите крайнее затруднение, в котором оказался ваш государь! Будьте великодушны! Не злоупотребляйте ситуацией! Вы же видите, что мы не можем обойтись без вас!

Я молю вас, не просите большего, чем вам может быть дано.

ДОН РОДРИГО

Я не могу гарантировать порядок, если вы не дадите мне весь мир.

КОРОЛЬ

Весь мир мало значит для меня, дон Родриго, если он может заслужить мне вашу любовь и вашу верность.

Возвращайтесь на ваш корабль. Через некоторое время вы узнаете о моем решении.

Вы выставили себя напоказ, так сказать устроили для всех спектакль. Каждый мог вдоволь полюбоваться вами.

Стража, проводите его Высочество и не отпускайте ни на шаг.

Я дольше не в силах лишать вас места, которое вы сами себе выбрали.

Величественно выходит с остановками, соответствующими движениям моря.

Дон Родриго выходит в другую сторону.

Все придворные располагаются в три ряда лицом к публике и, продемонстрировав несколько движений ритмической гимнастики, по хлопку выходят двумя колоннами направо и налево.

СЦЕНА X

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ, БАКАЛЕЙЩИЦА

В открытом море при полной луне. Донья Семь Мечей и Бакалейщица вплавь. Никакой другой музыки, кроме нескольких отдельных ударов большого барабана.

Можно прибегнуть к помощи кино.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Вперед! Смелее, моя Бакалейщица!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Чего-чего, а храбрости мне хватает! Куда бы вы ни направлялись, сеньорита, я твердо знаю, что должна следовать за вами.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Если ты устала, стоит только перевернуться на спину, вот так, крестообразно, раскинув руки.

На поверхности воды остаются только рот и нос,
и как только начинаешь погружаться, глубокий вдох тотчас
выталкивает вновь на поверхность.

Маленькими бросками, вот так, только ногами
и половиной кисти рук.

Никакой опасности выбиться из сил.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Да дело не столько в усталости, просто мне сказали,
что здесь видели акул. О, я так боюсь, что какая-нибудь
акула утащит меня за ноги вниз!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Да это вовсе не акулы, я их сама видела. Это морские
свинки забавляются. Они что, не имеют права
позабавиться? Разве это не забавно — быть хорошенькой
морской свинкой?

Она с большим шумом поднимает ногами столб воды.

БАКАЛЕЙЩИЦА

О, я так боюсь, что они прыгнут на меня!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Да не бойся ты их, даже если одна такая свинка захочет
сделать тебе больно, я защищу тебя против всех этих
сукиных детей.

Заливается смехом.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Сеньорита, я посмотрела со всех сторон, я больше не вижу
красного фонаря.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Твои друзья с Майорки нас позабыли, ура, тра-ля-ля!

БАКАЛЕЙЩИЦА

О, не говорите таких слов, прошу вас, сеньорита, вы меня
пугаете!

О нет, я совершенно уверена, что и Розали,
и Кармен, и Дулерс меня не забыли и где-то ждут нас
с приготовленными одеждами, как я им наказывала.

Они, может быть, чего-то испугались.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Ты боишься, они боятся, тебя напугали! Страх, страх,
страх. Страх, у тебя только это слово на устах!

Я не понимаю, почему ты так спешешь добраться
до берега, в красивом море так чудесно!

Посмотри, луна впереди нас отражается в воде совсем
плоская, как золотая тарелочка! Так и кажется, что я смогу
ее ухватить зубами.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Скажите, сеньорита, а не вернуться ли нам к кораблю
вашего отца, мы еще не очень далеко отплыли.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Мы ушли, конечно, я не хочу возвращаться.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Он будет так огорчен, когда узнает, что вы его покинули
таким образом!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Он вовсе не будет огорчен. Король дал ему Англию, и вот
он уже король Англии. У него уже в голове тридцать шесть
идей об этой Англии. Он больше не думает обо мне.

Он переокрасит всю Англию в небесно-голубой.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Если бы вы все объяснили вашему отцу как должно, может
быть, он бы присоединился к нам.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Нет, он не присоединится к нам. У него другие заботы.
Ему дали землю, чтобы ее расширить.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Но вам-то самой, разве вам не больно покинуть его?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Да, мне очень больно! Бедный отец, он такой глупый!

От одних только мыслей о нем мне хочется плакать.

По сути, он меня очень любит.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Что бы сказала госпожа ваша матушка, если бы узнала,

что вы его так бросили?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Это она призывает меня.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Призывает к чему?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

То, что не хочет совершить мой отец, я должна совершить вместо него.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Только не говорите, что ваш отец ничего не хочет делать, посмотрите вокруг, сколько он сотворил всяких вещей!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Только одна необходима.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Уехать с доном Хуаном Австрийским?

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Да, уехать с доном Хуаном Австрийским, ты же знаешь, что отъезд назначен на завтра, нельзя больше терять ни минуты! Вперед!

Мой отец больше не нуждается во мне, он ушел, оставив мне записочку, и вот уже, как бывалая щука,

ныряет под воду, оставляя позади себя и на поверхности пузырьки, а его самого нет как нет.

А я тоже оставила ему записочку.

БАКАЛЕЙЩИЦА

О, как бы я хотела быть рыбкой!

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Держись! Вот он! Вот он! Я снова вижу его! Снова появился красный фонарь! Я уверена, что они нас заметили, ведь светло как днем! Наши две головы должны быть прекрасно видны, а также белая пена, которую мы поднимаем, когда плывем!

Единственная очевидная необходимость, это люди, которым мы необходимы. Вперед!

О, если бы я могла подобрать эту своего рода плоскую шляпу, что качается на волнах вот там, впереди меня, и помахать над головой, чтобы подать им знак!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Семь Мечей, вы были так прекрасны, так забавно было слышать ваши речи, и поэтому я последовала за вами.

Когда вы рядом и говорите, какое счастье! Я больше не существую, мне больше нет надобности существовать.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Ты увидишь, стоит ли существовать, когда на борту корабля Хуана Австрийского я найду для тебя хорошенького мужа, всего закованного в железо и золото!

БАКАЛЕЙЩИЦА

Когда вы ему расскажете обо мне, он никогда не утешится, что так и не увидел меня.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

То, что ты сказала, полная глупость! Море само нас несет,

и это восхитительно! Не требуется почти никаких усилий, и вода теплая. Отчего ты устала? Не от чего уставать. Только не говори мне, что ты устала.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Нет, я не устала.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Только одна вещь необходима, а об остальном можно не думать.

Что за польза бесконечно все разглядывать и прогуливаться дилетантом с баночкой краски в руках, подрисовывая то здесь, то там?

И едва закончив, упаковать свои пожитки лудильщика, чтобы тотчас заняться поделками в другом месте?

Единственное, что имеет смысл, это если кто-то попросит у вас все полностью, а вы будете способны ему все полностью отдать. Вперед!

Что скажет мой миленький Хуан Австрийский, если сегодня вечером не увидит меня под своими знаменами? Я нужна ему!

Раз мой отец не желает сражаться, придется мне сражаться за него.

Ты наверняка уже слышала, что вся Азия в очередной раз встает против Иисуса Христа и запах верблюдов опять витает над Европой.

Турецкая армия окружила Вену, и огромный флот уже добрался до Лепанто.

Самое время христианскому миру лишний раз сразиться с Магометом в полную силу, он узнает, как мы умеем наподдать, ему и королю Французскому, его союзничку!

Надеюсь, что ты не устала?

БАКАЛЕЙЩИЦА

(на последнем дыхании)

Нет, нет, я вовсе не устала.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Если ты устала, все кончено, я больше никогда не возьму тебя с собой.

БАКАЛЕЙЩИЦА

Я прошу вас простить меня за то, что я так плохо умею плавать.

ДОНЬЯ СЕМЬ МЕЧЕЙ

Давай плыть тихонечко в свое удовольствие. Как восхитительно окунуться в это подобие изливающегося света, превращающего нас в существа божественные, парящие,
(в раздумье)

в телá во славе.

Нет больше надобности в руках, чтобы держать, и в ногах, чтобы нести нас.

Мы движемся, как анемоны¹⁰³ моря, мы дышим вибрациями его тела и толчками его воли.

Все наше существо сливается в единое ощущение, как планета, внемлющая другим парящим планетам.

(Громко.)

Я ощущаю моим сердцем каждое биение твоего сердца.

На этих словах Бакалейщица тонет.

Вода сохраняет все. Это так прелестно, приложившись ухом к водной глади ощущать все эти невнятные мелодии,

(в раздумье)

пляски вокруг гитары,

103 Крупные коралловые полипы — актинии напоминают фантастические цветы. Поэтому на многих языках они называются морскими анемонами.

Жизнь, песни, слова любви, неисчислимы отзвуки
всех этих неуловимых речей!

И все это не вне нас, но как будто мы сами внутри,
как будто есть нечто, блаженно соединяющее нас
со всем, капля воды, перетекающая в море! Бог везде
и во всем!¹⁰⁴

(Громко.)

Какое несчастье! Я вижу, что нас заметили на корабле
и направляются прямо к нам!

Держись, Бакалейщица! Последнее маленькое усилие,
лентяйка! Вперед! Тебе стоит лишь следовать за мной!
Плывет мощными гребками.

СЦЕНА XI И ПОСЛЕДНЯЯ

Дон Родриго, брат Леон, два Солдата

Той же ночью.

*Двое Солдат, брат Леон, дон Родриго, закованный в цепи, —
на корабле, который направляется к берегу. Сцена
освещается большим фонарем, прикрепленным на мачте.*

Музыкальное сопровождение состоит из:

- 1. Духовые инструменты (различные флейты),
в высшей степени “незрелые и кислые”, бесконечно
держат одну и ту же ноту до конца сцены;
время от времени один из инструментов замолкает,
открывая глубинные мелодии, продолжающие
звучать.*
- 2. Три ноты щипком в восходящей гамме на
струнном инструменте.*
- 3. Одна нота смычком.*
- 4. Дробь палочками по маленькому плоскому барабану.*

¹⁰⁴ Дословно в тексте Клоделя “Communion des Saints” — “Святых общение”, из Credo — католического символа веры.

*5. Два маленьких металлических гонга. 6. Утробный звук¹⁰⁵
большого барабана, перекрывааемый в середине раскатами.
Все pianissimo.*

ДОН РОДРИГО

(солдату, который держит в руках письмо)

Я прошу вас отдать мне это письмо, оно принадлежит мне.

БРАТ ЛЕОН

(солдату)

Отдайте ему это письмо, Мануэлино.

СОЛДАТ

Отдам, если мне захочется. Я не люблю, когда передо
мною изображают из себя Короля Англии.

ДОН РОДРИГО

Это письмо принадлежит мне.

¹⁰⁵ По мнению японского исследователя Morigaki Watanabe, описание музыкального сопровождения к этой сцене абсолютно точно совпадает со старинным Гагаку. Гагаку (японское прочтение китайских иероглифов “я-юэ”, обозначающих “высокую музыку”) — название типа придворного оркестра, воспринятого Японией из Китая в VII веке. Основой репертуара Гагаку была китайская музыка, в свою очередь вобравшая в себя элементы музыкальных культур Индии, Тибета, Монголии и Восточного Туркестана. Кроме того, сюда входила музыка трех корейских царств, страны Бохай (населенной племенами маньчжуротунгусского происхождения) и страны Линьи (Юго-Восточная Азия). Жанру Гагаку принадлежат также старинные придворные танцы, так наз. Бугаку, которые Клодель подробно описывает в эссе, посвященном Японии, “Черная птица в лучах восходящего солнца”, в главе “Бугаку”. Как указывает Morigaki Watanabe, во время исполнения музыки Гагаку доминирующие в ней два больших барабана издают звуки, в прямом смысле слова резонирующие в животе слушателя. Отсюда “утробный звук” (по-французски — ventral) у Клоделя.

СОЛДАТ

Это ты, старина Родриго, принадлежишь мне. Король, в своей великой милости рассудив простить предателя, подарил тебя в полную собственность своему камергеру, который в свою очередь отдал тебя моему лакею в уплату долга в десять золотых монет, одолженных ему этим сукиным сыном,

Ну а тот, в свою очередь, не зная, что делать с одноногим стариком,

За некоторую услугу отдал тебя мне, и, между прочим, добыча совсем неплохая, завтра я заставлю тебя бить в барабан на всю Майорку, и точно выжму из тебя десять монет, отличная плата за шкуру предателя.

ДОН РОДРИГО

Прошу вас принять во внимание, сеньор, что это письмо от моей дочери.

СОЛДАТ

Ну хорошо, если хочешь, мы можем разыграть его в кости. Выиграешь — оно твое.

Он перетряхивает фишки в мешочке и показывает ему.

ДОН РОДРИГО

Брат Леон, я не могу играть из-за моих цепей. Прошу вас, сыграйте за меня.

Монах перетряхивает мешочек и бросает кости наземь.

СОЛДАТ

(разглядывая фишки)

Три очка! Совсем неплохо.

В свою очередь бросает кости.

Четыре очка! Я выиграл.

БРАТ ЛЕОН

Все-таки отдайте ему письмо, сын мой!

СОЛДАТ

Письма я ему не отдам, но согласен прочесть его вслух. Кто знает, нет ли там какого заговора против его Величества?
Он вскрывает письмо и, приблизившись к сигнальному фонарю, готовится читать.

Ха! Ха!

Взахлеб смеется.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

И что там такого смешного?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

“Мой дорогой папа”, она, понимаешь ли, говорит.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

И что же тут смешного?

ПЕРВЫЙ

Он заставил ее поверить в то, что он — ее папа! Ее папа — дон Камильо, Каша-Дьябло, как его прозвали, промышлял пиратством на побережье Марокко и тоже был в свое время отменным предателем, вроде нашего,

А любовницей этого Камильо была вдова бывшего Командующего всех Северных колоний в Африке, дай-ка вспомню, у нее еще было такое смешное имечко, что-то вроде Огресс или Бугресс, Пруэз.

БРАТ ЛЕОН

Не любовницей, а женой. Я знаю это наверняка, я сам их когда-то обвенчал в Могадоре.

ДОН РОДРИГО

Как, отец мой, вы знали Пруэз?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Выходит, что все-таки папой был Родриго. “Мой дорогой папа”, ой не могу. Хо! Хо!

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Подожди немножко, он хочет что-то добавить. У вас есть что добавить?

ДОН РОДРИГО

Абсолютно ничего. Я присоединяюсь к вашему простодушному веселью. Разве это запрещено? У вашего приятеля заразительный смех, указывающий на счастливую натуру.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

И вам все равно, что вас называют предателем?

ДОН РОДРИГО

Мне было бы не все равно, если бы я действительно им был.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Но ведь это же правда, что вы и есть предатель!

ДОН РОДРИГО

Значит, все так подстроили, чтобы я никому не причинил зла.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

(первому)

Читай-ка нам продолжение.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

(читает)

“Король дал вам Англию. Я вам больше не нужна”. Ха!
Ха! Ха!

Взахлеб смеется.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Король дал ему Англию, вот потеха! Осталось, так сказать, только ее взять!

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Старина, ты знаешь, здесь ведь была Актриса, которую звали, звали как-то там, неважно, и она заставила его поверить, будто она — Мария, королева Англии.

Бросилась к его ногам, просила прилететь ей на помощь и принять королевство из ее рук.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Вот потеха.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Именно тогда они вместе задумали всякие заговорческие комбинации против короля Испании. Она во всем призналась.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Хотел бы я присутствовать в тот день, когда наш выставял свои условия королю, чтобы принять Англию! Весь народ на море этим потешается!

ДОН РОДРИГО

Вы видите здесь, мой отец, пример одной из нелепых ситуаций, в которую может поставить себя человек с воображением. Ничто не покажется ему удивительным.

Как не поверить красивой женщине, с упоением внимавшей каждому моему слову и взгляду, очаровательному созданию, которая к тому же так дивно рисовала и кончиком своей кисти будто улавливала малейшее движение моей мысли?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

(приближая письмо к фонарю)

Так, где я остановился?

“... Англию, я вам больше не нужна”.

БРАТ ЛЕОН

Послушай, Мануэль, у меня в рукаве спрятаны четыре серебряных монеты, которые милосердные души пожертвовали мне на нужды монастыря,

Я отдам их тебе, если ты отдашь мне письмо.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Идет, но только после того, как я дочитаю до конца.

ДОН РОДРИГО

Пусть он читает, брат Леон.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

“Я уезжаю, чтобы встретиться с Хуаном Австрийским”. Вот уж новость так новость! Ты слышал, старик? Она уезжает, чтобы встретиться с Хуаном Австрийским.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Хуан Австрийский на ней женится, это факт! И больше не надо будет ему устраивать свои брачные дела.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Она узнала, что ее отца арестовывают. Ничего не оставалось, как удрать поскорее. Если старого калеку упекают в тюрьму, ничего не остается, как его бросить. Не зря же она дочь двух предателей.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Самое времечко встречаться с Хуаном Австрийским.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Только добралась ли она до него в самом деле? Я только что слышал, будто бы рыбаки выловили из воды девушку, которая умерла у них на руках.

БРАТ ЛЕОН

Как вы оба можете быть такими злыми и жестокими?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Он сам нарывается, смотрите, как он насмеяется над нами своим высокомерным и отрешенным видом.

Можно подумать, сеньор сам нас пригласил и испытывает искреннее удовлетворение от радости, которую он нам доставляет, принимая в число своих слуг.

БРАТ ЛЕОН ДОНУ РОДРИГО

(приложив свою руку к его руке)

Дон Родриго, это неправда, или это совсем другая девушка.

ДОН РОДРИГО

Я уверен в этом. Что плохого могло случиться со мной в столь прекрасную ночь?

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Вы находите, что ночь, в которую вас везут, чтобы посадить в тюрьму или продать, как раба, прекрасна?

ДОН РОДРИГО

Я никогда не видел ничего великолепнее! Как будто небо впервые открылось для меня. Да, это прекрасная ночь, ночь в которую я праздную наконец мое обручение со свободой!

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Ты слышал, что он сказал? Просто сумасшедший.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Закончим наше чтение. “Я спешу на встречу с доном Хуаном Австрийским. Прощайте. Целую вас. Мы встретимся...” Не могу дочитать.

БРАТ ЛЕОН

Дайте мне письмо.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

“... на небе. Мы встретимся на небе...”

ВТОРОЙ СОЛДАТ

... на небе или в иных местах. Да будет так”.

БРАТ ЛЕОН

Больше ничего?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

“Ваша дочь, которая любит вас. Мария Семь Мечей”.

ВТОРОЙ СОЛДАТ

Хорошо закончено, ничего не скажешь.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Есть еще приписка. “Когда я доберусь до корабля Хуана Австрийского, я попрошу выстрелить из пушки. Будьте внимательны”.

Из ночи с моря доносится окрик женщины.

Эй, мы здесь!

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Нас зовут. С того баркаса нам подают сигнал фонарем.

Оба уходят на другую сторону корабля.

ДОН РОДРИГО

(тихим голосом)

Неужели правда? Брат Леон, вы думаете, это действительно мою девочку рыбаки вытащили из моря?

БРАТ ЛЕОН

Нет, сын мой. Я уверен, что это не так.

ДОН РОДРИГО

Храбрая девочка! Нет, нет, ни твой отец, ни ты не из тех, кого поглощает море! Тот, у кого крепкая рука, тот, кто дышит полной грудью воздух Божий, тому нечего

страшиться глубины! Он радостно преодолет великолепную огромную волну, которая вовсе не желает нам зла!

БРАТ ЛЕОН

Надо простить ее.

ДОН РОДРИГО

Вы говорите, простить ее? Но за что? Ах, как жаль, что она сейчас не со мной, дорогая девочка, чтобы я смог прижать ее к себе этими руками в цепях!

Иди навстречу своей судьбе, моя девочка! Иди сражаться за Иисуса Христа, мой агнец, рядом с Хуаном Австрийским,

Такой точно агнец, как те, что обычно рисуют на картинках с маленькой хоругвью на плече.

БРАТ ЛЕОН

Брат Родриго, не пора ли вам открыть мне свое обремененное сердце?

ДОН РОДРИГО

Это сердце обременено грехами и славой господней, и все это поднимается к моим устам вперемешку, когда я пробую открыться!

БРАТ ЛЕОН

Откройте мне тогда все вместе.

ДОН РОДРИГО

Что мне первым приходит в голову — ночь в самой глубине моего существа, которая, подобно потоку горя и радости, подымается навстречу этой другой, величественной ночи!

Смотрите!

Как будто целый народ вокруг нас, который живет лишь глазами!

БРАТ ЛЕОН

(показывая на небо)

Там, дон Родриго, и отпразднуете вы свое обручение со свободой!

ДОН РОДРИГО

(тихим голосом)

Брат Леон, дайте мне вашу руку. Постарайтесь вспомнить. Это правда, вы видели ее?

БРАТ ЛЕОН

О ком вы говорите?

ДОН РОДРИГО

О женщине, которую вы некогда венчали в Могадоре. Так вы ее видели? Это правда, вы видели ее? Что она вам говорила? Какой она была в тот день? Скажите, существовала ли когда-нибудь в мире женщина, прекраснее ее?

БРАТ ЛЕОН

Да, она была очень хороша.

ДОН РОДРИГО

О! о, жестокая! О, какое жестокое упорство! Ах, как могла она предать меня и стать женой этого другого? А я, я всего лишь мгновение прижимал ее прекрасную руку к своей щеке! Ах, после стольких лет рана все еще свежа и ничто не в силах залечить ее!

БРАТ ЛЕОН

Когда-нибудь все это объяснится для вас.

ДОН РОДРИГО

Вы должны помнить. В день, когда вы ее венчали, выглядела ли она счастливой рядом с этим негром? Охотно ли она подала ему свою прекрасную руку, чтобы он надел на палец кольцо?

БРАТ ЛЕОН

Это было так давно. Я больше не помню.

ДОН РОДРИГО

Вы больше не помните? Не помните, даже ее дивные глаза не помните?

БРАТ ЛЕОН

Сын мой, вы должны теперь смотреть только на звезды.

ДОН РОДРИГО

Вы больше не помните?

Ах, эта сияющая улыбка на ее лице, и глаза, исполненные веры, которыми она взирала на меня! Глаза, которые Господь сотворил не для того, чтобы видеть во мне все ничтожное и тленное!

БРАТ ЛЕОН

Оставьте эти мысли, они разрывают вам сердце.

ДОН РОДРИГО

Она умерла, умерла, умерла! Она умерла, отец мой, и я не увижу ее больше. Она умерла и никогда не будет моей! Она умерла, и это я убил ее!

БРАТ ЛЕОН

Она не настолько умерла, чтобы небо вокруг нас и море под нашими ногами не казалось еще более вечным!

ДОН РОДРИГО

Я знаю! Именно об этом мне говорило ее лицо!

Море и звезды! Я чувствую море под ногами! Я упиваюсь звездами и не могу насытиться.

Да, я знаю, мы не в силах избежать их, и умереть невозможно!

БРАТ ЛЕОН

Ройтесь в них сколько вам угодно, вы никогда

не исчерпаете этих неисчерпаемых сокровищ!
И нет никакой возможности избежать их и быть
вне их. Все, что не есть Бог, теперь удалили! Все, что
в вас нищенски цеплялось к земным ценностям, одну
за другой и поочередно. Покончено навсегда со всеми
подневольными трудами! Приковали злодея! Заковали
в железо все ваши члены, эти тираны, и вам осталось
только вдохнуть полной грудью, чтобы наполниться
Богом!

ДОН РОДРИГО

Вы понимаете, о чем я говорил раньше, когда вдруг смутно
почувствовал, что я свободен?

Толчок. К их кораблю причаливает другое судно.

ГОЛОС ЖЕНЩИНЫ

(снаружи)

Помогите мне!

*Старая монахиня в сопровождении другой, помоложе,
поднимается на борт.*

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Привет сестре-побирушке!

МОНАХИНЯ

Здравствуй, солдатик! Нет ли чего для меня случаем
на твоём судне?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Есть, есть куча всякого старого хлама и всякого рода
обломки, ржавое оружие, старые шляпы, старые знамена,
поломанные утюги, гнутые горшки, треснутые котелки,
все, что мне надавали для продажи на Майорке.

МОНАХИНЯ

Покажи-ка, солдатик.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Все это слишком грязное и неприглядное будет для вас.

МОНАХИНЯ

Нет ничего слишком грязного и неприглядного
для старой сестры-старьевщицы. Все сгодится для нее.
Отбросы, обрезки, мусор — все, что выбрасывается,
все, что больше никому не нужно, все она найдет
и подберет.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

И вам удастся на этом выручить деньги?

МОНАХИНЯ

Достаточно денег, чтобы накормить множество бедняков
и стариков и строить монастыри матери Терезы¹⁰⁶.

ДОН РОДРИГО

Так это мать Тереза Иисусова отправила вас на море
побираться?

МОНАХИНЯ

Да, мой мальчик, я собираю для нее и для всех монастырей
Испании.

*Солдат уходит и возвращается с охапкой старых вещей
и самых разнородных предметов, которые он выбрасывает
на палубу.*

*Монахиня, освещая фонарем, осматривает их, вороша
кончиком своей палки.*

Сколько ты хочешь за все это?

¹⁰⁶ Святая Тереза Авильская, или Тереза Иисусова (1515–1582) — первая в истории церкви женщина-богослов, поэтесса. Монахиня-кармелитка, способствовала созданию в Испании новых женских монастырей, задуманных как маленькие общины, где царил бы глубокое молчание и подлинная бедность; по сути, воссоздает на новом уровне весь Орден кармелитов.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Три золотых монеты.

МОНАХИНЯ

Три золотых монеты! Я согласна на две.

ДОН РОДРИГО

Мать собирательница! Мать собирательница!
Раз уж вы такая любительница, почему бы вам
не прихватить и меня вместе со старыми знаменами
и разбитыми горшками?

МОНАХИНЯ

(солдату)

Это кто еще такой?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Это предатель, которого король поручит мне продать на
рынке.

МОНАХИНЯ

(дону Родриго)

Ну что ж, мой мальчик, ты слышал? Ты предатель,
что ты хочешь, чтобы я делала с предателем? Если бы
у тебя хотя бы были обе ноги в наборе.

ДОН РОДРИГО

Вы меня получите незадорого!

МОНАХИНЯ

(солдату)

Он что, в самом деле продается?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Продается, почему бы и нет?

МОНАХИНЯ

И что же ты умеешь делать?

ДОН РОДРИГО

Я умею читать и писать.

МОНАХИНЯ

А ты умеешь готовить? Или шить и раскраивать вещи?

ДОН РОДРИГО

Прекрасно умею.

МОНАХИНЯ

А чинить обувь?

ДОН РОДРИГО

Тоже.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Да не слушайте его. Врет он.

МОНАХИНЯ

Нехорошо обманывать, мой мальчик.

ДОН РОДРИГО

По крайней мере, я мог бы перебивать посуду.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Только дайте ему, сразу все перебьет!

ДОН РОДРИГО

Я хочу жить под сенью матери Терезы! Господь создал
меня, чтобы быть ее бедным служителем.

Я хочу лущить бобы у дверей монастыря. Я хочу
обтирать ее сандалии, покрытые небесной пылью.

БРАТ ЛЕОН

Возьмите его, мать собирательница.

МОНАХИНЯ

Только чтобы доставить удовольствие вам, отец мой.
Я беру его, но не заплачу ни монетки.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Не то чтобы я очень за него держался, но нужно все-таки мне подсластить. Одну монетку, чтобы я хоть что-то с него поимел.

МОНАХИНЯ

Тогда можешь его оставить у себя.

БРАТ ЛЕОН

Отдай его, солдат. Он будет в надежном месте. Никто ведь не знает, что еще может выкинуть старый Родриго.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Ну ладно, берите его.

МОНАХИНЯ

И вдобавок вы мне дадите этот железный котелок, что ли, который вон там валяется, а вам совсем ни к чему. Иначе я его не беру.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ

Берите его! Берите все! Мою рубашку тоже!

МОНАХИНЯ

Заверните все это, сестра моя. А ты ступай за мной, мой мальчик!

Осторожно по лестнице с твоей бедной ногой!

ДОН РОДРИГО

Слушайте!

Вдалеке торжественно трубят трубы.

МОНАХИНЯ

Это с корабля Хуана Австрийского.

ДОН РОДРИГО

Она спасена! Моя девочка спасена!

Пушечные выстрелы издалека.

БРАТ ЛЕОН

Избавление плененных душ!

Музыкальные инструменты смолкают один за другим.

EXPLICIT OPUS MIRANDUM¹⁰⁷

*Париж, май 1919
Токио, декабрь 1924*

107 Здесь заканчивается чудесное произведение (*лат*).

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА ТЕАТР МИРА ПОЛЯ КЛОДЕЛЯ

“Атласный башмачок” — по общему признанию самая прекрасная и самая загадочная пьеса из всего французского репертуара XX века. И наверное, самая длинная тоже: спектакль в полной версии длится больше десяти часов. Именно поэтому каждое новое обращение к этой пьесе всегда становится событием. Так, до сих пор во Франции театралы делятся на тех, избранных, кто видел знаменитый авиньонский спектакль Антуана Витеза 1987 года, и тех, кто его не видел. И уже давно стал театральной легендой первый “Атласный башмачок” Комеди Франсез (1943), поставленный Жаном-Луи Барро, сыгравшим также главную роль, Родриго¹⁰⁸. Правда, в Париже в разгар немецкой оккупации о том, чтобы играть полную версию не могло быть и речи, и драматург вместе с режиссером сочинили новую, короткую версию пьесы, которая осталась в истории как “сценическая версия Жана-Луи Барро”¹⁰⁹. (Хотя

108 О том, каким Родриго был Барро, можно судить, как ни странно, по его Жан-Багисту в “Детях райка”, фильме Марселя Карне, сценарий которого написан Жаком Превером под влиянием рассказов Барро о клоделевском спектакле: история Гаранс и мима-поэта во многом является сниженной до мелодрамы историей Родриго и Пруэз.

109 В Россию пьеса Клоделя тоже впервые пришла в короткой сценической версии Ж.-Л. Барро. (Постановка Владимира Космачевского, Творческие мастерские СТД (ВОТМ), 1991–1992. Перевод Е. Богопольской.)

в последующие десятилетия Барро еще неоднократно будет возвращаться к "Атласному башмачку", и даже поставит полную версию в 1980 году в театре d'Orsay).

Поэт и драматург Поль Клодель (Вильнев, 6 августа 1868 — Париж, 23 февраля 1955) занимает совершенно особое место во французском театре XX века. Сама его биография представляет уникальный для Франции рубежа веков случай, когда великий поэт, которого еще при жизни сравнивали с Шекспиром, был не изгоем, подобно Рембо и Верлену, не завсегдаем богемных мансард и кафе, подобно Аполлинеру или Кокто, а крупным государственным деятелем, дипломатом.

Не укладывается в привычные рамки и истовый католицизм Клоделя, посвятившего большую часть своей жизни изучению и комментариям Библии. Впрочем, за оболочкой государственного мужа и христианского мыслителя все время угадывается анархистская природа истинного поэта: она выплескивается и в чрезмерном лиризме его драм и поэм, и в образе героя — вечного бунтаря и странника, неудержимо влекомого к неизвестному, к "пределам мира", по выражению столь любимого Клоделем Артюра Рембо. Хотя для самого Клоделя здесь не было противоречия: для него "искусство и поэзия есть также вещи божественные", и только поэзия, укрепленная верой, способна объяснить необъяснимое: "Предмет поэзии, вопреки распространенному мнению, вовсе не мечты... предмет поэзии — это обступающая нас священная реальность, данная нам раз и навсегда". Начиная Клодель в 80-е годы XIX века вместе с символистами, а последнюю пьесу — фарс "Торжество Скапена" — написал в 1949 году, во времена, когда уже появились Сартр и Жене. Если круг образов и тем остается постоянным, то драматургическая техника со времен малосценичного "Златоглава" существенно меняется. Всю свою жизнь Клодель постоянно учится у театра: он присутствует на репетициях своих ранних пьес, у Люнье-

По и у Жака Копо, и в знаменитом институте Жака Далькроза в Хеллерау, где ставили "Благовещение" (Клодель был тогда французским консулом в Германии), как потом много позднее на репетициях "Атласного башмачка" Жана-Луи Барро. Вместе с режиссерами и актерами он стремится постичь то, чем должен стать его текст. Переделки и вся необходимая работа по переработке текста для сцены воспринималась им не как нечто случайное, но как новый источник вдохновения — почти все пьесы имеют по два варианта. И если его ранние драмы, как "Город" (1891), были в основном драмами для чтения, то в поздних пьесах, начиная приблизительно с середины 10-х годов, Клоделя все больше занимают вопросы сценичности.

Новаторство Клоделя — в попытке подчинить свою драматургию новой театральности, и здесь он оказывается близок не французским драматургам-современникам, а режиссерам-реформаторам сцены начала века — Мейерхольду, Крэггу, Рейнхардту, как потом Барро и Брехту. Клодель экспериментирует во всех жанрах. Под впечатлением опытов Далькроза и Аппиа он пишет сценарий балета для Вацлава Нижинского "Человек и его желание" (1921), который совершенно не укладывается в эстетику своей эпохи, являясь, по сути, первым опытом танца модерн. Для театра Рейнхардта он пишет либретто оперы, мистерии "Книга Христофора Колумба" (1927, музыка Дариуса Мийо), организуя драматическое действие как монтаж законченных мизансцен с подробными рекомендациями для исполнителей и включением в действие кинопроекции, а затем превращает эту драму в киносценарий. Он сочиняет мистерии, исторические драмы, мимодрамы, ораторию, пластическую сюиту, фарсы, в том числе для театра марионеток, и экстравагантцу для радиотеатра, "Луна в поисках себя самой". Размышления об искусстве театра приводят Клоделя к мысли о тотальном спектакле: "Есть моменты, когда не хватает слов, и тогда нужна поддержка музыки, искусства пантомимы, пантомима может перехо-

дить в танец, а когда присутствие актера кажется слишком материальным, можно прибегнуть к технике кино”¹¹⁰.

“Атласный башмачок” сам Клодель считал итогом, вершиной своего творчества.

Написанный в Токио под впечатлением представлений японского “Но”, “Атласный башмачок” представляется как отражение всей истории европейского театра, обогащенной опытом театра восточного¹¹¹. Многим он видится увеличенной в размерах драмой “Но”: речь идет и о содержании, и о музыкальном сопровождении (см. сноску к последней сцене Четвертого Дня), и о заимствовании образов, например фигура Двойной Тени. Другие назовут “Атласный башмачок” “Божественной комедией” новых времен и тоже будут по-своему правы: разве сквозь перипетии судьбы, возносящей Пруэз в венец вечного звездного неба, не мерцает нам образ путеводной возлюбленной флорентийского поэта? Третьи, несомненно, услышат сквозь какофонию звуков и тем мелодию Вагнера. Да что там говорить: “сцена этой драмы — весь мир”, как значитесь в первой авторской ремарке “Атласного башмачка”. Жанр пьесы обозначен как “испанское действо в Четырех Днях”, вызывающее ассоциацию с “ауто сакраментале” Кальдерона: так же, как в барочной драме, в действие на равных включаются Святые и Ангелы.

“Оригинальность моей драмы, — писал сам Клодель, — в сложности структуры. Это форма Кальдерона и Шекспира, которая меня так всегда восхищала”. Действительно, он порывает в “Атласном башмачке” не только с традиционным для французского театра единством времени и места, но, подобно Шекспиру, разрывает единство действия: в пьесе есть

несколько параллельных сюжетов, развивающихся одновременно, которые, чередуясь, пересекаются только на уровне ассоциативном. (Так, например, история невозможной страсти Родриго и Пруэз сопровождается счастливыми двойниками и чудесным торжеством земной любви — Донья Музыка и Вице-король Неаполя, Диего Родригес и Донья Острожезилля). Сложное сцепление постоянно меняющихся, контрастных эпизодов, так же как несколько параллельно развивающихся сюжетов, Клодель считал условием подлинной сценичности, секретом которой владели “эти старые англосаксонские драматурги”. Более того, вопреки французской традиции, автор в “Атласном башмачке” смешивает не только страны и эпохи, но и жанры: высокую расиновскую трагедию¹¹² и грубый мольеровский фарс, как если бы трагедию играли посреди веселой, разнузданной карнавальная толпы.

Он, кажется, преднамеренно выступает здесь против картезианской эстетики упорядоченности и культа разума, противопоставляя им свою эстетику беспорядка, то есть воображения, отражающего жизнь во всей ее полноте. В этом ощущении полноты бытия органическое ощущение человека верующего, которое и составляет одну из особенностей поэтики Клоделя. “Именно потому, что весь тварный мир несовершенен и во многом сущем есть изъян, некая природная пустота, он дышит, живет, обменивается, нуждается в Боге и других созданиях и подвластен поэзии и любви, сочетающей их”¹¹³.

В этой пьесе Клодель не только подводит итог своей драматургии, но и полностью раскрывает свое понимание театра как Вселенной сцены. “Атласный башмачок” — это гимн театру, его бесконечным возможностям, единственному спо-

110 Цит. по: Paul Claudel. *Mes idées sur le théâtre*. Paris, 1966. P. 9.

111 Клодель оставил много подробных описаний представлений “Но”, “Кабуки” и кукольного театра “Бунраку”, он был также первым европейцем, написавшим драму в стиле “Но” — “Женщина и ее тень”, поставленную потом на сцене Императорского театра в Токио.

112 Так совпало, что Клодель, после избрания в Академию в 1946 году, занял кресло Расина.

113 Клодель П. Вступление к поэме Данте. Цит. по: Капля Божественного меда / Пер. с фр. А. Курт и А. Райской. М., 2003, С. 52.

собу все рассказать о жизни, месту, где человек на несколько часов может почувствовать себя богом. И наоборот: Всевышнего Клодель сравнивает с режиссером, а жизнь человеческую уподобляет большой драме, разыгрываемой у него на глазах.

Театр по Клоделю — это иллюзия, создаваемая на глазах у зрителя. Однако принцип построения театральной иллюзии, подобно Пиранделло и Брехту, он мыслит как разрушение иллюзии жизнеспособия. Ибо театр — это прежде всего игра, и Клодель очень любил эту его двойственную природу и хотел, чтобы зрители не только следили за развитием сюжета, но и наслаждались самой театральностью. Подчеркивая условное, игровое начало, Клодель стремится взбудоражить фантазию зрителя, чтобы потом с еще большей силой вовлечь его в чудесный мир испанского действия. Ведь “Атласный башмачок” — еще и одна из самых прекрасных любовных историй, которую знает мировая драматургия. Мистерия о запретной любви конкистадора Родриго де Манакора и прекрасной доньи Пруэз разыгрывается на море, на суше и в небесах в течение четверти века — весь мир, вся вселенная становятся участниками любовной драмы. Здесь угадывается и миф о роковой любви Тристана и Изольды, и, по признанию самого драматурга, “древняя китайская легенда о двух влюбленных — звездах, которые каждый год после долгих странствий наконец встречаются, но никогда не могут соединиться, ибо находятся по разные стороны Млечного пути. Так вот и Родриго и Пруэз разделены высшей властью, которую древние называли Роком...”¹¹⁴

Вопрос о таинстве любви был на протяжении 20 лет после “Полуденного раздела” постоянной темой творчества Клоделя. И опять в “Атласном башмачке” он как бы подво-

дит итог, поэтический и философский. Страсть предстает как необходимость, навязанная и желанная Богом и одновременно запретная, греховная. Герою Клоделя нужен этот опыт любви, подобной раскаленному мечу, что “пронзает душу”, чтобы понять самого себя и осуществить свою судьбу, и в высшей перспективе освободиться от тяжести материального мира. Именно как преддверие такого освобождения следует вероятно читать буффонный и абсолютно фантазийный Четвертый День, весь проходящий на воде. “Даже грехи служат”¹¹⁵: любовь — страсть в мире Клоделя становится одним из путей к Благодати, женщина — приманка в руках Провидения, тайный зов к миру иному через обманчивые обольщения любви. Земная трагедия героев — лишь эпизод в грандиозной драме мироздания, где их душам суждено пребывать в вечном единстве?

“Избавление плененных душ” — эта последняя фраза “Атласного башмачка” звучит как триумфальное освобождение, высший момент радости. Вся пьеса и есть, в сущности, прославление радости, приятие всего Творения в надежде увидеть за ним Творца.

Несмотря на все комментарии, а их написано великое множество, пьеса Клоделя продолжает притягивать мерцанием неисчерпаемых смыслов, сохраняя способность в разные периоды жизни открываться нам по-новому. И в разные эпохи тоже. Наша — мондиализации, рождения нового мира без границ, неожиданно в новом свете освещает и выводит на первый план столь дорогую Клоделю, и поэту, и дипломату, утопию единения человечества, его размышления о том, что все люди между собой связаны, и нет ни одного события в любой точке земного шара, которое не отозвалось бы тем или иным образом в каждом из нас.

Екатерина Богопольская

¹¹⁵ См. на эту тему более подробно в статье Доминик Мийе-Жерар “Etiam peccata”.

¹¹⁴ Из речи Клоделя по поводу “Атласного башмачка”, произнесенной на благотворительном вечере, данном актрисой Мари Бель (Пруэз в спектакле Ж.-Л. Барро) в Париже 23 марта 1944 года. Цит. по: Paul Claudel, Théâtre, vol. 2, Gallimard, 1965. P. 1476.

ETIAM PECCATA

Со дня своего обращения во время пения Magnificat, Песни Пресвятой Богородицы “Величит душа Моя Господа”¹¹⁶ в соборе Парижской Богоматери на Рождество 1886 года Клодель сохранил и перенес в свое творчество поклонение женщине-спасительнице. Как он сформулирует это уже на закате жизни: “Для меня женщина всегда представляет четыре ипостаси: либо человеческую душу, либо Церковь, либо Пресвятую Богородицу, либо Премудрость Божию. Нет ни одной женской фигуры во всем моем творчестве, которая не обладала бы какими-то чертами Премудрости”.

“Атласный башмачок” — главное тому подтверждение. Но и в ранних произведениях Клоделя можно найти зачатки того совершенного женского образа, который воплотится в донье Пруээ. Уже в его первой драме “Златоглав” (1889) появляется таинственный женский образ Принцессы. Наследница утонченных принцесс модного в ту эпоху символистского театра, она должна спасти героя, Златоглава, от гордыни, которая вселяет в него безумные мечты о могуществе.

И если она все-таки спасает его, то ценой собственною страдания: нужно было, чтобы Златоглав увидел ее рас-

пятой на дереве, чтобы открыть в себе чувство сострадания. Здесь мы уже находим начало того, что станет спасительным страданием Пруээ.

В “Городе” (1891) Лала дает следующее определение себе и женщине вообще: “Я — обещание, которое не может быть выполнено”, тем самым она определяет роль женщины как искусительницы, которая в дальнейшем способна научить своего избранника преодолеть искушение. В поэме в диалогах “Кантата для трех голосов” (1913) предстанут три женские фигуры разного возраста, все три — влюбленные и разлученные со своим избранником — женихом, далеким супругом, умершим мужем. Благородная красота с потусторонним ликом, обещание счастья, которое не достижимо в этом мире, необходимое отсутствие — таковы основные составляющие этой искупительной женственности.

Но вдруг поперек этой схемы вступает другой женский образ, Изе, из “Полуденного раздела”(1905). Очень земная и чувственная, она напоминает о другой героине, столь близкой ей по имени, — об Изольде. Однако уже к финалу этой драмы Клодель чувствует необходимость придать ей другие черты — лик потусторонний, проступающий сквозь смерть, и появляется “женщина, исполненная красоты, развернутой в высшей красоте”¹¹⁷, то есть преображенная. Между Изе и Пруээ, которая ей наследует, заменит ее, растворит в себе, — двадцать лет, наполненные для Клоделя познанием разлуки с реальной возлюбленной и любовной тоски, новой встречей с ней и наконец преображением невыносимой жизненной ситуации через творчество.

Etiam peccata: Клодель берет эпитафией к пьесе высказывание, приписываемое Блаженному Августину, которое в самом тексте пьесы будет подхвачено Ангелом Хранителем. Именно Ангел Хранитель придаст ему будоражащий

¹¹⁷ Клодель П. Полуденный раздел / Пер. с фр. А. Наумова, Е. Наумовой. М.: ГИТИС, 1998. С. 106.

¹¹⁶ Magnificat anima mea Dominum. От Луки, 1, 46–56.

смысл формулы не только парадоксальной, но и очень смелой с теологической точки зрения: “Даже грех! Грех тоже служит”. В другом тексте Клодель приблизит эту формулу к высказыванию святого апостола Павла “Притом знаем, что любящим Бога, призванным по его изволению, все содействует ко благу” (Рим. 8, 28), так же как и выражение *felix culpa*, “счастливая вина”, извлеченное им из латинского гимна *Exultet*¹¹⁸, “О, счастливая вина, заслужившая столь славного Искупителя. О, воистину необходимый грех Адама, который изглажен смертью Христа!”.

Но что означает все это применительно к “Атласному башмачку”? Где здесь вина, грех? Это грех любви-страсти, которая неотвратимо влечет друг к другу Родриго и Пруээ. Но Пруээ замужем, и как говорит ей дон Пелайо, ее старый благородный муж, который уже все постиг:

*То, что вы вручите ему, будете уже не вы сами,
Не дитя Бога, не создание Божье.
Вместо спасения вы сможете дать ему лишь наслаждение.
Вместо себя, Божьего творенья, вы вручите ему свое
собственное творение, идола из живой плоти.
Вас ему неостанет. В вашей власти дать ему лишь
преходящее*¹¹⁹.

По самому тону дон Пелайо мы понимаем, что речь идет не о банальной истории адюльтера.

Пруээ в самом деле приложит все силы к тому, чтобы одновременно и способствовать и препятствовать своей любви: она тайком посылает записку, назначая свидание Родриго, и в то же время в очень красивой сцене, которая и дала название всей пьесе, она молит Богородицу уберечь ее от

118 “Да возрадуется множество ангелов”, древний пасхальный гимн, который по-латыни называется *Exultet*. В этом гимне находится выражение формула христианского богословия *Felix culpa*.

119 День Второй. Сцена IV.

достижения своей цели. В дальнейшем, когда после смерти дон Пелайо она обретет свободу, то выйдет замуж за Камильо, сделав снова невозможным какой бы то ни было союз с Родриго. Когда же они наконец встретятся, она откроет ему, в великолепном лирическом диалоге, величие любви в отречении, подлинную радость, которая смешана с жертвенностью, преображением желания. В накале страсти их единственной встречи влюбленные переносят свое двойное желание в любовь к Богу и преображают в радость души. Грех, который служит, — это и есть напряжение желания, изначально — чисто земное желание двух существ неотвратимо влекомых друг к другу, которое в боли разлуки и ее превратностей становится все более полным, все более обостренным и глубоким, вплоть до возможности превзойти самого себя и обратиться в абсолютную жертвенную любовь. И теперь уже в образе звезды Пруээ, новая Беатриче, наполнит Родриго, будет сопровождать его, указывать путь в парадоксальном блаженстве отказа от земных благ.

Но откуда у клоделевской героини такая власть, позволяющая увлечь мужчину к подобным духовным высотам? Дело в том, что она более, чем он, открыта высшим духовным силам, она ближе к Богу.

И она сумеет воспользоваться данной ей красотой и притягательностью, чтобы привести мужчину к большему, чем она сама, к Тому, перед Кем она бессильна.

На этом пути есть у нее знаменитые предшественницы, которых хорошо знал Клодель. Среди них — загадочная фигура Премудрости из VIII главы книги Притч Соломоновых, о которой говорится в Библии как о женском начале, которое предшествовало Творению и которую возлюбил “Владыка всех”. Есть также героини средневековых романов и вся этика куртуазной любви, “всегда запретной”, и рыцарские подвиги, чтобы заслужить любовь. Не забудем и о том, что для французского слуха имя Пруээ по звучанию близко

“prouesse”, пружесс, то есть храбрость, подвиг. Была и Беатриче Данте, так восхищавшая Клоделя, Беатриче из “Божественной комедии”, которая в главе “Рай” становится частью звездного Неба, предвосхищая Пруэз-звезду из Четвертого Дня. Такова роль женщины, когда она позволяет проявиться через нее Божественной воле, вместо того чтобы чинить ей преграды: пробудить в своем избраннике все лучшее, заставить его забыть самого себя, чтобы возвыситься над самим собой, “выявить собственную бесконечность”.

Обращенный к внешнему миру, к самоосуществлению в нем, мужчина нуждается в этом источнике внутренней силы и духовности, который у Клоделя воплощен в женщине: пользуясь своей красотой как приманкой, она увлекает его за собой до того опасного предела, где должно произойти таинственное перерождение, где желание плоти уступит место желанию Неба.

Такова драматическая вселенная Клоделя, в которой два образа — Евы-прародительницы и Девы Марии-заступницы дополняют друг друга, чтобы в финале слиться, ибо первоначальный грех преодолевается в торжестве духа.

ДОМИНИК МИЙЕ-ЖЕРАР,
профессор Сорбонны,
Университет Париж-IV.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО¹²⁰ ЛУНЕ ИЗ “АТЛАСНОГО БАШМАЧКА”

Среди всех линий “Атласного башмачка”, сплетающихся в чудесную гибкую и прочную сеть, в которой сюжет вьется в разных направлениях, ни разу не запутавшись, я выбираю мотив Луны за элегантность и тайну ее образа.

И я выбираю ее еще и потому, что она сияет на небе моего детства, сливающегося с прозрачной громадой, встающей ночью над замком в Бранге¹²¹, где я родилась.

С этим торжественным небом навсегда связаны воспоминания о Поле Клоделе, моем деде. Вот мы собрались вечером после ужина на террасе красной гостиной, где едва угадывается его присутствие. Его или одного из его пятерых сыновей и дочерей, Мари, Пьера, Рен, Анри, Рене, ставших в свою очередь родителями и сменивших его в роли звездочета для еще маленьких детей. Ведь это волшебство длилось долго, каждое лето, вплоть до того дня, когда он исчез, словно уже закончил рассказывать свою историю. Нет больше вечерних собраний на террасе красной гостиной, они остались лишь в памяти той, которая все еще держит на коле-

120 Перевод Т. Понятиной.

121 Замок Бранг в окрестностях Роны был приобретен Полем Клоделем в 1927 году. Поэт очень любил Бранг и именно здесь завещал похоронить себя.

нях “Большой Ларусс” хх века, открытый на странице, где созвездия соединены в четкие фигуры на синем фоне. Вот Большая Медведица, по-другому Телега, и Малая Медведица, а дедушкин палец касается Полярной звезды, которая указывает на Север, она очень яркая на бумаге, но в вышине бледновата и подрагивает. И вдруг все прекращается, книга закрывается. Это луна взошла с левой стороны над соснами. Мы не заметили, как она подкралась с востока, к которому мы сидели спиной. Ее круг неотчетлив, то ли С, то ли Р, то ли она старая, то ли растет? Мы соревнуемся, кто быстрее определит это, применяя хитрость, которой научили нас родители. “Растет, растет! — кричит самый быстрый. — Завтра полнолуние!” Да, может быть, и так, полной уверенности у нас нет.

Такова луна, предсказуемая, когда ее ждешь, и непредсказуемая, когда появляется. В этом она похожа на нас.

Так и в “Атласном башмачке”, где солнце — нечастый гость, луна моего детства не перестает меня удивлять. Появившись в сцене XIII Второго Дня, она вдруг заговорила! Но после первых слов понимаешь — так и должно быть.

Она говорит, и я вижу, что она желает нам добра. Мы — эти разлученные и страдающие любовники, которым Луна говорит: “Время мне появиться”. Эти любовники, тень которых она только что отбросила на стену в тот момент, когда они встретились на сторожевых подступах к Могадору. Какая нежность сквозит в той дарованной нам возможности на мгновение прожить, через Пруэз и Родриго, наши мечты; в том, что теперь, когда они снова разлучены, она не покинула их.

“Все создания, все люди, и злые и добрые, все погружены в милосердие Адоная!”

Она говорит и дает нам высказаться, излить наши “бредни”, потому что она знает: все проходит.

“Теперь в мире наступил покой,
Время — полночь”.

Сейчас, когда на моих коленях открыт “Атласный башмачок”, как когда-то звездный атлас, я могу сказать, что слышу Луну из Бранга.

МАРИ-ВИКТУАР НАНТЕ,
внучка Поля Клоделя

Клодель Поль
Атласный башмачок
Пьеса

Перевод с французского *Е. Богопольской*

Художественное оформление и макет *А.Бондаренко*

Научный редактор *Т. Понятина*

Составитель *Е. Богопольская*

Верстка *А. Тубольцева, М. Гришиной*

Подписано в печать 15.06.2010

Формат издания 84×108

Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Заказ № 741

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105 005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46